

№ 39 СЕНТЯБРЬ 1981

Директор ВАМИ Н. А. Калужский.

В лаборатории обезвреживания газов и промышленной санитарии.

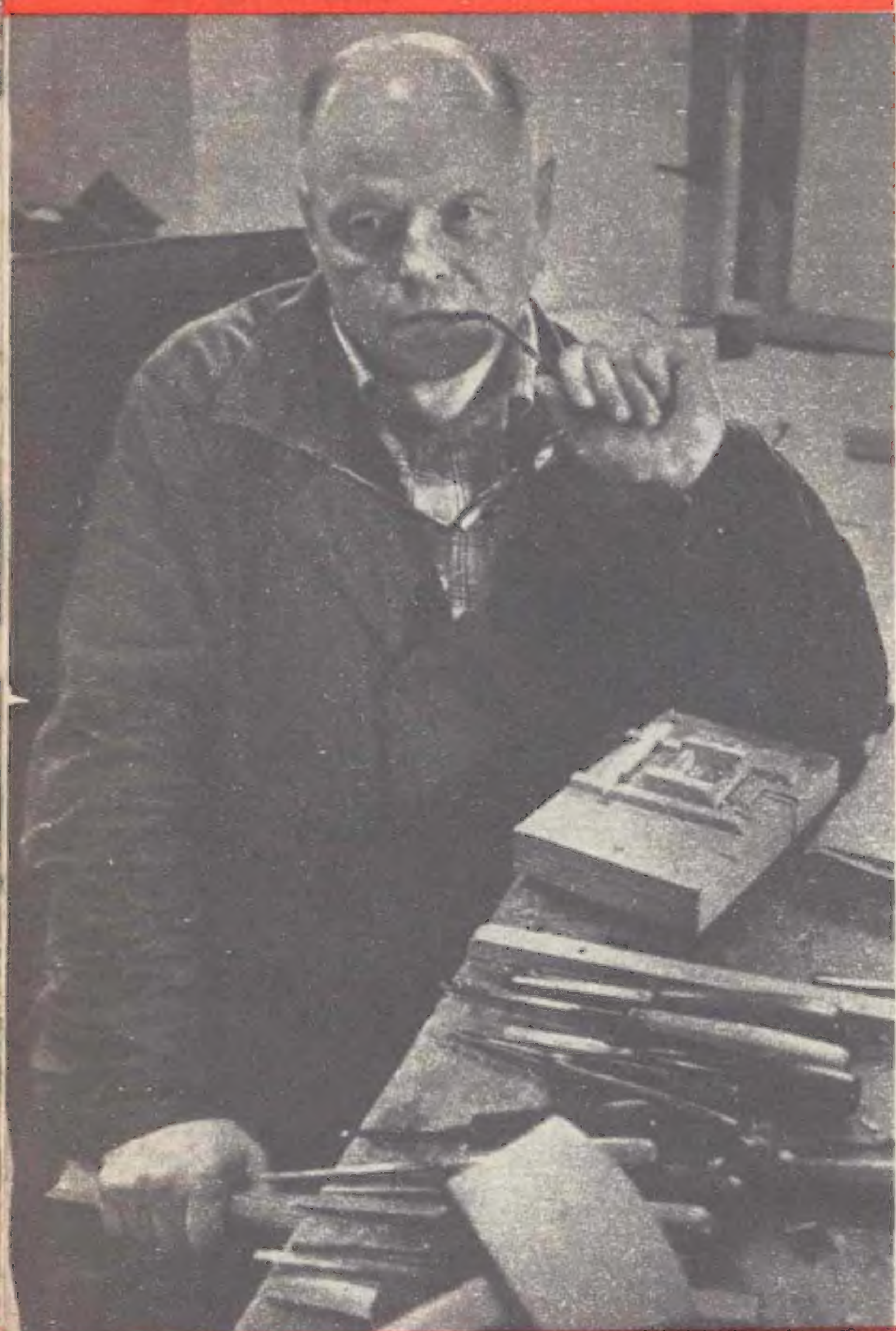

ЛЮДИ И МЕТАЛЛЫ

Отдел макетно-модельного проектирования.

Макетчик В. Д. Аринин.

Сергей МАРКОВ,
фото И. ГАВРИЛОВА,
специальные
корреспонденты «Огонька»

Н

едавно за большие заслуги в развитии цветной металлургии, создание новой техники, прогрессивной технологии и внедрение их в производство легких металлов Всесоюзный научно-исследовательский и проектный институт алюминиевой, магниевой и электродной промышленности — ВАМИ — награжден орденом Октябрьской Революции. Коллективу этого научного учреждения фактически обязаны и рождением и развитием наш алюминий, наш магний, наш титан — металлы века, без которых невозможно представить ни одной отрасли народного хозяйства.

Главный инженер проекта Таджикского алюминиевого завода Григорий Ефимович Вольфсон подвел нас к большой карте страны, установленной в выставочно-информационном центре ВАМИ. На ней условно обозначены заводы, комбинаты, рудники, с которыми творчески и непосредственно связан институт. Лампочки загорались в хронологическом порядке, начиная с Волховского алюминиевого завода, на котором четырнадцатого мая 1932 года был получен первый советский алюминий. Это было первой победой института, в фантастически сжатые по тем временам сроки учеными и инженерами ВАМИ были разработаны принципиально новые аппаратурно-технологические схемы переработки на глинозем высококремнистых отечественных бокситов, созданы оригинальные конструкции алюминиевых и магниевых электролизеров.

Предпоследней зажглась лампочка в Южном Таджикистане, неподалеку от Нурекской ГЭС.

Известно, что алюминий получается в результате сложного электрохимического процесса — электролиза. В мире получили применение, в частности, электролизеры с обожженными анодами — ими был оборудован Волховский алюминиевый завод, — электролизеры с самообжигающимися анодами: боковым или верхним токоподводом. Какой принять для Таджикского завода, одного из крупнейших в мире? Дискуссия по этому поводу была весьма острой, предстояло выбрать генеральное направление развития нашей алюминиевой промышленности на многие годы вперед.

— И несмотря на то, что проект таджикского гиганта уже был, — говорит Г. Е. Вольфсон, — нам удалось добиться его пересмотра. Сил было положено на это много, прежде всего директором института Н. А. Калужским. И вот почему. Электролизеры с самообжигающимися анодами выбрасывают в атмосферу огромное количество смолистых погонцов — продуктов обжига анодов, выделяют фтористые вещества, угрожающие всему живому на много километров вокруг... Электролизеры же первого типа, установленные на Волховском заводе, за пятьдесят лет были коренным образом усовершенствованы: разработаны конструкции укрытий для ванн, системы газоотсоса и газоочистки, появились машины и механизмы, облегчившие труд. Учеными нашего института была создана новая высокоэффективная конструкция электролизеров с обожженными анодами и укрытием на силу тока 160 тысяч ампер. В 1975 году была пущена первая очередь Таджикского завода. В 1982 году предполагается пустить электролизеры на 255 тысяч ампер, в 10 раз более мощные, чем первые волховские!

Проблема экологии — одной из важнейших проблем, стоящих сейчас перед человечеством, ученые ВАМИ уделяют большое внимание. Заведующий лабораторией электролиза хлоридов магния и алюминия, лауреат Государственной премии Александр Николаевич Татакин показывал нам любопытные публикации английской и американской прессы. Летом 1971 года фирма «Америкэн магнизиум компани» закрыла на неопределенный срок свой магниевый завод в Техасе по распоряжению управления по контролю за состоянием атмосферы штата. Улучшения, внесенные в систему газоулавливания на заводе, были признаны недостаточными. При реконструкции остановленного цеха решили установить электролизеры, разработанные в ВАМИ, принять советскую технологию...

— Наши бездиафрагменные электролизеры, которыми и воспользовались американцы, — рассказывает Татакин (ему, кстати, принадлежит первое авторское свидетельство на такие электролизеры), — отличаются от диафрагменных, которые применялись во всем мире, и в Америке в том числе, тем, что выбрасывают в атмосферу гораздо меньше хлора. Помню, президент фирмы «Америкэн магнизиум компани» Уиллер перед посещением нашего цеха сказал: «Соглашение подпишу сразу, если увижу, что ни один рабочий не наденет противогаза». И подписал.

ВАМИ, которому в этом году исполнилось полвека, пользуется большим авторитетом во всем мире. Среди двух тысяч авторских свидетельств на изобретения, полученных сотрудниками института за последние несколько лет, — больше двухсот патентов от иностранных патентных ведомств. Тридцать восемь лицензий продано ряду зарубежных фирм, в их числе крупнейшие фирмы США, Японии, Канады... По научно-техническим разработкам и проектам ВАМИ построены алюминиевые, глиноземные и магниевые заводы в Польше и Чехословакии, Турции и Индии, Югославии и Египте.

Заинтересовала нас одна из последних работ института. Во всем мире сейчас остро стоит проблема облегчения веса автомобиля. Это снижает расход топлива, повышает удельную мощность... Применяя в конструкции, в частности в кузове, автомобиля алюминий или алюминиевые сплавы, можно достичь заметного снижения веса. Многие европейские фирмы, особенно выпускающие малолитражные автомобили — «Фиат», «Порше», «Фольксваген», японская фирма «Тойота», — применяют алюминий. Для кузова необходим алюминиевый сплав специального состава, который можно было бы штамповать и подвергать сварке. Сотрудники лаборатории обработки алюминия давлением ВАМИ вместе с учеными Всесоюзного института легких сплавов разработали специальную технологию получения листа алюминия непосредственно из расплава, которая обеспечивает высокую скорость охлаждения алюминия, а это — свойство, необходимое для сварки и штамповки металла. В одиннадцатой пятилетке эта технология будет внедрена в массовое производство.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 39 (2828)

26 СЕНТЯБРЯ 1981

© Издательство «Правда», «Огонёк», 1981

ВЕКА

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ М. ФУТА И Д. ХИЛИ

Во время беседы.

Фото А. Гостева

бережливость: разные аспекты

ЦЕННЫЙ РЕЗЕРВ

Земли Нечерноземной зоны в нашей стране составляют свыше 30 миллионов гектаров. Они, как известно, отличаются повышенной кислотностью и требуют не только внесения минеральных удобрений, но в первую очередь известкования. Практика эстонского земледелия, например, показывает, что своевременное известкование обеспечивает повышение урожайности на 10—15 процентов.

В одиннадцатую пятилетку на развитие сельского хозяйства Нечерноземья РСФСР предусмотрено выделить 39,3 миллиарда рублей капитальных вложений. Будет поставлено 390 тысяч тракторов, 255 тысяч грузовых автомобилей, 104 тысячи зерновых комбайнов, много мелиоративной и другой техники. Отгрузку минеральных удобрений к 1985 году намечено довести до 6,68 миллиона тонн.

Но все это даст хорошие результаты только при своевременном известковании кислых почв! А их у нас 18,4 миллиона гектаров, то есть свыше половины всей пашни Нечерноземья. Если су-

дить по опыту Эстонии, то прибавка урожая на этих землях благодаря известкованию составит примерно 450 миллионов пудов зерна. Таким количеством хлеба два месяца можно кормить все население СССР!

Где же взять необходимый для этого материал? Для известкования почв в Прибалтике и частично в Белоруссии применяется зола Прибалтийской ГРЭС и других предприятий, сжигающих горючие сланцы. Только на ГРЭС в Эстонии ежегодно образуется около одиннадцати миллионов тонн золы, которую вполне можно использовать для известкования почвы. Фактически же использовано в 1980 году для этой цели лишь 3 миллиона тонн! Остальная зола гидравлическим способом смывается в отвалы, засоряя большие пространства, образуя целые горы, загрязняя окружающую почву, водоемы и воздух. Такой золы скопилось возле Прибалтийской ГРЭС свыше 100 миллионов тонн. «Накопление» продолжается, в то время как на по-

лях ломают голову: где взять удобрения?

Сланцевая зола обладает многими полезными качествами: она привносит в почву, помимо азота, целый набор микроэлементов, необходимых для роста растений.

А тем временем, чтобы покрыть дефицит удобрений, в Нечерноземной зоне РСФСР предполагается построить специальные карьеры, заводы для добычи известняка и производства известковой муки. Ее потребуется 8—10 миллионов тонн в год, то есть примерно столько, сколько выбрасывается ежегодно в отвалы известковой золы на эстонских ГРЭС.

Экономна ли такая экономика? Для строительства карьеров и заводов потребуются значительные капитальные вложения, кроме того, весьма значительны будут энергетические затраты. Себестоимость такой продукции будет в 3—4 раза больше, чем при использовании золы ГРЭС.

Вывоз золы из Эстонии необходимо осуществить в ближайшее же время. Ее ждут на полях Ле-

нинградской, Псковской, Новгородской, Калининской и других областей, находящихся недалеко от Эстонии. Перевозить золу можно автомобильным и железнодорожным транспортом, в контейнерах.

Кстати, зола — прекрасный строительный материал. Из сланцевой золы производят пористые блоки для строительства, которые прекрасно заменяют кирпич и бетон. Кроме того, ее можно использовать и для строительства автомобильных дорог.

Сланцевую золу необходимо пустить в дело! Ввести ее в хозяйственный оборот надо как можно быстрее. И как первый шаг для этого необходима договоренность между органами планирования и соответствующими министерствами РСФСР, Эстонии и СССР.

А. ХАЛУГА,
кандидат технических наук,
лауреат Государственной
премии СССР,

А. ТОРФ,
инженер-экономист

17 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился в Кремле с лидером лейбористской партии Великобритании М. Футом и заместителем лидера партии Д. Хили.

Состоялся обмен мнениями по актуальным вопросам современного положения в мире и англо-советских отношений.

Участники беседы выразили озабоченность ростом международной напряженности. Вместе с тем они считают, что обострение обстановки можно преодолеть. Эта задача, по их убеждению, должна находиться на первом плане в деятельности как правительств, так и общественных кругов.

Ключевое значение имеет обуздание гонки ядерных вооружений. В этой связи Л. И. Брежнев и М. Фут высказались за то, чтобы предстоящие советско-американские переговоры об ограничении ядерного оружия средней дальности в Европе имели конструктивный характер и велись бы на принципе равенства и одинаковой безопасности. Настоятельно необходимо также возобновить процесс ограничения стратегических вооружений.

Л. И. Брежнев выразил мнение, что при наличии доброй воли можно решить проблему ракетно-ядерных средств средней дальности в Европе. Советский Союз не собирается настаивать на сохранении всего количества ракет, развернутых в его западных районах, и может пойти на их сокращение. Конечно, только при том условии, если американцы займут разумную позицию, если вопрос о выполнении известного решения НАТО будет снят с повестки дня.

М. Фут выразил стремление лейбористской партии к тому, чтобы переговоры о ракетах средней дальности завершились успешно, и надеется на прогресс в этом вопросе на основе готовности обеих сторон изменить свои планы. Он высказал резко отрицательное отношение лейбористской партии к производству нейтронной бомбы и подчеркнул также, что партия выступает за международное сотрудничество в духе хельсинского Заключительного акта.

Участники беседы подчеркнули важную роль и ответственность рабочего движения, всех демократических сил в деле отстаивания мира и противодействия агрессивной политике.

Л. И. Брежнев и М. Фут высказались за улучшение англо-советских отношений. Это пошло бы на благо народов обеих стран, на благо европейского и всеобщего мира.

Беседа прошла в дружественной обстановке и носила конструктивный характер.

Во встрече приняли участие кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и А. И. Блатов, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС А. С. Черняев, помощник лидера лейбористской партии Т. Макнаффи.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Генерального секретаря Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии, Председателя Президиума Великого Народного хурала Монгольской Народной Республики товарища Юмжагийн Цеденбала орденом Ленина

Отмечая выдающийся вклад в развитие братской дружбы и сотрудничества между народами СССР и МНР, в дело укрепления мира и социализма и в связи с шестидесятилетием со дня рождения, наградить Генерального секретаря Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии, Председателя Президиума Великого Народного хурала Монгольской Народной Республики товарища Юмжагийн Цеденбала орденом Ленина.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль.
16 сентября 1981 г.

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО

Это был не просто семейный праздник. Люди, которые собрались на окраине села Варденик, — это в горах, опоясывающих голубой Севан, — были связаны не только родственными узами. Более восьмисот человек — мужчин, женщин, стариков и детей, — носящих фамилию Манукян и Нохойян, пришли на открытие своеобразного памятника трудовой династии — родословного древа. Оно выросло на каменной стеле, вырубленной из горного монолита.

— Велик наш род, и представителей разных профессий в нем много, — говорил его старейшина, 85-летний Артем Манукян. — Но главным делом для нас всегда было животноводство и земледелие. Семейное предание гласит, что, когда в этих краях поселился

наш предок Хачо из Муша, было у него единственное орудие — пастуший посох. А пришел он сюда в году 1828-м. Дата, знаменательная для армянского народа. Тысячи таких скитальцев, как наш предок, после вхождения Армении в состав России спаслись от чужеземного ига, обрели кров на родной земле.

Артем Манукян — человек в округе известный. Никто лучше его не знает секреты чабанского ремесла. Дедушка Артем научил и своих сыновей, внуков, унаследовавших от него семейную профессию, где удобнее укрыть отару во время непогоды, какой тропой вывести ее напрямик к водопой.

Суров этот горный край — кругом каменные скалы, нависшие

над кручей. И связаны с этими местами у старого Артема дорогие его сердцу воспоминания. Вместе с братьями-пастухами, батрачившими у богатеев, ушел он навстречу частям Красной Армии, которая в 1920 году спешила на помощь восставшим трудящимся Армении. Сюда, в горы, пригнал он первую отару колхоза, председателем которого стал его двоюродный брат Ваню — один из первых коммунистов села.

Хачо из Муша и мечтать не мог, что его сыновья, внуки и правнуки в этом маленьком селе, разместившемся на ладонях гор, станут зоотехниками, агрономами, животноводами, механизаторами, а слава чабанов из Варденика дойдет до самой Москвы.

В 1941 году замолкли тут па-

стушки свирели. Ушли из села на фронт Артем Манукян, его братья, племянники — целый взвод бойцов, носящих одну и ту же фамилию, отправился на защиту Родины. Бойцы из рода Хачо из Муша храбро сражались с врагом и под Москвой, и в Сталинграде, и в осажденном Ленинграде, и на Украине, спасали от фашистов народы Европы. Многие из них не дожили до светлого Дня Победы. А те, кто вернулся в родные горы, решили: не будет у нас сирот. Общими силами отстроили новые дома для семей павших, вырастили их детей, дали им образование, приобщили к родовой профессии. И вновь слава трудовой династии загребела по горному краю. Заговорили о том, что один из ее представителей, Аршак Мхояк, начал большое дело — перевод животноводства на промышленную основу, что по его инициативе здесь стали развиваться плодоводство и пчеловодство.

Год нынешний был трудным для хозяйства. То ливневые дожди, то ранние заморозки, то град, то засуха. Но все выдюжили варденикцы.

На знамени колхоза — орден Ленина, награда за самоотверженный труд. И немалая заслуга в этом представителей династии Манукянов, в честь которой на окраине села и выросло сотворенное из камня родословное древо.

Варе ХАЧАТРЯН

Село Варденик, Армянской ССР.

...Речь идет о перестройке... многих участков и сфер идеологической работы. Надо добиться, чтобы ее содержание стало более актуальным, а формы отвечали современным запросам и потребностям советских людей.

Л. И. БРЕЖНЕВ

Трудно переоценить роль пропагандиста в многогранной идеологической работе партийных организаций. Корреспондент «Огонька» Н. ХРАБРОВА беседует с одним из пропагандистов Вильнюсского НИИ электрографии, Ромуальдасом Ионовичем ЧЕРНАУСКАС.

— Ромуальдас Ионович, вы работаете главным технологом крупного научно-исследовательского института, и, конечно, обязанностей у вас более чем достаточно. Многие годы вы занимаетесь также деятельностью пропагандиста, она ведь тоже требует немало времени и усилий. Не мешает ли общественная работа основной?

— Напротив, помогает. Время, затраченное на пропагандистскую работу, в равной степени полезно и для меня лично и для коллектива. Встречаясь с сослуживцами как пропагандист, я лучше узнал их характеры, семейные и бытовые затруднения, круг интересов. В коллективе укрепились такие ценнейшие черты, как спаянность, доброжелательные отношения, сознательная дисциплина. В такой обстановке легче своевременно выполнять производственные задания, проявлять высокую общественную активность и как результат — быть в числе лучших в социалистическом соревновании.

— «Общественная работа мешает основной», «основная работа не оставляет времени для общественной» — не кажется ли вам это традиционной отговоркой людей пассивных, социально ленивых?

— В наше время деление работы на основную и общественную неоправданно. Хотя бы уже потому, что человек, считающий, будто ему «мешает» общественная работа, во многом себя обкрадывает. Как правило, его кругозор узок. Собеседник он неинтересный — за рамками профессионального ему нечего сообщить, в споре чаще всего упрям, бездоказателен и наивен. У таких людей порой возникает чувство ущербности, выливающееся в постоянное недовольство работой, окружающими, погодой, и прочее и прочее. Он не удовлетворен зарплатой, он считает, что начальство его недооценивает, а дома недостаточно внимательны к нему. Такой человек не прочь поковыряться в различных недостатках без малейшего желания и готовности их устранить, ибо по натуре это иждивенец, который считает, что устранять недостатки должен кто-то другой.

Так возникает благодатная почва для восприятия сплетен или очередной лжи. При всей схематичности таким я вижу общественно пассивного человека.

— Кто виноват в его унылой судьбе?

— В первую очередь он сам. Но и мы тоже. Значит, не сумели

Пропагандист Ромуальдас Ионович Чернаускас.

Фото И. Тункеля

ПОСТИЖЕНИЕ СМЫСЛА

увлечь и вовлечь его в ту жизнь, которой живем мы, находя в ней неиссякаемый источник духовных ценностей, бодрости и желания работать.

— Чье живое слово, чей убедительный пример вывел вас на стезю активной общественной жизни, кто привил вам вкус к работе пропагандиста?

— Служба в армии и годы работы в коллективе института. Как большинство молодых парней, в армию я пришел с политическими знаниями на школьном уровне. Я с благодарностью вспоминаю комсомольскую и партийную организации нашей воинской части. Мы обогащались не только чисто военными знаниями и навыками. Много внимания уделялось нашему политическому образованию, формированию идейной убежденности. Наш досуг был организован так, что свободное от службы

время заполнялось интересными делами: лекциями, посещением кино, концертов, театра, чтением, занятиями спортом. Как мои армейские наставники не мирились с пустым препровождением времени, так и я не могу мириться со скучающими лицами на проводимых мною занятиях. Большая радость для меня видеть постоянно растущий интерес к знаниям, которые приобретаются в ходе политико-воспитательной работы.

— Что вы считаете самым важным в работе пропагандиста?

— Коэффициент ее полезного действия. Это требование с большой силой прозвучало на XXVI съезде партии, поставившем перед пропагандой задачу добиться, чтобы политические знания превращались в убеждения, в руководство к действию, практические дела. Я считаю для себя очень важным научить людей по-

нимать, что труд при социализме — это духовное и материальное богатство человека, источник благополучия нашего общества. Нужно научить людей ценить, любить свою работу — тогда она приносит радость, человек чувствует себя на своем рабочем месте участником великого созидания.

— Как в идеологической работе вашего коллектива трудовое воспитание людей связывается с воспитанием патристическим?

— Воспитать человека так, чтобы он воспринимал свой рабочий долг как частицу огромного общего дела, частицу, без которой этот труд будет неполноценным и недоброкачественным, — вот первый шаг к утверждению чувства патристизма, чувства отечества. Говоря словами Маяковского, я хочу, чтобы мои коллеги постоянно чувствовали, как труд их вливается в общий труд республики, в труд Союза наших Социалистических Республик. Одна из главных примет человека социалистического общества — это осознанное отношение к труду и благодарность социалистическому Отечеству, предоставившему ему возможность трудиться там, где он может наиболее полно выразить себя, и очень важно, чтобы мы не разучились ценить эту возможность — избрать себе работу по сердцу и быть уверенным в том, что мы не потеряем ее не по своей вине.

— Согласна с вами. Но есть тут и другая сторона: если человек в семнадцать-восемнадцать лет уверен, что колы не он работу, то работа его обязательно найдет, что обществу трудно обойтись без его рук, — не станет ли он беспечным в выборе работы? Не станет ли перебегать с места на место по поговорке «рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше»?

— Бывает и так. Тем важнее требование к пропаганде — воздействовать на формирование мировоззрения слушателей, на развитие их трудовой и общественной активности, воспитывать сознательное отношение к труду. Воспитывать постоянно, я бы сказал, каждодневно, в детстве, в юности, в зрелом возрасте. Потому, что есть же люди, у которых и в зрелости появляется пренебрежение к труду.

— Расскажите, пожалуйста, как проводится в вашем институте эта действительно очень нужная и сложная работа.

— Если человек окончил среднюю школу, вуз и распределен в научно-исследовательский институт, следовательно, можно предполагать, что такой человек умеет работать. Казалось бы, чему еще нужно учить и как надо воспитывать его? Нужно. Учиться надо всем и всегда, ибо в нашем деле каждый день несет новое. У нас в коллективе стараются, чтобы учились все — существуют разные формы профессионального совершенствования. И все же главным я считаю политическое образование каждого члена коллектива.

Когда я поступил на работу в наш НИИ и пришел на первые политзанятия в своем отделе, меня несколько обескуражило такое необязательное отношение к ним. Я не почувствовал настоящего, жгучего интереса — разговор шел гладко, по проторенной дорожке и не был связан с задачами института, не отражал актуальные об-

КИСЛОРОД ВРАЧУЮЩИЙ

В Москве закончил работу VII Международный конгресс по гипербарической медицине — специальному методу лечения кислородом под высоким давлением. Это молодая, но чрезвычайно перспективная область медицины. Не так давно учеными установлено: если поместить человека в баронамеру и нагнетать туда кислород под высоким давлением, то жидкая часть крови — плазма сразу же насыщается кислородом, что оказывает большое оздоровительное действие.

— В работе конгресса приняли участие такие известные советские медики, как Б. В. Петровский, И. А. Сапов, А. А. Леонов, а также зарубежные ученые из Великобритании, США, Венгрии, ФРГ, — рассказывает президент конгресса, член-корреспондент АН СССР Сергей Наумович Ефунин.

У нас в стране уже шесть лет действует Всесоюзный центр гипербарической оксигенации. Это уникальный комплекс, который по своим масштабам и медико-техническим возможностям не имеет равного в мировой практике. Здесь проведено более шестидесяти тысяч сеансов лечения, сотни хирургических операций.

— Создана специальная служба, которая объединяет более 170 отделений в семидесяти пяти городах страны, — продолжает С. Н. Ефунин. — Служба и впредь будет расширяться, но во многом это вопрос техники. Кстати, на конгрессе работает секция по научно-техническим аспектам гипербарической медицины.

В Советском Союзе ведутся работы по конструированию новых типов лечебных баронамер. Проектировщики разрабатывают типовой комплекс многоместных баронамер с учетом профиля медицинского учреждения, в том числе для вновь строящихся больниц. Планируется создание нескольких центров, подобных нашему, в различных районах страны. А в недалеком будущем такие отделения должны стать обязательной принадлежностью каждого крупного лечебного учреждения.

Ю. СУРХАЙХАНОВ

В перерыве между заседаниями конгресса.
Фото автора

щественные процессы в республике, в стране, в мире. А по предыдущим годам пропагандистской деятельности я уже знал: каждое теоретическое положение надо рассматривать сквозь призму сегодняшних проблем! В этом суть вечно живой души марксизма. Бывает ведь так. Мы прекрасно знаем, что произошло несколько часов назад в другом городе, в другой стране, но иногда не представляем, как обстоят дела в нашей собственной бухгалтерии, плановом отделе, отделе снабжения. Человек, заинтересованный в результатах своего труда, должен знать, как поставленные партией задачи решаются там, где он работает. Эта информация должна постоянно обновляться, так же как непрерывно обновляется процесс производства, как меняется динамика совершенствования труда. Вот почему многие руководители отделов, если они по-настоящему заинтересованы в успехе и росте своих работников, обязательно становятся пропагандистами, хотя это и накладывает на руководителя дополнительную ответственность за осуществление того, что он пропагандирует. В свою очередь, каждый член коллектива должен знать свой личный вклад в общий труд, свои недостатки и ошибки. При этом нужна гласность. Она разбудит сознательность, заставит вспомнить забытое и задуматься над новым. В итоге человек становится более профессиональным в своем деле, а это и есть первый шаг к тому, что мы называем любовью к труду. В нашем институте действует трудовой кодекс, основой которого является такое положение: труд каждого человека должен быть замечен, учтен, поощрен. Умение в любом большом деле видеть каждого человека обеспечивает творческую атмосферу, делает труд более продуктивным. За всеми этими явлениями, ответственными отношениям людей в социалистическом обществе, стоит большой труд партийного комитета, его умение ощущать потребности не только всего коллектива в целом, но и каждого человека, за всем этим стоит, большой труд идеологических работников, и в частности пропагандистов. И вот результат: институт неоднократно становился победителем социалистического соревнования в Ленинском районе Вильнюса и в отрасли. Призовые места говорят и о достижениях в трудовом воспитании.

— Как проходят у вас теоретические семинары по изучению решений XXVI съезда КПСС?

— Если говорить о том, как у нас организуются политзанятия, то можно сказать двумя словами: систематически и систематизированно. Мы инженеры, и для нас в каждом деле важна система.

Партийный комитет института, наш парткабинет при постоянной помощи Ленинского райкома партии Вильнюса создал стабильную и вместе с тем гибкую систему политического обучения. Сейчас, разумеется, нет людей, не читавших решений XXVI съезда партии. Но нужно не только прочесть, надо помочь человеку постигнуть глубокий их смысл.

Я уже говорил о тех недостатках в политической учебе, с которыми столкнулся в начале своей работы в институте. В десятой пятилетке в коллективе нашего института разработана и внедрена

комплексная система высокой эффективности и качества работы. Комплексная система состоит из 14 подсистем, охватывающих главное в производственной и общественной деятельности коллектива. Одна из важнейших подсистем — организация идеологической, политико-воспитательной работы в коллективе, в том числе и политической учебы. Для изучения решений XXVI съезда КПСС были разработаны программы и планы занятий, подготовлена литература и, что очень важно, материалы, увязывающие решения съезда партии с конкретными задачами коллектива на XI пятилетку. В изучении решений XXVI съезда КПСС мы опираемся не только на свои силы.

Системой для нас стало приглашение на политзанятия лекторов высокой квалификации. Нам помогают тут райком партии, общество «Знание». У нас выступают лекторы из Москвы, из вильнюсских высших учебных заведений, из Института проблемных исследований АН СССР. Это лекторы высокого класса, и мы, пропагандисты, стараемся по мере сил приближаться к их уровню.

— Можете ли вы привести пример, как вам удавалось в процессе теоретических занятий пробудить общественную активность своих слушателей?

— Есть у нас в отделе хороший, добросовестный работник, но на семинарах она некоторое время была неисправимой молчуней — не стану называть ее фамилию. Мы выяснили, в чем тут дело: оказывается, она боялась аудитории, не уверена была в своих знаниях. «Я могу выступать только по записке», — смущенно сказала она. «У нас все свои — выступай по запискам», — приободрил я ее. Она сначала так и делала. Потом отказалась от чтения написанного, стала подчеркивать в газете, брошюре важные, с ее точки зрения, мысли. Процесс приобщения ее к активным занятиям еще не завершен, но сдвиги заметны. Есть у нас товарищи, которые предпочитают заниматься самостоятельно. В этих случаях мы помогаем им составить планы, подобрать материалы, беседуем с ними индивидуально. Мы стремимся, чтобы общественная активность слушателей находила и практическое применение. Вот характерный пример. На одном из занятий мы обсуждали проблемы семьи и школы. Одна из наших сотрудниц рассказала, что в школе, где обучаются ее дети, было искажено положение о бесплатных учебниках: библиотека потребовала вернуть их до окончания учебного года. Пустяк? Нет!.. Конечно, мы заинтересовались порядками в этой школе, и положение было исправлено. Мои коллеги знают: в партком можно обратиться с предложениями, просьбами, с помощью парткома многое можно сделать. В своей работе пропагандиста я в равной мере ценю как возможность помочь человеку выстроить и закрепить его мировоззрение, вызвать у него общественную активность, так и возможность что-то изменить к лучшему.

— Коллектив вашего института многонациональный, вероятно, проблемам интернационального воспитания придается немаловажное значение?

— Да, коллектив многонацио-

нальный и двуязычный. Литовцы легко овладевают русским языком, ученым он особенно нужен, остановилась бы любая наука и инженерия, замкнись они в рамках одного языка. И не только в этом дело. Благодаря русскому языку Литва сумела приобщить братские народы к своим духовным богатствам, познать культурные национальные ценности других народов, вышла на мировую индустриальную и культурную арену. Русский язык несет миру идеи интернационализма — значит, идеи мира, добра, жизни. Более 250 часов в сутки по радиоволнам несется к нам из капиталистических стран на всех языках народов, населяющих Советский Союз, антисоветская пропаганда. «Размоем», «раскачаем», «подорвем» — раздаются оттуда угрозы. Кричат о «русификации» в национальных республиках, об «ущемлении национальных интересов». Сейчас, правда, им уже мало кто верит. Но в любом народе есть те самые общественно пассивные люди, о которых мы говорили в начале нашей беседы, люди, особо падкие на сплетни и ложь. Есть и такие, у которых до уязвимости обострено национальное чувство — у таких реакция на «русификацию» и «ущемление» особенно болезненна. Им в первую очередь надо помочь раскрыть глаза, разбудить в них память о прошлом, в котором слишком долго попирались национальные интересы и независимость и которое нынче неоправданно идеализируется некоторыми людьми, даже и не знающими этого прошлого. Факты и события возрождения, роста Литвы в послевоенные годы общеизвестны, их много, убедительно и правдиво говорить о них — долг пропагандиста. Здесь для него большое поле деятельности.

Занимаясь идейно-воспитательной работой в комплексе, мы, конечно, не забываем и о культурных ценностях нашего народа. Разговор о них бывает особо убедителен, когда пропагандист дает бой идеологическим противникам, фальсификаторам прошлого с их клеветническими утверждениями о «русификации», вымирании национальной культуры и прочем. Известно и за пределами республики, как расцвела литовская культура за послевоенные годы и какую роль в этом расцвете сыграло взаимообогащение культур братских народов. Известно и за пределами Литвы, как у нас любят театр, музыку, кино. Мы приглашаем к себе в гости наших артистов, многие из них известны всем советским зрителям и за рубежом, и любим коллективно, с семьями и друзьями, ходить в театры и на концерты. Любим путешествовать — профком устраивает экскурсии по городу, по республике и за ее пределы. Это тоже помогает пропагандисту. И все же первоочередная наша задача — воспитание идейности. Хочется вести эту работу так, чтобы каждое занятие, каждый семинар ожидался в коллективе не просто с интересом, а с нетерпением.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть огромное значение участия в занятиях ученых — философов, экономистов, социологов, общественных деятелей, писателей и художников. Их талант, их знания, свободное владение речью — все это привлекает слушателей и оставляет в душах и умах прочный и благородный след.

Я В И Д Е Л

Евгений КОРШУНОВ
Фото автора и ТАСС

Белый грузовик с огромными черными буквами «ООН», шедший перед нами, остановился, и белообрый водитель в голубом берете специальных сил ООН, находящийся в Южном Ливане, в нерешительности высунулся из кабины. Он явно ехал по этой дороге впервые после «пятнадцатидневной войны», как окрестила бейрутская печать израильскую агрессию, совершенную в июле этого года против ливанского и палестинского народов, и не знал, сможет ли переправиться через реку Литани, бегущую всего в нескольких сотнях метров перед нами: все мосты в Южном Ливане были уничтожены израильскими самолетами. Да и сейчас в высоком ярко-голубом небе над нами тянулись белые полосы — следы «фантомов», бороздящих воздушное пространство Ливана.

Мы остановились на развилке дорог. Прямо шло узкое, но довольно приличное шоссе, выходящее к мосту Касмия, по которому мне много раз доводилось проезжать к самым южным рубежам Ливана и к столице этого края — древнему городу Тиру. Налево уходил разбитый проселок, пыльный, пересекаемый ручейками, петляющий среди плантаций бананов, апельсинов, лимонов, овощей и табака. Но мост Касмия был уничтожен «фантамами» одним из первых — Тель-Авив стремился отрезать Объединенные вооруженные силы НПС — ПДС (Национально-патриотические силы и Палестинское движение сопротивления) от остальной части страны, — и нам пришлось свернуть на проселок: в бейрутских газетах сообщалось, что через Литани где-то построены временные переправы.

Красно-желтая пыль плыла впереди и позади нас густым облаком — об асфальте не было и речи, а сплошной поток машин шел в обоих направлениях. Особенно было много нагруженных до предела грузовиков. Водители включили фары и отчаянно сигналили, как это принято делать при движении в густом тумане. Дорога была настолько узкой, что два грузовика могли разехаться, только коснувшись друг друга бортами...

Наконец, справа в просвете между банановыми плантациями мелькнули вздыбленные глыбы бетона — развалины моста. А проселок пошел влево и вывел на узкую земляную дамбу — двум машинам на ней было не разехаться, и молодой парень с автоматом за плечом и с красной повязкой на рукаве пропускал машины по очереди, то в одном направлении, то в другом. Его товарищ, тоже с автоматом и с повязкой на рукаве, поливал поверхность дамбы водой из шланга, направляя струю прямо под колеса автомашин, чтобы прибить пыль и обеспечить водителям хоть какую-нибудь видимость: внизу, под дамбой, сквозь широкие бетонные трубы струилась Литани, которая, к счастью, в это время года не бывает полноводной.

От дамбы дорога, а вернее, просто полоса разровненной земли, пошла на склон крутого холма, мимо стоящего бульдозера. Как видно, он и проложит здесь эту «дорогу». Затем врезалась в мусульманское кладбище, заплетая между бетонными плитами могил, втиснувшись в узкий переулочек небольшой деревушки и, наконец, выскочила на асфальтированное шоссе Бейрут — Сайда — Тир.

— Обезд занял почти полчаса, — сказал мне Жорж Абду, ливанский журналист, уроженец Южного Ливана, с которым мы ездим во фронтовые районы начиная с марта 1978 года, когда Тель-Авив осуществил так называемую «Операцию Литани» — широкомасштабное вторжение в Ливан с целью захвата его южных районов вплоть до реки Литани — «исторической границы «Великого Израиля», как утверждают идеологи сионизма.

С тех пор на участке приморского шоссе, лежащем между мостом Касмия и древним Тиром, на асфальте появилось много новых заплат — следов многочисленных воронок, оставленных израильскими бомбами и ракетами, много росчерков израильских пулеметов — характерных глубоких щербин. В пробоинах и щербинах от пуль и осколков были и стены первых же домов, встретивших нас у въезда в Тир — один из древнейших городов на нашей планете.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Некогда Тир (арабское название — Сур) гордо именовался Метрополисом, столицей Финикии, могущественного государства древних мореходов, купцов и ремесленников. Он неоднократно упоминается в Библии и записках историков древности. «Отец истории» Геродот посетил его в пятом веке до нашей эры и описал знаменитый в те времена храм Мелкарта (Геракла). Геродот записал, что, по словам жрецов, этому храму уже тогда было 2300 лет, то есть основание Тира можно отнести примерно к 2750 году до нашей эры!

В многочисленных научных трудах и богатейшей популярной литературе, посвященных Тиру и его истории, упоминается, что именно к царю Тира легендарному Хираму, гробница которого сохранилась и поныне, царь Соломон обратился за помощью при строительстве Иерусалимского храма и своего дворца — и мастера Тира отправились в Иерусалим, а флот финикийцев доставлял для строителей дерево и камень.

Сегодня город находится на большом мысе, резко выдающемся в море. Когда-то он состоял из двух островов, которые царь Хирам соединил в один, отвоинув у моря с помощью дамб и насыпей значительные площади. Но землетрясение откололо почти половину получившегося таким образом большого острова, и даже сегодня в тихую погоду можно с лодок видеть на дне остатки древних зданий и целых улиц.

«Тихой погоды», фигурально выражаясь, в истории Тира почти не было. Финикийское государство процветало, имело богатые колонии в Средиземноморье и на берегах Атлантики. Предполагают, что финикийские мореходы огибали Африку, добравшись чуть ли не до Индии и Северной Америки. Уже древние греки считали Тир колыбелью своей цивилизации и утверждали, что их алфавит был составлен Кадмсом Тирским, сестра которого, Европа, в свою очередь, дала имя европейскому континенту.

В девятом веке до нашей эры Тир стоял уже во главе колоссального государства. Выходцы из него основали легендарный Карфаген, который и поныне именуется «дочерью» или «сыном» Тира. В самом Тире процветали ремесла, в частности стеклоделие и выделка пурпура, добывавшегося из водившихся тогда в изобилии близ его берегов моллюсков «мюрекс». И сегодня жители города рассказывают красивую легенду о том, как Мелкарт (Геракл) гулял однажды на берегу с красавицей нимфой Тирус, по имени которой потом и был назван город. Собака Мелкарта случайно нашла и раскусила раковину «мюрекс», белая паста ее сразу же окрасилась в цвет пурпура. Тирус, в которую Мелкарт был безумно влюблен, заявила, что ответит ему взаимностью лишь тогда, когда он подарит ей пурпурные одежды. Мелкарт сделал это — и с тех пор пурпур считается цветом богов, героев и королей. Финикийские источники сообщают, что даже в те времена грамм пурпура стоил до двадцати граммов золота.

Кто только не пытался завоевывать Тир! 13 лет осаждал его в VI веке до нашей эры вавилонский царь Небушаднеззар. Победоносно к Александру Македонскому подошло семь месяцев осады и строительство специальной дамбы, чтобы овладеть городом: по дамбе он подтащил осадные орудия к островному замку, где укрепились горожане. Под стенами

древнего Тира были ассирийцы и персы, древние греки и римляне, арабские воины ислама, крестоносцы, турки-османы...

Сегодня Тир, можно сказать, осаждают израильтяне. По планам идеологов сионизма, он должен быть включен в «исторические границы «Великого Израиля», и сионистская пропаганда старается переписать историю города, считающегося сокровищем мировой цивилизации, так, чтобы доказать, будто Тир всегда был самым теснейшим образом связан с историей Израиля, и потому Тель-Авив имеет на него самые непосредственные права.

Израильские войска стоят сегодня примерно в десяти километрах от Тира, и позиции их можно разглядеть в бинокль через бухту. Линия фронта тянется по апельсиновым садам и плантациям бананов, по оливковым рощам и приморским пескам. Она проходит почти по самой окраине лагеря палестинских изгнанников Рашидия и по полям, принадлежащим жителям южноливанских деревень.

Мне приходилось бывать в Тире еще в марте 1978 года, когда его бомбили «фантомы» и обстреливали израильские катера, и в последующие годы, когда в городе рвались снаряды тяжелых орудий батарей израильтян и их наемников — правохристианских раскольников, и теперь — сразу же после окончания «пятнадцатидневной войны», когда Тель-Авив пытался взять Тир измором, разрушая дороги и мосты, связывающие город с другими районами Ливана, лишая его продовольствия, горючего, медикаментов.

— Мы сорвали этот замысел Тель-Авива, — говорит мне товарищ Таан Муслимани, секретарь городского комитета Ливанской компартии. — Вы приехали в город по дамбе, построенной нами сразу же, как только был разрушен мост Касмия и другие мосты через Литани. И дорогу тоже построили мы, раньше ее там не было. Мы насыпали броды, по которым машины могли пересекать Литани и в других местах. Мы засыпали воронки на дорогах и даже успевали положить асфальт. Все это ночью, в темноте. А с рассветом прилетали «фантомы», и все начиналось сначала. Мы наладили снабжение населения продовольствием и горючим — грузовики тоже шли по ночам, без света. Мы обеспечиваем жителей города медицинской помощью, ремонтируем линии электропередач и водопроводы, общественные и школьные здания, поддерживаем в городе спокойствие и порядок. Мы — это Объединенные вооруженные силы НПС — ПДС.

С товарищем Тааном Муслимани мы ведем беседу в помещении горкома ЛКП, большинство комнат которого превращено сегодня в казарму бойцов-коммунистов, составляющих значительную часть защитников Тира. Коммунистические батальоны вместе с другими отрядами патриотов и различных организаций Палестинского движения сопротивления находятся сегодня на переднем крае обороны города. Вот и сейчас, пока мы ведем разговор, в кабинет секретаря то и дело заходят бойцы в зеленых касках с нарисованными на них красными эмблемами — серпом и молотом. У многих на гимнастерках советские комсомольские значки, значки с портретами В. И. Ленина — подарки советских делегаций, побывавших в Тире с визитами солидарности.

Примерно в такой же, но более тревожной обстановке мы беседовали, как напоминает мне сам товарищ Таан Муслимани, и в марте 1978 года, когда агрессоры обложили город на суше и блокировали с моря, оставив свободной лишь узкую приморскую дорогу, ту самую, на которой они разбомбили мосты в июле этого года. Оставили для того, чтобы защитники Тира могли «бежать» из города — их было тогда три-четыре тысячи человек, и Тель-Авив не рискнул пойти на штурм, боясь, что его солдаты понесут в узких боях большие потери: в узких улицах старого Тира танки и артил-

ВСЕ ЭТО

лерию, на которые надеются израильтяне, развернуть невозможно.

Но тогда город покинуло лишь гражданское население. Бойцы остались сражаться. На улицах были воздвигнуты баррикады. Окна домов были зацементированы или заложены мешками с песком и превращены в бойницы. И враг так и не решился на штурм! Это была огромная моральная победа защитников города. Зато с тех пор — с марта 1978 года и до конца июля 1981 года — город почти непрерывно подвергался обстрелам с суши и с моря.

— И теперь мы не верим, что Тель-Авив решил прекратить войну на уничтожение, которую он ведет против ливанского и палестинского народов вот уже столько лет, — говорит секретарь горкома. — Не верим в то, что Израиль действительно хочет прекращения огня, которое было объявлено с 24 июля. Как вы сами видели, самолеты постоянно совершают разведывательные полеты и над Тиром, и над всем Южным Ливаном; почти каждый день появляются они и над Бейрутом. По нашим данным, в анклаве правохристианских раскольников, на полосе ливанской территории, находящейся под израильской оккупацией, сооружаются новые огневые позиции, на которых устанавливаются новые батареи. Концентрируются танки и другая боевая техника. Строятся склады боеприпасов и дороги военного значения. Израильтяне постоянно ведут «прощупывание» линии фронта, стремятся найти проходы через позиции специальных сил ООН в наши тылы, и дело даже доходит до столкновений между ними и «голубыми насками». Нам, конечно, приходится тоже укреплять свою оборону в ожидании повторения агрессии, которая неминуема, так как Тель-Авив будет пытаться восстановить свое реноме после неудач в «пятнадцатидневной войне», стремиться отомстить за то, что и на этот раз мы сорвали его планы.

Вы видели в городе построенные нами убежища для жителей?

Я киваю. Да, я видел эти подземные убежища. То там, то здесь на улицах Тира попадаются сегодня бетонные будочки, прикрывающие входы в прочные подземные укрытия — на случай обстрелов или бомбежек. Они так же прочно вошли в жизнь горожан, как и баррикады из мешков с песком, защищающие от осколков входы в жилые дома, витрины лавок, двери и окна мастерских и кафе.

— Так вот, — продолжает Таан Муслимани, — в «пятнадцатидневную войну» не только жители города прятались в убежищах. Наша артиллерия загнала под землю израильтян — впервые за всю историю нашей борьбы против агрессоров! В свое время Геринг обещал, что ни одна бомба не упадет на территорию гитлеровской Германии. То же самое обещал израильтянам Бегин. И тот и другой просчитались!

В ТИРЕ ГОВОРЯТ ПО-РУССКИ

Мы могли бы говорить с товарищем Муслимани по-французски, как говорили с ним раньше — до этой встречи. Но на сей раз он сказал, что в горкоме есть парень, говорящий по-русски.

Им оказался лохматый худой юноша с пылающими, как угли, глазами и решительным лицом — Сухейль Салами. Сухейль заметно нервничал, выполняя роль переводчика, спешил, сбивался, смущался. Но присутствовавшие при этом бойцы улыбались и одобрительно кивали ему. И что из того, что некоторые

моменты нам все равно пришлось уточнять по-французски! В основном со своей задачей Сухейль справился неплохо. Когда же я заинтересовался, где он изучал русский язык, выяснилось, что он перешел на второй курс Харьковского политехнического института, в Тир приехал на каникулы, участвовал в обороне города в «пятнадцатидневную войну», а теперь возвращается в Харьков — продолжать учебу.

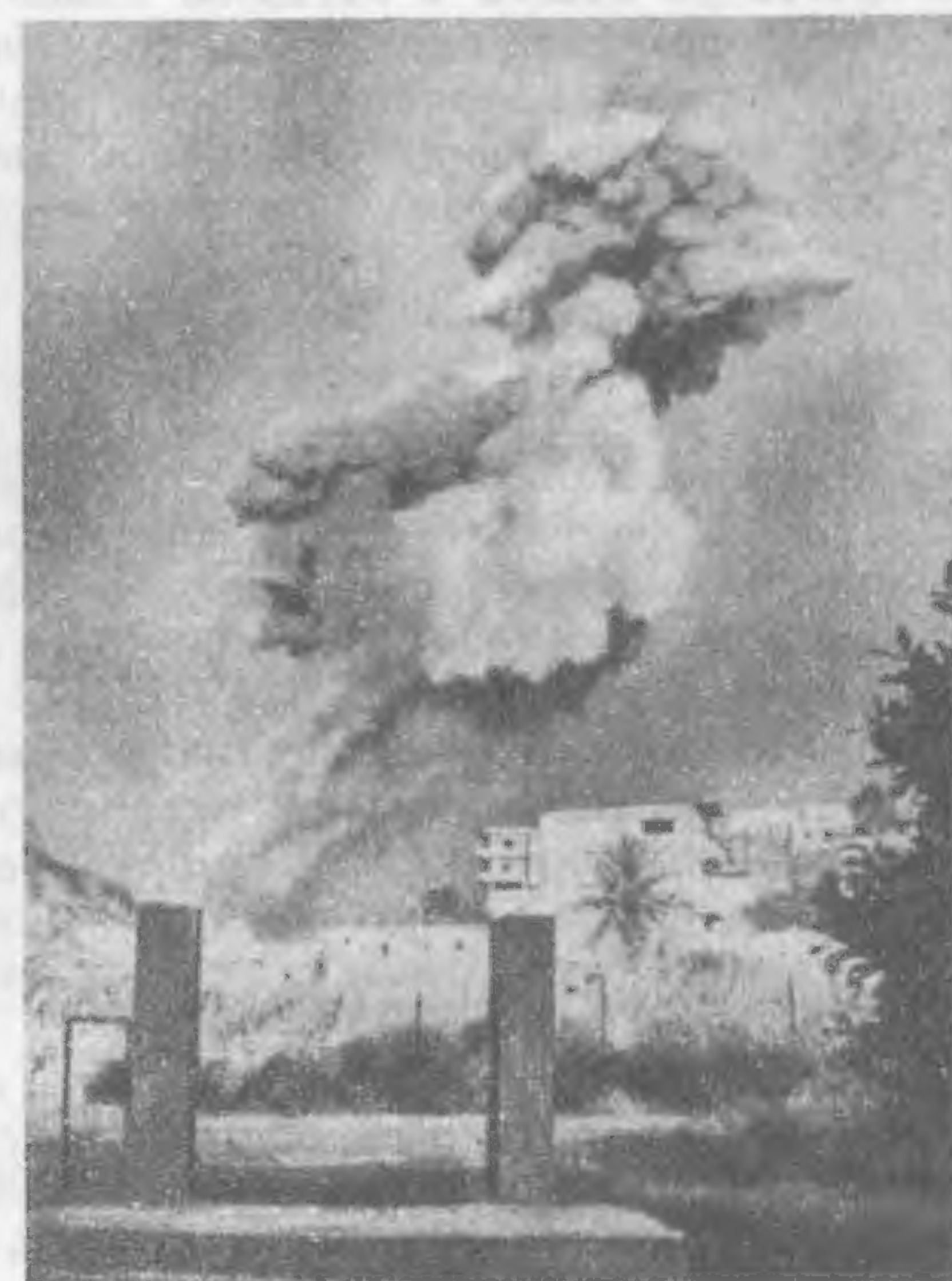
— У нас в городе сейчас часто можно встретить говорящих по-русски, — сказал он, извиняясь за несовершенное пока, как он считает, владение русским языком. — Многие наши ребята уже вернулись с советскими дипломами. Например, врачи, работающие в госпитале Народной ливанской помощи — НЛП.

Об этом подземном госпитале, построенном, как и убежища под городскими улицами, демократической общественной организацией НЛП, мне рассказывали еще в Бейруте. И вот теперь меня принимал директор госпиталя товарищ Рафья Абу Жамра, старый коммунист и видный общественный деятель города, принимал в своем подземном кабинете — крохотной клетушке, в которую ведет крутая деревянная лестница-временка.

Года два назад я бывал у этого недостроенного здания, под которым сегодня находится госпиталь — медицинский центр, ставший надеждой горожан не только в дни, когда на Тир

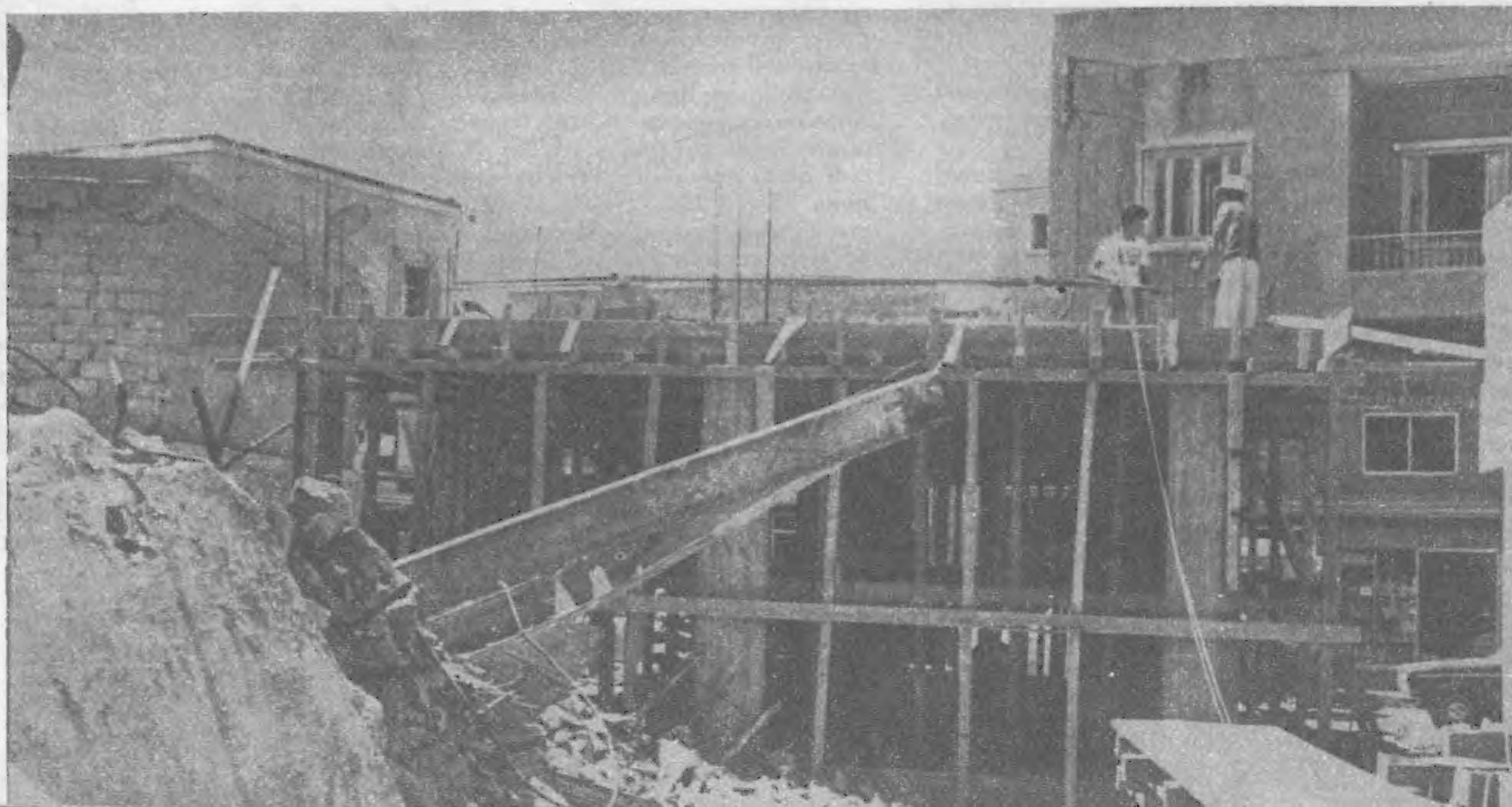

Зенитчики наготове: противник может появиться в любую минуту.

Последствия очередной бандитской акции Израиля.

Рядом с домами, разрушенными израильскими бомбами, строятся новые.

НЕДАРОМ ПО

Д. Д. ЛЕЛЮШЕНКО,
генерал армии, дважды Герой
Советского Союза

Бородино... Это поле славы русского оружия навсегда вошло в историю нашего народа. 7 сентября 1812 года здесь произошла решающая битва с наполеоновскими полчищами. В своих воспоминаниях Наполеон вынужден был написать по этому поводу: «...русские стяжали право быть непобедимыми». Но не каждый, наверное, знает, что осенью 1941 года здесь шли бои, сыгравшие немаловажную роль в разгроме гитлеровских войск в исторической московской битве.

С 9 по 17 октября и в последующие дни Красная Армия нанесла крупное поражение вражеской группировке, рвавшейся к Москве, уничтожив 200 танков, тысячи солдат и офицеров. После Бородино противник вынужден был, неся большие потери, расчленив свою танковую группировку, наступать не более чем по три километра в сутки, а к концу октября и вовсе перейти к обороне. Это было началом нашей победы.

А ведь осень сорок первого была для нас очень и очень трудной. Военная обстановка сложилась, прямо скажем, критическая. 7 октября гитлеровцам удалось окружить значительную часть наших войск Западного и Резервного фронтов в районе Вязьмы. Чтобы высвободить танки и немедленно бросить их на Москву кратчайшим путем через Гжатск, Бородино, Можайск, враг срочно начал сюда подтягивать пехотные части. И хотя на ближних подступах к столице мы создали Можайский оборонительный рубеж, войск здесь не было.

В последний момент советское командование срочно сформировало две танковые бригады и несколько артиллерийских противотанковых полков. 18-я танковая бригада под командованием подполковника А. С. Дружинина в составе 60 танков (в том числе 29 — Т-34) и 19-я танковая бригада, возглавляемая полковником С. А. Колеховичем, 9 октября выдвинулись в район Гжатска. Задача — преградить путь гитлеровским танкам на Москву. А их насчитывалось около пятисот! Пятикратное превосходство! Но наши «тридцатьчетверки» были грозой для противника. Вот что писал бывший начальник штаба 4-й армии, на-

ступавшей на Москву, генерал Блюментритт о тех днях: «Во время сражения за Вязьму появились первые русские танки Т-34. В 1941 году эти танки были самыми мощными из всех существовавших тогда танков. В районе Вереи танки Т-34 как ни в чем не бывало прошли через боевые порядки 7-й пехотной дивизии, достигли артиллерийских позиций и буквально раздавили находившиеся там орудия. Понятно, какое влияние оказал этот факт на моральное состояние пехотинцев. Началась так называемая «танкобоязнь». А известный знаток танков генерал Гудериан был еще откровеннее: «6 октября (1941 г.) южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками... Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, отныне было потеряно и перешло к противнику, тем самым исчезли перспективы на быстрый непрерывный успех».

Только командир танкового взвода лейтенант Дмитрий Лавриненко и наводчик танкового орудия Иван Любушкин 6 октября подбили по девять танков. А через три дня наши танкисты устроили засаду вражеской колонне. Подпустив ее на выгодную дистанцию, «тридцатьчетверки» и орудия 509-го полка открыли огонь по фашистским танкам и пехоте противника, следовавшей на бронетранспортерах. Шквальный огонь ошеломил врага, он замялся, но справа и слева попадал под кинжальный огонь. Вся колонна была разгромлена! Около полусотни танков, свыше двух десятков бронетранспортеров, пятьсот солдат и офицеров нашли себе могилу на подмосковных полях. В этом бою особенно отличился командир танка Резван Магомедов. Он сжег шесть вражеских боевых машин и более десяти грузовиков с пехотой. Танковый взвод во главе с батальонным комиссаром И. С. Лыковым уничтожил двенадцать вражеских танков, минометную батарею, двадцать одну автомашину с пехотинцами. Артиллеристы 509-го полка подбили девять вражеских танков, пять бронетранспортеров с мотопехотой и минометную батарею.

10 октября Ставка, учитывая сложную обстановку, назначила командующим Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова и приказала ему в кратчайший срок объединить уцелевшие войска Западного и Резервного фронтов, а также 50-ю армию Брянского фронта и организовать надежную оборону столицы на дальних подступах.

В тот же день я был назначен командующим 5-й армией. Но армии еще не было, ее нужно было создавать. 11 октября я прибыл в Ставку. Начальник Генштаба Б. М. Шапошников наметил на карте полосу обороны шириной в 50 километров. Штаб армии — в Кубинке, командный пункт — в Бородино. К вечеру следующего дня я уже был в Кубинке. Сюда же прибыл и командир 32-й стрелковой дивизии полковник В. И. Полосухин. Здесь находился член Военного совета 5-й армии бригадный комиссар П. Ф. Иванов и начальник штаба армии полковник В. А. Глуздовский.

В дело пришлось включаться сразу же. Весь день 18-я и 19-я танковые бригады вели ожесточенный бой с наступающим противником непосредственно перед Бородино.

Вначале танковое острие натолкнулось на 18-ю танковую бригаду. За считанные минуты младший лейтенант К. Ляшенко своим взводом «тридцатьчетверок» из засады уничтожил пятнадцать вражеских танков, семь из них сжег сам К. Ляшенко. Мотострелковый батальон, усиленный танками капитана Г. Одиненко, истребил 12 танков, 2 противотанковых орудия, минометную батарею и более 700 вражеских солдат и офицеров. Врагу было нанесено

ощутимое поражение. Но и мы несли потери.

19-я танковая бригада тоже отличилась. Ее 19-й полк под командованием майора М. Н. Филиппенко уничтожил не менее 20 вражеских танков и бронемашин, начальник штаба бригады майор Н. П. Ильченко разил врага из своего танка и в бою организовывал взаимодействие танков с пехотой и артиллерией. За боевые подвиги они были удостоены высоких наград.

Командир 1-го танкового батальона майор И. С. Мирошенко лично уничтожил 4 боевые вражеские машины, командир танка старший сержант П. А. Гурков сжег 4 танка, командир танковой роты лейтенант В. Луганский уничтожил 3 боевые машины, 2 орудия и до взвода пехоты, старший лейтенант Е. И. Лемакин подбил 6 танков.

Было принято решение в центре оборонительной полосы на Бородино поставить 32-ю стрелковую дивизию, усилив ее танками и артиллерией.

12 октября после мощного артиллерийского удара враг повел наступление, но он толком не знал, как нами занята оборона на Можайском рубеже и конкретно — на Бородино, поэтому огонь его был малоэффективен.

В тот же день передовые части 32-й стрелковой дивизии вместе с 18-й и 19-й танковыми бригадами и противотанковыми артполками вступили в бой. День был очень тяжелым! Непосредственно у переднего края мы отражали несколько вражеских атак, уничтожили более тридцати танков, десять орудий и свыше 600 солдат и офицеров. Исключительно храбро действовал командир 19-го танкового полка майор М. Н. Филиппенко: даже раненый, он не оставил поле боя.

В ночь на 13 октября мы перешли в подчинение к командующему Западным фронтом Г. К. Жукову. Он подтвердил задачу, поставленную Ставкой: прочно удерживать занимаемый рубеж.

Утром началась битва за Бородинское поле. На правом фланге противнику удалось прорваться к переднему краю Бородинского поля. Но стремительной контратакой 19-й танковой бригады и частей 113-го стрелкового полка враг был остановлен и отброшен в исходное положение.

На других участках вражеские атаки успеха не имели.

14 октября возобновились ожесточенные бои за Бородино.

Противник пытался обойти Бородино на нар-фоминском направлении. Но и здесь встретил сопротивление. Сюда вскоре подошла 1-я Московская Пролетарская гвардейская мотострелковая дивизия генерала А. И. Лизюкова и 201-я латышская дивизия. Они сражались стойко.

Бородино дрожало от гула орудий, рева танков и самолетов.

Наступило 15 октября. Враг нес большие потери. Фашисты решили обходить Бородино и двинулись на Волоколамск. Там их встретила 16-я армия. Здесь насмерть стояла 316-я стрелковая дивизия генерала И. В. Панфилова.

16 октября на Бородино разгорелись еще более ожесточенные бои. Враг бросил сюда сотни танков, но цели не добился. Если раньше на Можайском рубеже сражалась только 5-я армия, то теперь здесь образовался целый фронт шириной более 150 километров, который защищали три армии. Бой на Бородино 16 октября навсегда останется в моей памяти. После этого сражения враг уже не наступал, как раньше, а полз черепашьим шагом, быстро выдыхался. Это был верный признак окончательного срыва его планов «блицкрига»!

Однако напряженные бои продолжались. В ночь на 16 октября пали смертью храбрых такие воины, как командир 20-й танковой брига-

МНИТ ВСЯ РОССИЯ...

ды полковник Т. С. Орленко и командир батальона Московского военно-политического училища имени В. И. Ленина капитан М. Т. Малыгин. Задела вражеская пуля и меня. Но и раненные, мы оставались в строю. Например, наводчик орудия 133-го артиллерийского полка комсомолец Федор Чихман, потеряв руку, продолжал громить врага. Одной рукой он и заряжал и стрелял, подбив шесть вражеских танков! Он крепко выручил нас, когда танки противника прорвались к штабу 5-й армии. Большую роль сыграли шестнадцать наших танков Т-28 с 76-мм пушкой. Они были без моторов, и потому их превратили в доты. Тридцать вражеских танков подбили тогда эти необычные доты. Командир одного из этих танков Серебряков стал Героем Советского Союза.

Уместно привести высказывания фашистского генерала Блюментрита о стойкости войск под Москвой. Он писал: «Когда мы подошли вплотную к Москве, настроение наших командиров и войск вдруг резко изменилось. С удивлением и разочарованием мы обнаружили, что в октябре и к началу ноября разгромленные русские вовсе не перестали существовать как военная сила. В течение последующих недель сопротивление противника усилилось, и напряженность боев с каждым днем нарастала. Для нас было полной неожиданностью, что обстановка так сильно изменилась».

18 октября в командование 5-й армией вступил генерал Л. А. Говоров. Я же был эвакуирован в госпиталь. Там я с радостью узнал, что к концу октября враг остановлен на рубеже Звенигород — Кубинка — Наро-Фоминск. В фашистской ставке появились разногласия: некоторые фельдмаршалы и генералы рекомендовали фюреру наступление на Москву перенести на весну 1942 года. Но Гитлер настоял на своем.

Второе наступление на Москву гитлеровцы предприняли 15 ноября 1941 года, но и оно, как известно, к концу ноября окончательно провалилось.

Историческая победа под Москвой явилась поворотным пунктом в Великой Отечественной войне. Человечество убедилось, что Страну Советов, созданную великим Лениным, победить невозможно! Под Москвой занялась заря нашей победы.

«Историческая победа под Москвой, — отмечал Леонид Ильич Брежнев, — вдохновила советских людей на новые подвиги, укрепила их уверенность в том, что враг неминуемо будет разбит».

Мне часто приходится бывать на Бородино. В день, когда отмечается праздник победы русской армии над Наполеоном, сюда приходят тысячи советских людей, сотни зарубежных гостей и туристов. Подвиг русских воинов отмечен тридцатью четырьмя прекрасными памятниками. Это справедливо. Но вот память советских воинов, громивших врага на Бородино и под Можайском осенью сорок первого, по существу, не увековечена. А ведь здесь смертью храбрых пали тысячи советских солдат и офицеров, нанеся крупное поражение врагу. Наступление немецко-фашистских войск захлебнулось в семидесяти трех километрах от Москвы. Мне думается, пора вместо одного танка и трех малозаметных обелисков воздвигнуть мемориальный комплекс, достойный подвига советского солдата, отстоявшего Москву на поле славы русского оружия.

Сто двадцать девять лет разделяют две великие битвы, а связь между ними есть. Эта связь — в беспредельной любви русского народа к своей Родине, в безграничной ненависти к захватчикам, в умении во имя Победы вынести любые тяготы и лишения и разгромить врага в его логове. Эти уроки истории не худо бы помнить всем любителям бряцать оружием...

Конная разведка.

В освобожденном Юхнове. 6 марта 1942 года.

Лесной бой.

Фото М. САВИНА, бывшего фотокорреспондента газеты Западного фронта «Красноармейская правда».

БЕССОННАЯ НОЧЬ В ТЮРЬМЕ

Сальвадорская поэтесса и журналистка Лилиам Хименес (родилась в 1922 году) — активная участница борьбы своего народа за свободу и национальную независимость. Коммунистка с 1950 года, в 1979 году она становится членом руководства Компартии Сальвадора. Много лет провела в изгнании, за свои политические убеждения была заключена в тюрьму. О своей жизни, любви и борьбе Лилиам Хименес рассказала в поэтических сборниках «Имя твоё, Гватемала» (1955), «Народная симфония» (1959) и «Сердце мечты» (1968). Поэма, фрагменты которой мы публикуем, взята из ее книги «Бессонная ночь в тюрьме» и другие стихотворения, вышедшей в прошлом году в Мексике, где в настоящее время живет поэтесса.

ЛИЛИАМ ХИМЕНЕС

*Посвящается всем политзаключенным
Латинской Америки, познавшим тюрьму
и пытки.*

* * *

Я стою
неподвижная, полунагая,
словно статуя, исковерканная дикарями,
в центре камеры пыток, в той ее точке,
где перекрещиваются лезвия безмолвия...
Я белее, чем мел... Передо мною —
двадцать жандармов в штатском,
двадцать подонков,
недостойных звания человека.
Двадцать шпиков, следящих за каждым
моим движеньем —
взгляды их, словно иглы, впиваются в тело.
Двадцать револьверов
на портупелях из черной кожи.
Двадцать змей,
собирающихся ужалить.
Двадцать одинаковых лиц,
сливающихся воедино
в зверском обличье полицейского командира.
Я ощупываю пространство взглядом,
потому что руки связаны за спиной,
и натыкаюсь лишь на ненависть и на злобу.

* * *

Ночь пустила в ход все свои черные силы.
Сжав в руке убийственное оружие,
в камеру прокрадывается преступление,
заполняя замкнутое пространство,
окружая меня нерасторжимым кругом.
Сорок рук
готовы меня растерзать.
Сорок ног
в иступление грохочут по полу.
Через сорок ран кровоточит мое горе.
Кто-то в меня плюет,
кто-то по-идиотски хохочет и бьет в ладоши,
выдохнув мне в лицо струю сигаретного дыма...
Зло и порок проходят торжественным маршем
перед моими глазами.
А за стенами дремлет и безмолвствует мир.
Кажется, ему безразлично
то, что происходит в этом застенке, где смерть
в бледной маске мумии
справляет свой праздник.
Думаю об этом — и глаза наполняются болью,
между мною и жизнью разверзается
пропасть —
будто бы я бреду за катафалком,
на котором везут хоронить мое мертвое тело.

* * *

Делайте со мной, что хотите.
Пропустите по венам электрический ток.
Выколите глаза, отрубите руки и ноги.
Разорвите на части туловище.

Вылейте кровь в бездонную пропасть.
Пусть мои пышные волосы выстелят
пол подземелья.
Пусть мою кожу покроет черная сыпь темноты.
Положите сердце мое,
как увядший подсолнух,
рядом с телами двух моих мертвых детей.
Что бы вы со мною ни делали,
знайте:
мне не страшны ни мученья, ни пытки,
ни одиночество,
опустошающее изнутри мое тело.
Мне не страшен мрак,
тянущий щупальца к сердцу.
Воля моя напрягла свои струны.
Я остаюсь свободной.
Утро, сражающееся против ночи, непобедимо.

* * *

Я сижу на бетонной скамье
в темной камере, задыхаясь
от смрадного запаха,
исходящего из углов.
К телу льнет тишина,
будто пес, лижущий руку
заплаканному ребенку.
Я приучена
гордо нести свое горе,
словно черный цветок, навечно приколотый
к сердцу.
Я привыкла, что с каждой минутой что-то
во мне отмирает —
таково суровое предназначенье природы.
Я неспособна уснуть в этом каменном склепе:
плоть моя, как плетью, иссечена болью;
слышу лишь тишину, заложившую уши,
согреваюсь лихорадочным жаром,
раздирающим грудь.

Ночь напролет
не смежаю век у изголовья
одиночества, множащегося во взгляде.
Окна моих глаз
распахнуты настезь
даже тогда, когда я слышу тяжелую поступь
смерти, которая движется по коридорам,
сжав в руке негасимую лампу,
излучающую сияние мрака.
Где бы мне ни пришлось умереть, я умру
без страха.
Человек способен преодолеть могущество
смерти.

* * *

«Ты будешь жить, — я сказала себе, —
чтоб и дальше сражаться
за освобождение народа,
которое непременно настанет;
чтобы писать стихи,
чтобы любимого целовать, сжимая в объятьях,
чтобы отдать сыновьям пламя,
горящее в сердце,
чтобы трудиться — в час рассвета,
когда развеется ночь».

Перевел с испанского
Владимир РЕЗНИЧЕНКО.

XVI

Промысел взрослых отличался от нашего, детского. Отцы семейств знали, что одними травами, сколько их ни пихай в желудок, голода не утолишь, сыт ими не будешь, и поэтому искали еду поувесистее, что ли. За бардой никто теперь не ходил, потому, во-первых, что люди успели убедиться, что она, барда, плохая их союзница, что она скорее помощница смерти, а не их, людей, спасительница; во-вторых же, потому что страшная яма сейчас была обнесена колючей проволокой и доступ к ней наглухо закрыт. Набиравший силу голод заставлял обезумевших людей искать спасения в любом месте, где только оно могло им пригрезиться.

Таким местом в нашем селе оказалось Глинище — большой котлован, образовавшийся при выработке песка и глины, куда теперь сваливали трупы издохших от бескормицы колхозных лошадей. Дольше всех, пожалуй, держалась неприхотливая в еде наша Карюха. В тридцать втором году она успела еще ожеребиться, одарить общий двор Звездочкой, и, чудом уцелевшая, унаследовавшая от матери редкую выносливость, эта Звездочка дожила, говорят, до войны, пережила всю войну, оставив по себе добрую память, поскольку делила поровну все тыловые заботы с женщинами, подростками и стариками. Сдохла, сказывают, Звездочка летом сорок пятого, исполнив до конца свой долг перед людьми.

Мать ее, Карюху, я видел в последний раз весною тридцать третьего в Глинище, куда

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

спустился со своим знаменитым топориком Ванька Жуков, единственный из наших ровесников, кто решился на такое дело. Узнал Карюху по большой стертой подковке, какую я нашел когда-то на полевой дороге, а затем попросил кузнеца Алексея Ивановича Климова, чтобы он «пришпандорил» ее к Карюхиному расплюсченному, растрескавшемуся копыту. Слезы сами собой выскочили из моих глаз, когда увидел, как высохшая, жилистая рука Григория Яковлевича Жукова, спустившегося в котлован немного раньше своего младшего сына, ухватила за ногу лошади, чтобы отсечь ее топором вместе с ороком.

— Дядь Гриша, не нада-а-а! — закричал я отчаянно, но Жуков-старший даже не поднял головы. Засунув мясо в мешок, он с Ванькиной помощью взвалил его на себя и, согнувшись, что называется, в три погибели, медленно, со множеством остановок, стал выкарабкиваться наверх.

В конце апреля мужики, сохранившие в себе кое-какую силенку, дружно устремились в поля, к сеялкам. Понять их было нетрудно: представлялась долгожданная возможность поживиться семенным зерном, отборной пшеницей; как там ни сторожи, ни следи бригадир, но разве уследишь, разве поймашь момент, когда голодный сеятель бросит себе в рот или в карман горсть зерна? А ежели и увидишь, хватит ли у тебя духу остановить человека, поймать за руку и наказать?..

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—38.

Прилет грачей, так же как скворцов и жаворонков, всегда приносил с собой освежающее и просветляющее душу, праздничное возбуждение; с их шумным граем, вознею над старыми гнездами, важным расхаживанием по начинавшим чернеть дорогам, с копошением в навозных кучах, возвышавшихся когда-то во всех дворах, как бы начинался и новый круг жизни, а в жилах твоих — новое, ускоренное кровообращение.

— Грачи прилетели! — объявит радостно тот, кто первым их увидит.

Услышавшие это обязательно улыбнутся — просторно и ясно.

В году, которому отведены эти скорбные страницы, прилет грачей был встречен иначе. Люди быстро сообразили, что грачиное мясо может отвратить от них голодную смерть. Голуби за долгую зиму были все до единого постреляны, переловлены и съедены. Теперь можно взяться и за грачей: не было только ни у кого ни пороха, ни дробы — все израсходовали. Впрочем, дробь-то можно было бы нарубить из проволоки, накатать, положив сковороду на сковороду, но зачем она, дробь, без пороха?! Нужно было что-то придумать другое.

Меня «надразумил» бывший волчатник, а теперь медленно умирающий и, кажется, примирившийся с приближающимся к нему неотвратимым концом Сергей Андреевич Звонарев, мой, значит, дядя по материнской линии. Войдя в избу и отдышавшись у порога, он поднял глаза, отыскал меня на печи, спросил:

— А ну-ка, Михаил, сбегай во двор и принеси две толстые соломинки.

— А зачем они тебе, дядь Сережа?

— А ты не спрашивай. Делай, что тебе говорят! — прохрипел старик сердито.

мать, не скупись. «Курятину» получишь взамен!..

Ломтик свеклы был привязан к месту изгиба. Присмотревшись к печке полуобгоревший черенок от кочерги, Сергей Андреевич привязал к нему провздетый сквозь кольцо единственный теперь конец нитки.

— Пошли, сынок, во двор, — позвал он меня.

Во дворе он приказал мне взобраться на крышу сарая и положить ловушку так, чтобы ее рога слились с соломенной крышей, а на виду оставалась лишь приманка.

— Бочком, бочком положи! — советовал охотник снизу.

Когда я сделал все так, как он говорил, и спустился на землю, мы вернулись в сени и сквозь дырявую их стену начали наблюдение.

Очень скоро объявились грачи. Одни из них расхаживали по двору, высматривая что-то там; другие исследовали небольшую навозную кучу, производимую теперь единственным животным на нашем дворе, — старой коровой по кличке Рыжонка, которая, на беду нашу, встретила с женихом что-то уж очень поздно и теперь отелится лишь летом, где-то к концу июня. Только один грач, по-видимому, еще с воздуха приметил кусочек свеклы на сарае и, боясь, что его могут упредить, почти камнем упал на приманку, упал и сейчас же затрепыхался, накиннув на себя петлю.

— Понял? — улыбнулся старик, выходя из сеней. — Теперича сам будь добытчиком. Отец-то, слышь, совсем позабыл про вас, а братьям твоим недосуг гоняться за грачами, трудодни, палочки для вас зарабатывают. А палочками сыт не будешь. Так что

ку — ловить грачей с помощью нехитрого приспособления. И его смерть была мало кем замечена, как и множество других смертей.

Бывает, что чувство самосохранения оказывается сильнее всяких иных чувств, но в нашем товариществе оно не заглушило, не подавило желания прийти друг другу на выручку. Этим только и можно объяснить, что в очень малый срок мы научили изготовлять необычные соломенные силки для ловли грачей и Гриньку Музыкина, и Кольку Полякова, и Петеньку Утопленника, и Яньку Рубцова, и Миньку Архипова, и Ваську Мягкова, и Федьку Пчелинцева, и, конечно же, в первую очередь Мишу Тверского, оказавшегося главою многочисленного семейства. Что он только ни делал, в какие только углы ни заглядывал, чтобы спасти сестер и мать от голодной смерти! Долгими зимними ночами, коченея, выслеживал зайца в огороде, ставил маленькие капканы на хомяков у себя под полом, а то и на крыс, выдавая их потом, когда снимал шкуру, за «карбушев», то есть все за тех же хомяков; с помощью рогаток добывал голубей, сорок и даже воробьев; на что уж хитры вороны, но и те нередко были поражаемы Мишиной рогаткой. Весною, едва с полей сошел снег, Миша уходил на целый день туда, ибо там, в предполье, за ветряными мельницами, давно уж не размахивающими своими драчными крыльями, появились первые живые столбики сусликов, пробудившихся от зимней спячки: Миша выливал их водою и, укладывая в ученическую сумку, приносил домой. Мясо шло в еду, а шкурки, снятые мешочком, распяливались на рогульке, высушивались, выделялись самим же Миш-

ДРАЧУНЫ

Приказание было выполнено в одну минуту. Теперь в руках знаменитого охотника оказались две толстые суставчатые соломинки. Он повертел их перед своими глазами, как бы оценивая; удовлетворившись, бормотнул что-то себе под нос, попросил, обратившись уже к моей матери:

— Фросинья, отмотай-ка с клубка суровую нитку да подлиннее.

Нитка была подана, и дядя Сергей принялся мастерить силки. При этом он потребовал от меня, чтобы я не спускал с него глаз и перенял нехитрое это «рукомесло». Сперва старик выровнял соломинки, чтобы ни одна из них не была длиннее другой хотя бы на миллиметр; затем скрестил, потом согнул на месте скрещения так, что четыре конца встали под острым углом на одинаковом друг от дружки расстоянии; а чтоб соломинки не отскочили, связал их ниткой в месте скрещения. Верхние концы соломинок старик легонько надрезал перочинным ножиком, пропустил сквозь них нитку в виде большой петли, которая чрезвычайно легко соскальзывала, если поддеть нитку в любом месте снизу вверх.

— Ну, а теперь, Фросинья, глянь, пошарь там: не осталось ли где хлебного кусочка... Нету, говоришь?.. Понятно... у кого он теперь есть, тот кусок!.. Ну, можа, картофелина вареная?.. И этого нет?.. Вот беда!.. Ну, отрежь ломтик свеклы, — дядя Сергей потянул широким, темно-синим носом, похожим на раздавленную черносливинку, воздух, — слышу, что свекла-то у тебя найдется. Хошь, укажу, где она хоронится? Можа, сама-то ты забыла... Давай ее сюда,

действуй, лови этих крылатых горлопанов, их всех не переловишь!..

Сказав это и поплевав меня по щеке, дядя Сергей ушел, а я, высвободивши птицу из силков, упрятав ее, обезглавленную, в ларь, в котором когда-то хранилась мука, со всех ног ударился к Ваньке Жукову, чтобы и для него изготовить несколько соломенных силков. С того дня мы охотились на грачей вместе и увлеклись настолько, что забывали про все на свете, даже про голодный желудок, который обычно не давал забывать о себе ни на минуту.

Ну, а что же с дядей Сергеем?

Научивши нас новому промыслу, оказавшемуся неплохим подспорьем вконец было отошедшему столу, сам старший охотник почему-то не занимался им. Может быть, потому, что утратил всякий интерес в жизни? Да и что могло поддерживать в нем этот интерес, если человек лишился самого главного для него — возможности выйти в метельную, пуржистую пору в степь на широченных своих лыжах и побродить по ней, выслеживая зверя, в яростной схватке со снежной колючей заматью и, как в награду за смелость и выдержку, в конце концов испытать ни с каким другим не сравнимое волнение, когда твои глаза в упор повстречаются с холодным, проникающим в самую душу, пронзающим тебя насквозь взглядом матерого волка?.. Отними у человека главное дело его жизни — и он сразу же начнет угасать: сперва духовно, а потом и физически. Это уже известно.

Дядя Сергей умер через несколько дней после того, как научил меня — а я Вань-

кой и затем сбывались заезжим татарам за разную нужную в доме мелочь, главным же образом — за удильные крючки. И к ужению рыбы Миша приступил первым, но в пока что мутной воде вопреки пословице рыба ловилась плохо, потому что не видела наживки: известная поговорка, видимо, основывалась на другой снасти, на бредне или наметке, но никак уж не на удочке.

Первым же Миша начал и другой подводный промысел, оказавшийся спасительным для одной, во всяком случае, младшей его сестренки Дуняшки и для матери, но, увы, не для него самого: единственный сын покойного уж теперь Степашка, как только вода малость угрелась на солнце, приступил к собиранию ракушек в Баланде, на Старице, на Грачевой речке и даже на Медведице. Содержимое шло в суп, поедалось и сырым, живьем («На зубах вот только попискивает», — сетовал сам ловец), а раковины высыпались перед домом, под окном. Скоро не только перед Степашковым жилищем, но под окнами многих изб стали быстро вырастать горы ракушек. Их несли теперь в мокрых мешках все, кто только мог.

К середине июня иссякли и реки: за весь день Миша, например, при всем его усердии мог отыскать не более десятка и возвращался домой почти с пустым мешком, синий от холода и от голода. Возвращаясь, он нередко видел Дуняшку на вершине горы из ракушек; грязным ноготком девочка выковыривала остатки, сохранившиеся в створках моллюскового домика. Миша подхватывал сестру на руки и, воющую, визжащую, кусающую ему руки, уносил в избу и там

падал вниз головой на пол, сотрясаясь от сдерживаемого из всех сил рыдания. Старшие сестры были на поле, на прополке колхозных посевов, а там для них варили ржаные колючие галушки, так что за тех можно еще быть спокойным. А мать, а Дуняшку надобно во что бы то ни стало спасти, и вскочивши на ноги, словно бы кем подстегнутый, Миша вновь бежал на реку.

Ходили за ракушками и мы с Ванькой, но дружок мой что-то очень быстро оставил это занятие: похоже, чужие погребца и чуланы по-прежнему привлекали его больше, чем реки, луга и леса. Видя, что я плохой компаньон для опасного этого промысла, Ванька отыскал себе подходящего напарника в лице Гриньки Музыкина, и они совершенно естественно и очень скоро отделились от нас, так что встречи мои с Ванькой случались все реже и реже.

В последний раз я видел Ваньку и Гриньку возле нашего дома после похорон деда, когда, прослышав, что к нам из Новой Екатериновки приехал отец, что он привез «полный аж воз» муки и мяса, чтобы помянуть старика как следует, к подворью нашему стеклось чуть ли не полсела. Знакомые лица были для меня и для друг друга неузнаваемы: голод хорошо потрудился, чтобы сделать над ними эту «пластическую операцию». Я мог бы увидеть Ваньку и на кладбище, да мать оставила меня в доме сторожить приготовленную для поминок еду. Позже узнал, что к глубокой могиле, приготовленной для дедушки, отовсюду потянулись тележки с умершими. Не имея сил, чтобы вырыть хотя бы неглубокую ямку, люди просили, умоляли моего отца, чтобы он разрешил положить покойника в дедову могилу. Могильщики приступили было к закапыванию могилы, те, что были рядом, успели уже бросить по шепотке земли в нее, когда братья Жуковы, Федька и Ванька, привезли на тележке Григория Яковлевича. Для него, также обернутого тряпьем, отыскалось местечко в самом верхнем ряду. Дядя Петруха, черный, как головешка, поглядел в лицо хуторянина, набрал полную грудь воздуха и с шумом, с хрипом выдохнул его, вымолвив чуть слышно:

— Так-то вот, Григорий... А мы, дураки, ссорились-бранились. Мож, рядышком придется лежать... Эх, драчуны, драчуны!

Стоявший за его спиной Федот подал и свой голос:

— Там-то уж вы помиритесь окончательно, накалякаетесь вволюшку, никто вам не помешает. Мож, и меня возьмете в свою компанию, а?

— Нужон ты им, такой болтун! — отозвался откуда-то Карпушка.

— Зато ты не болтун, — осерчал Федот Михайлович, — словесный твой понос ничем уж не остановишь!

— Будя вам, мужики. Нашли время почесать языки. Люди слезьми исходят, а этим смех! — уткнула их наша мать.

— Не гневайся, Фросинья, — сказал ей на это Федот, нашаривая в кармане кисет, — наш смех тоже на полын-траве замешан!

Дядя Петруха как в воду глядел, обратившись напрямую к Жукову-старшему. Не прошло и трех дней, как его собственные сыновья, Иван и Егор, привезли нашего общего «тятю» сюда на тележке. Они сняли-разбросали лопатами бугорок, отодвинули чуток в сторонку высохшее, а потому и не тронутое еще тленом тело Григория Яковлевича, положив рядышком, плечом к плечу, тоже без гроба, по-татарски, своего отца. Снова подгребли землю, поправили большой дубовый крест, сделанный из вереи от старых дедушкиных ворот и назначенный было для одного деда, но теперь ставший общим над как бы уж братской могилой.

Для скончавшихся вскоре тетеньки Дарьи и ее младшей дочери Фени места возле мужа и отца не оказалось: для них пришлось выкопать неглубокую могилку поблизости.

XVII

Отец точно привез из Малой Екатериновки, но всего лишь полтора мешка ржаной,

вместе с отрубями, муки и небольшую баранью тушку. Чтобы не быть перехваченным на основной дороге, он добирался до родного села окольным путем, большей частью оврагами и лесными просеками, лежащими далеко в стороне от сел и деревень, и тридцать верст растянулись для него на добрую сотню, на преодоление которой потребовалось трое суток (смерть деда по времени совпала с моментом, когда повозка отца выбиралась из Салтыковского леса на Малые Луга, где Николай Михайлович и повстречался с печальной новостью: ее поведал Миша Тверсков, отправившийся в очередной раз за ракушками теперь уж в Кабельное, большое озеро, соединявшееся весной с Баландой). В тот же день полмешка размолу отец отдал дяде Петрухе, да, похоже, опоздал со своей подмогой. Остальная часть привезенного ушла на поминки — так, во всяком случае, сообщила наутро, после похорон деда, наша мать. Я-то был убежден, что кое-что она припрятала про самый черный день, но вслух не высказывал своего подозрения, ибо знал: чего бы мать ни делала, она делает это исключительно для нас, ее детей. «Не будь вас, — говаривала она в те дни, — я бы сама поклонилась, упала в ноги господу богу: приberi меня, родимый, упокой рабу твою. Но как же покину, оставлю вас?! Санька и Ленька большевики, эти, можа, и не пропали бы, а Мишке-то каково без мамки!» Так что ежели и не для старших сыновей, то для меня-то, во всяком уж случае, мать отсыпала несколько пригоршей муки и присолила, упрятала в укромный уголок кусочек баранины. Мы знали также, что где-то хоронились у нее и ржаные сухари — остатки пайка, получаемого в тракторной бригаде Ленькой и Санькой, которого Василий Дмитриевич Маслов, сменивший в самый горький час на посту председателя колхоза двадцатипяти тысячника Зелинского, пристроил учетником этой бригады. Время от времени мать выдавала нам по сухарику, из которого даже печь не могла удалить ни вкуса, ни запаха полынного. Было бы это в пору, когда дети ее были несмышленики, мать сказала бы, что горький этот кусок подарила лиса, и мы б поедали его с необыкновенным наслаждением. Теперь Санька, Ленька и я не нуждались в таком обмане: набрасывались на сухари без хитрой маминной приправы к ним — горький полынный привкус и запах даже вроде бы прибавляли аппетиту.

Понимая, что оставляет семью без хлеба и без других каких-либо припасов, отец вдруг предложил:

— Ты, Мишка, поедешь со мною в Малую Екатериновку. Матери все будет легче маленько. Так что утречком и отправимся.

В прежние годы для меня не было большей радости, чем та, когда отец брал с собою в какую-либо поездку: в поле, смотреть хлеба, на ярмарку, в лес за дровами, в соседнюю ли Варварину Гайку к родственникам, особенно к доброй и ласковой тетке Орине, двоюродной отцовой сестре, подарившей мне однажды большую белую крольчиху; на бахчу ли в Леbedке, где можно и насытиться арбузом и напиться его соком всклен; на мельницу, где можно надышаться мучной пылью и насладиться вдоволь мужичьих веселых прибауток и шума мельничных деревянных колес и шестерен, а также наглядеться на то, как кипит под ними вода, из которой то и дело выскакивают, свернув на солнце, шустрые, бесстрашные рыбешки.

Теперь же отцово приглашение скорее напугало меня, чем обрадовало. Заметив это, мать заторопилась:

— Поезжай, поезжай, сыночка! Поезжай, милый!.. Засохнешь ты тут без хлебушка-то!..

В голосе и глазах ее была такая мольба и такая мука, что у меня все как бы оборвалось внутри, и, чтобы не заплакать, я поспешил успокоить ее:

— Ладно, мам, поеду.

— Ну и умница, ну и спаси те Христос! Мамку только свою не забывай там! — сказала она как-то значительно и понесла по обыкновению платок к глазам своим.

Вот только теперь я понял, что не боязнь голода заставила ее настаивать так горячо на моей поездке с отцом, — мать высылала меня туда на разведку: ей давно нашептывали бабы, что Селяниха живет с ее мужем, что она там, в Малой Екатериновке; подвернулся, наконец, случай, когда можно было в этом удостовериться окончательно. Было в плане матери и другое: может, думала она, устыдится родного сына «этот хабакин» и турнет бесстыдницу куда подальше.

Мужу сказала:

— Гляди там за мальчишкой-то. Не оставляй его у чужих. Времена-то нынче вон какие!

Отлично понимая, кого она разумела под словом «чужие», отец побагровел, прикусил правый рыжий ус, подкрученный обычно поунтер-офицерски вверх, пробормотал недовольно, убирая глаза в сторону от жены:

— Ты говоришь так, будто ему не четырнадцать, а пять лет.

— Пять не пять, а для матери он всегда дите малое.

— Ну, и ничего не делается с твоим дитем! — сказал отец, поскорее уходя во двор. Он был рад, что старших сыновей дома не было, что и ночью их не будет, поскольку Ленька и Санька ночуют в поле, в тракторной будке вместе с трактористами и прицепщиками: их он побаивался.

Кажется, отец так и не заснул в ту ночь. Ворочался, кряхтел, кашлял, то и дело закуривал. Меня разбудил ни свет ни заря — со вторыми кочетами:

— Вставай, сынок. Пора.

Сонного, почесывающегося, вывел во двор. Пегай кобыла, обмахиваясь белым хвостом и встряхивая такого же цвета гривой, уже была запряжена.

«Вот бы надергать из нее волосинок на лески!» — подумал я. И сонливость как рукой сняло. По волосинкам этим мысль самым коротким путем добралась до Ваньки Жукова, и под ложечкой, в груди сделалось щемяще тоскливо: «Неужли не увидимся более?»

Вышедшая вслед за нами мать что-то подсовывала под сено на телеге, заправляла под него края полога, одновременно подбадривая меня сухими, измученно улыбающимися глазами. «Так надо, сыночка», — говорили мне эти скорбно улыбающиеся глаза.

Рядом беспокойно вертелся Жулик. Учужав, что меня собираются увезти, он сейчас же решил, что не расстанется со мною, и теперь, чтобы расположить к себе старого хозяина, прыгал возле него, намереваясь лизнуть в лицо, молот хвостом и взлаивал просяще, стараясь из всех сил обратить на себя внимание. Пес знал, что увяжется за нами обязательно, но будет лучше, ежели его поκληнут, возьмут с собой сами хозяева, а не станут отгонять от телеги притворно грозными окриками, настаивать на том, чтобы он вернулся, отвязался от них, а потому и ласкался сейчас так и заглядывал умоляюще то в мои, то в отцовы глаза, сисясь заодно и распознать наши намерения.

Жулик успел набить свое брюхо падалью, наведавшись до рассвета в Глинище: одни, кажется, собаки не страдали теперь от голода и могли бы вполне удовлетвориться существующим положением вещей, если бы их самих не отлавливали чужие люди и не поедали, — не знаю, как там другие, но я замечал, что не только поголовье лошадей, но и собак на селе сильно уменьшилось. Догадываясь о причине такой убыли, я днем привязывал Жулика на цепь и спускал только на ночь, чтобы он смог где-нибудь подхарчиться.

Сытый, Жулик теперь был обеспокоен, озабочен лишь тем, как ему отправиться в путешествие вместе с нами. Что это за путешествие, его мало интересовало: любое из них для собаки — великий праздник.

— Папанька, давай возьмем его с собой, — попросил я, не выдержав собачьих просящих глаз, устремленных теперь уж на одного меня с верой и надеждой.

— Порвут его кобели в Малой Екатериновке, их там чертова пропасть, и каждый величником с доброго волка. Да и по дороге на него будут набрасываться. Решай сам.

Я задумался. Беспокойство мое переда-

лось, видно, собаке. Жулик задрожал и заскулил.

— А мы в телегу его к себе возьмем, когда будем проезжать через Панциревку, Шклово и Грязнуху, — сказал я, прямо-таки просияв от этой пришедшей вдруг в мою голову счастливой мысли.

— Что ж. Пожалуй.

По тону, с каким были сказаны эти слова, Жулик тотчас же понял, что дело его выиграно, и, не дожидаясь, когда мы выедем, первым выскочил за ворота, сделал несколько нетерпеливых пробежек метров на сто вперед и обратно, облаял для порядка все четыре стороны, а заодно и нас — за то, что мы зачем-то медлили с выездом, хотя вроде бы давно были готовы к нему. А медлили мы потому, что мать забыла достать из сундука мой пионерский костюм, в котором мне очень хотелось объявиться в неведомой Екатериновке и покрасоваться перед тамошними ребятишками. Быстро вернувшись, мать сунула его мне под мышку и сейчас же отвернулась, чтобы я не увидел ее заплаканного лица.

Как и ожидалось, первое собачье нападение на Жулика было совершено в Панциревке, — из всех, казалось, подворотен одновременно повывскакивали всех мастей и калибров псы и с яростным, захлебывающимся лаем и свирепым рычанием ринулись на нашу повозку, имея на прицеле прежде всего моего верного друга. Жулик, однако, был опытен и хитер и принял со своей стороны нужные меры: как только телега наша въехала в деревню, он нырнул под нее и бежал там, недостижимый для уже визжащих от бессильной злобы врагов; нам даже не потребовалось брать его к себе. За Панциревкой основная свора отстала, за телегой бежала лишь одна маленькая рыжая собачонка, но, получив от осмелевшего Жулика хорошенькую трепку, и она с плачущим визгом ударилась в бег; для острастки Жулик немного пробежал за ней и затем вернулся, поглядел на нас, ожидая, видно, похвалы,

победительно задрав хвост, свивши его большим кренделем. В Шклове и Грязнухе было то же, что и в Панциревке, но и там из всех испытаний Жулик вышел с честью и теперь гонялся то за вспугнутым стрепетом, то за перепелкой, то за дудаком. Степные эти птицы были очень осторожны и не подпускали пса на близкое расстояние. У людей, зная, не хватало сил далеко уходить в степь и охотиться на них. По этой причине, наверное, и сохранилось тут так много и сусликов: пестрые живые столбики возникали и мгновенно исчезали и справа и слева от дороги, отовсюду слышался предупреждающий суслиный посвист; прислушиваясь к нему, я подумал: «Вот бы куда выехать с бочкой-то! Мы б навывалили их полную телегу!» При этом вспомнилось, что, собранные Михаилом Федотовичем в большой отряд, мы очистили от сусликов все наши поля и выгоны и спасли мясом этих зверьков не один десяток ребят и девчат; последние, правда, поначалу отворачивали свои мордашки, плевались, ни за что не хотели есть сусликов, но голод, как известно, не тетка, он прикажет отведать чего-нибудь и менее съедобного, лягушатины, например, или собачатины. Ванька Жуков уверял (он-де прочитал об этом в какой-то книжке), что во Франции лягушка почитается за самое большое лакомство, а для корейца и китайца собачье мясо — деликатес. Слово «деликатес» Ванька, конечно, не мог произнести правильно, исковеркал его немилосердно, но заменить на русское, близкое по значению этому не захотел: у не шибко грамотных людей есть такая непонятная страсть — обязательно вернуть в свою речь чужое, незнакомое слово.

«Где сейчас Ванька? — спросил я себя точь-в-точь так же, как тогда, после нашей ссоры. — Что он делает? Почему я не сбегал к нему и не попрощался?»

— Ты что это, сынок, приуныл? — спросил отец, заметив, что носишко мой повис, что я пригорюнился.

— Ничего, — ответил еле слышно.

— Скоро приедем. Вон за той горой и Екатериновка.

— А почему ее зовут Малой? — спросил я. — Она что, в самом деле маленькая?

— Нет, село большое. Даже, пожалуй, очень большое для наших краев.

— Почему же Малая? — допытывался я.

— Бог ее душу знает. Есть еще в нашем районе просто Екатериновка. Может, она и старше и больше этой.

Почти всю дорогу мы ехали молча, и теперь оба обрадовались тому, что разговорились наконец, что нашли хоть какую-то тему для разговора и отогнали неловкость, бывшую на телеге как бы третьим седоком и угнетающую нас. Необычная, не свойственная его натуре, ласковость отца, рассчитанная на то, чтобы расположить меня к нему, достигала обратного результата: я еще дальше уходил в себя, настораживался, сжимался в комок, выставив невидимую, но хорошо осязаемую папаниной ежовину. Так было до этой минуты, а сейчас и я оживился; мысленно побранил себя за то, что был всю дорогу бука буккой и не отвечал добротой на доброту отца. Теперь-то уж я хорошо знал, что он приезжал в Монастырское не на похороны дедушки (о его смерти папаника узнал позже), а для того, чтобы забрать меня, младшего его сына, «последыша», как называла меня мать, и спасти.

— В Малой Екатериновке тоже голод?

— Голодно, сынок, и там. Но не так, как у нас.

— Люди умирают?

— Бывает, что и умирают. Но поменьше, чем в Монастырском.

— А почему?

— Трудно сказать, сынок. Может быть, люди подружнее, а может быть, там оказалось поменьше таких дураков, как Зубановы, или же таких негодяев и сукиных сынов, как Воронины, не знаю, Михаил, но в Малой Екатериновке полегче малость.

Продолжение следует.

МОГУЧИЙ ТАЛАНТ

Т. ХРЕННИКОВ,
народный артист СССР

Шостакович — наш современник. Многие из нас встречались с ним, были свидетелями первого исполнения его сочинений, свидетелями формирования и развития его таланта, распространения его известности... Но мало кто при жизни вставал — как Дмитрий Шостакович — в один ряд с величайшими творцами искусства.

Признанный классик музыки XX века, один из ее лидеров, он оказал действие на весь ход развития современной музыкальной культуры.

Могучий талант композитора позволил ему уловить и воплотить в своих произведениях дух нашей эпохи, затронуть самые жгучие проблемы сегодняшнего дня. Причем Шостакович сделал это с такой поразительной силой, с таким размахом, которыми обладали лишь избранные... В течение нескольких десятилетий он возглавлял одно из магистральных направлений современной музыки, выступая в ней знаменосцем воинствующего гуманизма. Достойный преемник и продолжатель неумирающей бетховенской традиции, Дмитрий Шостакович, быть может, больше, чем кто-либо другой в нашем столетии, способствовал ее расцвету.

Более полувека вдохновенного труда отдал композитор советской музыке, пройдя вместе с ней многотрудный и долгий, плодотворный путь. В самом течении жизни, в окружавшем его сложном и бурном мире искал и находил он волнующие темы для своих сочинений, черпал творческие импульсы. Революционные бури XX века, преобразившие ход истории; образ великого Ленина; энтузиазм первых пятилеток; суровые испытания Великой Отечественной войны; самоотверженный труд советских людей; борьба за мир и дружбу народов — все это с колоссальной силой запечатлено на страницах партитур Шостаковича. Вместе с наследием Сергея Прокофьева, Николая Мясковского, Арама Хачатуряна они составляют краеугольный камень советской музыкальной классики.

Как каждый большой композитор, Шостакович был истинным новатором. Он открыл много нового в выразительных возможностях искусства. Но как бы ни были смелы его поиски, какой бы ни казалась подчас сложной его музыка — он всегда стремился быть понятным и услышанным людьми: следуя высоким традициям русской классики, он вел с ними живую беседу языком музыки. В первую очередь это относится к его симфоническому творчеству. Вехами творческого пути композитора — и вместе с тем вехами всей истории советской музыки — стали его пятнадцать симфоний — своеобразная летопись борьбы и свершений человечества, психологически насыщенный портрет героя XX века.

Не потому ли премьеры почти всех его симфоний, выходя за чисто музыкальные рамки, приобретают значение важного общественного события. Ведь самые волнующие, главные моменты истории нашего народа запечатлелись в этих симфониях. Даже их названия говорят об этом: «Посвящение Октябрю», «Первомайская», «Ленинградская», «1905 год», «1917 год»...

И не только эти, программные в своей основе полотна отражают ход времени, кипение жизни. Практически все в целом симфоническое творчество Шостаковича объединено темой «Человек и эпоха».

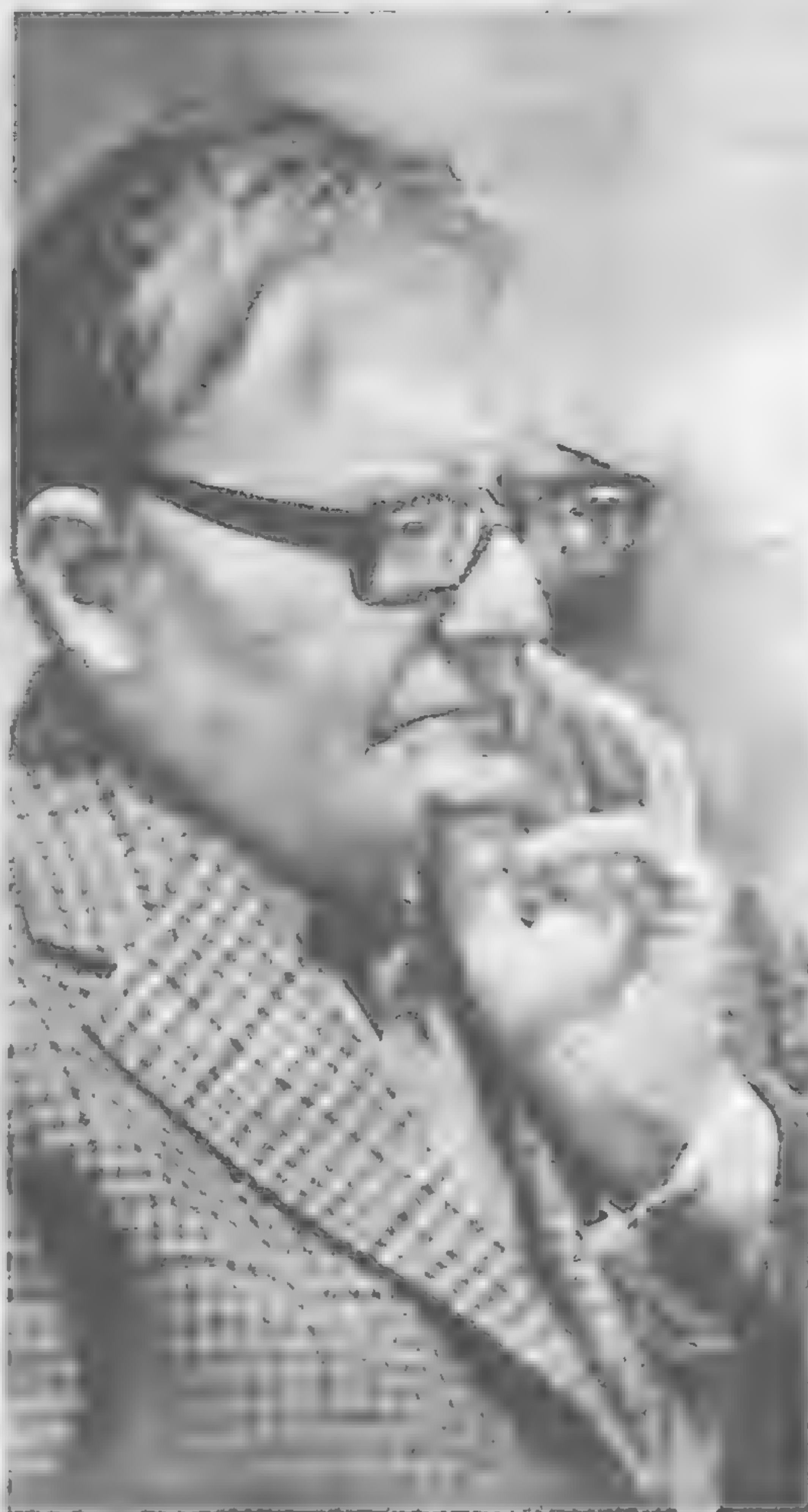

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Именно созвучность эпохе — новой, советской эпохе — определила широкое признание уже Первой симфонии, созданной совсем молодым композитором. За несколько месяцев 1926 года симфония буквально облетела концертные эстрады Европы и Америки, и не только потому, что был очевиден талант автора, но и потому, что ее пронизывал задор молодости, энергия, отразившие внутренний облик, самый настрой поколения строителей социализма. Спустя более полувека так воспринимаем мы эту симфонию и сегодня.

С энтузиазмом была принята Пятая симфония — одна из вершин творчества композитора; в центре этого произведения он, по собственным его словам, «поставил человека со всеми его переживаниями». И мне кажется, что одну из самых пронзительных оценок симфонии дал ей тогда же писатель Алексей Толстой. «В условиях строящегося социализма, — писал он, — широко и глубоко взятая тема становления человеческой личности приобретает огромный смысл и значение. Вот почему новое произведение композитора Шостаковича — Пятая симфония — так глубоко волнует советского слушателя».

Сейчас уже мало кто помнит, что одно из первых исполнений Пятой симфонии по желанию автора состоялось на собрании ленинградского партактива, и слушатели по достоинству оценили музыку, полную страстного, жизнеутверждающего пафоса.

Множество книг, статей, очерков посвящено легендарной Седьмой симфонии... Это — поистине уникальное явление художественной да и не только художественной истории. Напомню лишь слова замечательного дирижера С. Самосуда, первого ее исполнителя. «Седьмая симфония Шостаковича, — писал он в те грозные годы, — важна для нас не только как выдающееся произведение последнего полувек. Значение симфонии в ее глубоко политическом звучании. В тот момент, когда весь мир повержен в пучину небывалого катаклизма, в этот момент именно в Советской стране появляется такой Эльбрус музыкального творчества, как Седьмая симфония!»

Могу лишь добавить, что острая и открытая политическая значимость симфонии не только не помешала ее художественному воздействию. Напротив, она принесла ей во всем мире популярность невиданную, позволила стать фактором, укрепившим веру людей в непобедимость советского народа, советского строя... И сегодня, спустя десятилетия, Седьмая симфония, так же как и последовавшая за ней Восьмая остаются немеркнущими музыкальными памятниками бессмертных подвигов героических лет.

Как всякий великий художник, Шостакович многогранен и неисчерпаем. Но, пожалуй, самая сильная сторона его музыкального дара — изумительное драматургическое мастерство. Симфония — один из самых сложных и развернутых музыкальных жанров — сродни роману в литературе. И тут и там — переплетение человеческих судеб, сюжетных линий, развитие характеров; и тут и там индивидуальное, личное, порой глубоко интимное выступает на широком социальном фоне, в неразрывной связи человека с жизнью общества.

Именно так, словно музыкальные романы, воспринимаются все зрелые симфонии Шостаковича. Глубоких раздумий о судьбах личности в тревожном современном мире полны Десятая и Пятнадцатая симфонии; гигантские эпические картины революционных событий разворачиваются в Одиннадцатой и Двенадцатой... И все эти события, все эти размышления у Шостаковича возникают — и это важно подчеркнуть — не как у бесстрастного свидетеля, а как у советского патриота, человека передовых идейных убеждений. Слушая эту музыку, нельзя не почувствовать, что ее создал активный строитель нового, социалистического общества.

Дмитрий Шостакович был неутомимый труженик. Он работал, не зная отдыха, до последних дней жизни. Его последнее произведение — Альтиная соната — помечено 147-м опусом. И в каждом музыкальном жанре Шостакович сказал свое веское слово. Мы знаем его как великолепного мастера музыкального театра: он создал несколько сочинений, совершенно непохожих одно на другое. Самое значительное из них, конечно, музыкальная драма «Катерина Измайлова», где композитор выступает продолжателем традиций Мусоргского. А наряду с этим — полная остроумия и гротеска гоголевская опера «Нос»; неожиданным был дебют зрелого композитора в жанре оперетты: «Москва — Черемушки»... Наконец, его балеты — «Золотой век», «Болт», «Светлый ручей», — их задорные мелодии и сейчас звучат на концертной эстраде.

А камерная музыка!.. Пожалуй, никто со времен венских классиков не уделял этому жанру такое внимание... Перу Шостаковича принадлежат пятнадцать квартетов (это своеобразные спутники его симфоний), фортепианный квинтет и трио, сонаты и другие камерные ансамбли. Тут еще одна сфера, где раскрылись по-своему многие черты дарования, воплотились прониновенные чувства и переживания. И, конечно, сказалось филигранное, отточенное мастерство.

Полноправное место занимает сегодня в концертном репертуаре фортепианный Шостакович, напоминая о том, что автор музыки был талантливым и своеобразным пианистом. Он даже получил почетный диплом на первом шопеновском конкурсе в Варшаве. Стиль игры — графичный, строгий, нерано-напряженный — наложил отпечаток и на его сочинения для фортепиано: концерты, сонаты, многочисленные циклы и пьесы...

Нет, поистине невозможно в короткой статье сказать достаточно полно о творческом наследии композитора! Ведь надо было бы говорить и о великолепных хорах, скрипичных и виолончельных концертах, о вокальных циклах. Наконец, о музыке в кино и театре. О массовых песнях... Впрочем, творчество Шостаковича известно всем. Его музыка издается огромными тиражами. Она постоянно звучит в театрах и концертных залах, по радио и телевидению. И все, кто слушает его сочинения, чувствуют, как богат и многолик Шостакович-музыкант. Мне же хочется подчеркнуть, что Шостакович неделим: и в любой симфонии, и в киномузыке, и в «Песне о восточном» он всегда остается самим собой...

Стремительно летит время... Если еще два-три десятилетия назад музыка Дмитрия Шостаковича, утверждая себя, вызвала споры, то сегодня ясно, что без его вклада невозможно даже представить себе музыкальную историю XX века. Творчество и личность его оказали неизгладимое влияние на несколько поколений композиторов, в том числе на его непосредственных учеников: К. Караева, Г. Свиридова, Г. Галынина, К. Хачатуряна, Б. Чайковского, Б. Тищенко... Но, конечно, воздействие искусства Шостаковича, его опыта, его личного примера много шире. Шостакович был для своих товарищей и коллег образцом передового советского художника с твердой и принципиальной гражданской позицией. Его по праву называли музыкальной совестью нашего времени. Талант его органично сочетался с неукротимым общественным темпераментом.

В 1959 году мне довелось вместе с Дмитрием Дмитриевичем в составе группы советских композиторов быть в Соединенных Штатах Америки. На одной из многочисленных пресс-конференций он сказал: «Коммунистическую партию Советского Союза я считаю самой прогрессивной силой мира. Я всегда прислушивался к ее советам, и буду прислушиваться к ним до конца жизни». И это композитор говорил на американской земле в дни, когда он сам еще не был членом партии коммунистов. Весь жизненный и творческий путь закономерно должен был привести его в ряды ленинской партии, и в 1960 году он стал членом КПСС.

В нашей музыкальной жизни не было ни одного события, инициатором или активным участником которого не становился бы Шостакович. Уместно вспомнить, что ровно полвека назад он был одним из создателей Ленинградской композиторской организации, а позднее возглавлял Союз композиторов России. Но, пользуясь огромным авторитетом и влиянием, он оставался простым, доступным человеком. Когда позволяло здоровье, он много ездил по стране, принимал участие в работе съездов и пленумов, встречался со слушателями, с товарищами по профессии... Своим долгом он почитал каждое свое новое значительное сочинение вынести сначала на суд коллег в Союзе композиторов и с благодарностью выслушивать мнение собравшихся. Прекрасный пример для нашей молодежи и сегодня!

Путь Шостаковича в искусстве был нелегким: некоторые сочинения его не сразу находили понимание. Ощущая это, он постоянно стремился к совершенству, к высокой простоте изложения своих мыслей, к мелодической ясности, с особой силой проявившейся в его последних сочинениях. За эти поиски реалистической правды ему немало доставалось от буржуазных критиков — ревнителей «чистого искусства», которые теперь задним числом пытаются «перетолковать» содержание лучших его творений.

Скажем прямо — это тщетные, бесперспективные попытки!

Музыка Шостаковича говорит сама за себя, говорит во весь голос. И на весь мир...

Александр ИГОШЕВ

* * *

Не суждено речным потокам
в родной бочаг вернуться свой.
Но ты приди
к своим истокам,
испей из них воды живой.

Вдохни настой полыни дикий.
И на поляне возле ржи
нарви пахучей земляники
и в рот, как сладость, положи.

Скоси траву, где мать косила.
И, словно древний грек Антей,
вновь обретешь покой и силу
в наш век тревог и скоростей.

КОРНИ

От зеленого луга и леса,
от полей,
от родного села
столбовая дорога прогресса
многих нас в города увела.

Нелегко пережив перемену,
что была и остра и резка,
мы с рабочей честностью смену
не без пользы стоим у станка.

Мы возводим пролеты и стены.
Раскалив добела, как звезду,
в огнедышащих плавах мартерях
крепь земли богатырской —

руду.

И учености воздухом дышим:
о пути о своем —
от сохи —
диссертации яркие пишем,
сочиняем статьи и стихи.

Но и как бы судьба ни радела
высоко нас и круто вознестъ,—
в каждом
нами исполненном деле
все же что-то мужицкое есть.

И каким бы возвышенным слогом
ни воскрылил я сущность строки,—
мы по внутренней сути
во многом
коренные, как есть, мужики.

Мы тоскуем о поле просторном,
о лужайке у чистой избы,
где пустили
глубокие корни
дедов, прадедов наших дубы.

ПРИМЕТА

В притихшем парке —
много света.
Две липы, сохранив наряд,
вспоминаем о лете
еще зеленые стоят.

Уже погребены под снегом
газонов жухлая трава,

цветов осенние побеги,
полуистлевшая листва.

Уже ледовые карнизы
к речным намерзли берегам...
Они ж бросают, липы, вызов
морозам ранним и снегам.

Есть неприметная примета:
пускай белым-белы холмы —
счастливы,
кто сердцем верит в лето
в дни наступления зимы.

НОВОСЕЛЬЕ

Панелями веток касаясь,
где птица гнездо свое вьет,
колхозный поселок-красавец
на месте деревни астаёт.

Встает, молодой и веселый.
Под птичью заздравную звень
въезжают в дома новоселы —
жильцы небольших деревень.

И вот уже в малом селенье
остались на всполье хлеба,
деревьев зеленые звенья
да в старых накрапах изба.

На крыше разохлоса кони...
Хоть сердце щемит и сосет,
хозяин бульдозер пригонит,
последнюю избу снесет.

Смахнет он слезу.

Сквозь веселье
не видно ее никому.
И справит свое новоселье
в просторном и светлом дому.

И все же грустинкой окрашен
день этот в счастливой судьбе:
ведь бурная молодость наша
прошла в деревенской избе;

ведь этой деревней гордился,
свободной от прежних оков;
ведь место, в котором родился,
священно во веки веков.

РЕКИ

Из болотины, из старого леса
выбегает в путь-дорогу Юг-река.
Через пень-корягу рвется
на скаку,
хоть воды-то по колено кулику.

Вся в зеленом, отражает синеву
да полощет в прибрежье мураву.

У Никольска Юг — широкая река,
пораздвинула, как плечи, берега.

Скрыла карши в непроглядной
глубине,
подняла суда и лодки на волне.

Вот и устье затопило вешний луг.
Повстречались тут и Сухона и Юг.

Повстречавшись, полюбовно
обнялись,
вместе с Вычегдой на Север
понеслись.

Повенчались белопенною волной,
прозываться стали

Северной Двиной.
К морю Белому приластилась

Двина:
«Принимай гостей, морская
сторона!

Хорошо бежать в лесу
да средь полей,
только вольная нам волюшка
милей».

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

Игорь ДОЛГОПолов,
заслуженный деятель искусств РСФСР

«Иванов являлся человеком, по своим стремлениям принадлежащим к небольшому числу избранных гениев, которые решительно становятся людьми будущего... Мы потеряли великого художника и одного из лучших людей, какие только украшают собою землю».

Н. Г. Чернышевский

Надо было быть поистине художником с исключительным дарованием и обладающим необыкновенной духовной чистотой, чтобы исторгнуть из сердца самого Чернышевского — сурового, непримиримого ни к каким давлениям извне, крайне честного и прямого человека — слова, послужившие здесь эпиграфом, слова, сказанные деятелем, испытавшим при жизни, пожалуй, все жестокое и страшное, что может быть дано смертному, и все же произнесшему этот панегирик творцу картины, не принесшей художнику суетной сиюминутной славы, но зато оставившей след в веках как подвиг духа и гения. Да, Александр Иванов в истории русской живописи личность огромная, хотя понять неохватное значение этого мастера в формировании русской национальной школы искусства — задача непростая. А ведь роль его была первой и архиважная по величии этической задачи, по несению тягот бремени, ответственности перед родиной и народом. Только теперь, по прошествии многих лет, начинает все объемнее и грандиознее предстать перед нами фигура создателя колоссального полотна, посвятившего ему всю свою творческую судьбу, по существу, отдавшего ему свою жизнь.

Задача сегодня — попытаться понять величие подвига Александра Иванова, постараться распознать те тайные пружины, которые двигали его судьбой, разглядеть и осмыслить далекую эпоху, в которой довелось жить и писать мастеру. Ведь Александр Иванов родился в 1806 году, уже юношей он постиг гениальные строки Пушкина, ему посчастливилось встречаться и дружить с великим Гоголем, он пережил вместе со своими сверстниками трагедию гибели декабристов. Именно Александру Иванову пришлось испытать на себе всю тупую, казенную силу давления николаевского режима, при котором были морально сломлены такие великолепные живописцы, как Федотов, ушли раньше из жизни такие поэты, как Пушкин и Лермонтов.

Биографическая ткань судьбы Александра Иванова внешне скупа. Со времени поступления в петербургскую Академию художеств до самой кончины вся жизнь его отдана служению искусству. В 1830 году он, пенсионер Академии, приезжает в Рим, где прилагает все силы к созданию гигантского полотна «Явление Мессии», над которым трудится с 1837 по 1857 год. В 1858 году художник привозит свой холст на родину в Петербург. Он не застает там в живых ни родных, ни старых друзей. Его картина «Явление» встречена прохладно. В июле 1858 года живописец скоропостижно скончался. Вот пунктирно весь его путь. Труд, самоотверженный труд во имя прославления отчизны отмечает его подвигничество, одиночество.

Середина и конец тридцатых годов XIX века, когда Александр Иванов начинал компоновать свое «Явление Мессии», были сложным временем в художественной жизни России. В 1836 году умирает Орест Кипренский, а вместе с ним как бы уходит с арены сам романтизм. Правда, еще здравствует великий романтик Карл Брюллов, но он не способен сотворить ничего выше своей прославленной «Помпеи» и ограничивается писанием превосходных портретов. В 1836 году Александр Иванов в Риме получает звание русского академика живописи за холст, исполненный в высоком классическом стиле. В ту же пору были уже написаны лучшие полотна Алексея Венецианова. Но его маленькие шедевры на сельские темы не делали «погоду» на петербургском академическом Олимпе, где царила пошлость и косность.

Александр Иванов решительно порвал тиски рутины. Используя добрые стороны академической школы, он быстро достиг самых совершенных высот классицизма. Об этом говорят его рисунки, эскизы, этюды, картины тридцатых годов. Затем в душе художника происходит мучительная переоценка достигнутого. Прочтите:

«Рим, октябрь 1836. ...Кто бы мог думать, чтобы моя картина «Иисус с Магдалиной» производила такой гром? Сколько я ее знаю, она есть начаток понятия о чем-то порядочном... Как жаль, что меня сделали академиком, мое намерение было никогда никакого не иметь чина, но что делать, отказаться от достоинства — значит обидеть удостоивших...»

Это — канун начала работы над картиной «Явление Мессии». Мастер в те месяцы как бы пересматривает все им ранее созданное. Живописца одинаково не устраивали ни консервативные, затхлые каноны академических мастеров, ни полные акцентированного пафоса, несколько театрализованные картины романтиков. Он пережил свое юное восхищение «Последним днем Помпеи», его душа жаждала иного. Он отлично понимал сложности своего времени. «Рожден в стесненной монархии, — писал о себе Иванов, — не раз видел терзаемыми своих собратий, видел надутость бояр и вертопрашество людей, занимавших важные места». Евангельский сюжет в

грандиозной композиции «Явление Мессии» был лишь предлогом показать зрителю процесс раскрепощения души, вечного стремления человека к свободе, свету, правде. Но воплощение столь сложной, психологической, композиционно трудной картины требовало иного, более совершенного пластического языка. И Александр Иванов прощается со своим блестящим классицизмом и, как бы минуя опыты романтиков, начинает работать на натуре. Более шестисот этюдов — пленэрных пейзажей, портретов — пишет художник. В них он раскрывает себя как живописец-новатор. Язык этих маленьких шедевров — реализм в самом высоком, современном значении слова. Так в истории русского и, не побоюсь сказать, мирового искусства был совершен рывок от рутинного академизма к реалистическому видению мира. Это была новация. Подобный процесс во французском искусстве растянулся на столетие: Давид, Жерико, Делакруа, Энгр, Манэ, Курбе. И наоборот, внимательно изучив чудесный этюд Иванова «На берегу Неаполитанского залива», понимаешь, что он, по существу, реализует на полвека раньше мечты Поля Сезанна по работе над моделью на пленэре...

Но обратимся вновь к Александру Иванову и еще раз прочтем его размышления: «Высоким вообще называют все, возвышающее нас превыше того, что мы были, и в то же время заставляющее нас чувствовать сие возвышенное». Это станет понятным, когда мы вспомним об общении Иванова с Гоголем и Тургеневым, Герценом и Огаревым, Сеченовым и Чернышевским. Может быть, от них, а может быть, сам (художник много читал, изучал философию) узнал он слова Гегеля: «Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, — прогресс, который мы должны познать в его необходимости». Взгляните на фигуру поднимающегося раба, введенную позже в уже переименованную автором картину — «Явление Христа народу» (заметьте, прибавлено слово «народ»), и бросьте взгляд на встревоженных римских всадников, представляющих великую империю, и вы поймете «второй план» картины как призыв к освобождению от духовных уз, к разоблачению всякого вида тирании и деспотизма. Так при ближайшем рассмотрении осмысливается евангельская тема, взятая академиком Петербургской императорской Академии — Александром Ивановым...

Феномен творческого подвига Александра Иванова заключается в том, что, будучи уже сложившимся великолепным мастером, имея за плечами опыт создания нескольких станковых картин, он с невероятной энергией и упорством, будто бы забыв об открывшейся дороге к славе и удаче, начинает новый страдальный путь.

Надо поражаться характеру и воле живописца, открывшего новую красоту в живой натуре и сумевшего сочетать это со строжайшим классическим композиционным строем и великолепным, поистине рафаэлевским рисунком. Александр Иванов впервые в мире внес натурные пейзажи в картину, поэтому колорит «Явления» необычайно светоненосен, лучезарен: валер, столь сложный для огромного холста, пронизывает тем не менее все пространство.

Новаторам в живописи, как правило, всегда приходилось туго. Драма судьбы Александра Иванова была страшна. Его, гениального художника, почитали странным человеком, почти свихнувшимся чудаком. Ну как было понять ординарным чиновникам из Академии, что их коллега, академик, может возиться годами со злополучным холстом, требуя, прося, моля бесконечно отсрочек, оттяжек сдачи работы. Ведь все же знали, что он умел писать и «как нужно»...

Но сам Александр Иванов свято и непреклонно следовал заданной мечте. Он дерзал. Пусть была давно заново и протерта до дыр крылатка. Пусть он ест черный сухой хлеб и пьет воду... Пусть. Но зато живописец знает, что пишет свои холсты кистью, на острие которой горит солнечный свет.

Он искал правду. Ему был глубоко чужд банальный псевдоклассический, заимствованный на Западе ходульный и пошлый, почти салонный стиль исполнения картин, претило отсутствие патриотизма у петербургских ценителей искусства.

«Быть русским — счастье», — гордо заявляет Александр Иванов. И в ответ на хулу любителей Запада он с достоинством писал о будущем русской живописи: «В нашем холодном к изящному веке я нигде не встречаю столь много души и ума в художественных произведениях, — не говоря о немцах, но сами итальянцы не могут сравняться с нами ни в рисовании, ни в сочинении, ни даже в красках. Они отцвели, находясь между превосходными творениями своих предшественников. Мы предшественников не имеем. Мы только что сами начали — и с успехом... Мне кажется, нам суждено ступить еще далее».

Войдите в огромный седьмой зал Третьяковки и окуните взором бесчисленный ряд холстов Иванова. Все в этом художнике необыкновенно. Таинственна мощь его огромной картины. Но и не менее чарующи маленькие полотна, изображающие то зеленую ветку оливы на фоне безоблачного синего неба, то сизый туман над безмерными просторами понтийских болот, то выгоревшую от палящих лучей солнца равнину и Аппиеву дорогу, окруженную древними руинами. Великая тишина царит в работах Александра Иванова. Никакого намека на жестикуюляцию, позерство, эффектность.

А. Иванов. ЖЕНИХ, ВЫБИРАЮЩИЙ СЕРЬГИ ДЛЯ НЕВЕСТЫ. 1838.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Иванов. ГОЛОВА РАБА. Деталь картины «Явление Христа народу».

На развороте вкладки:
А. Иванов. ЯВЛЕНИЕ ХРИСТА НАРОДУ. 1837—1857.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Иванов. ГОЛОВА МАРИИ МАГДАЛИНЫ. Этюд. Около 1835.

А. Иванов. ДЕРЕВО У ОЗЕРА НЕМИ. Этюд к картине «Явление Христа народу». 1830—1850-е гг.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Иванов. ДЕВОЧКА-АЛЪБАНКА. Около 1840.

Государственная Третьяковская галерея.

Обернитесь. И перед вами в том же седьмом зале предстанет мир Карла Брюллова — великолепного художника, прекрасно избравшего внешность человека, не всегда заглядывавшего в его душу. Роскошные бархатные драпировки, дорогие ковры, сверкающие жемчужины, украшающие волооких красавиц, — все, все его герои глядят на вас то томно, то строго, то гипнотически загадочно. Журчит струя родника у ног очаровательной Вирсавии, шуршат шелка и атласы придворных дам, блестит бронза, мрамор. Вороной конь несет юную всадницу, и мы слышим цокот копыт. Но обернитесь вновь.

И опять объемлет тишина. И десятки людей в этюдах Александра Иванова словно не замечают вас: художник обращается к их внутренней жизни. Как ни изумителен Карл Брюллов, — Александр Иванов открыл новую страницу в истории русской и мировой живописи.

Написав эти строки, я задумался. И не зря.

С легкой руки некоторых западных искусствоведов родился миф о «провинциальности» русского искусства. И как ни странно и ни нелепо, но нашлись и у нас соотечественники, которые эту убогую версию охотно поддерживали. Так возникла легенда об отставании русской живописи от европейской, хотя уже в первой половине того же XIX века изумительные портреты Ореста Кипренского и «Последний день Помпеи» Карла Брюллова «пробили окно» в Европу. Казалось, каждому уже стало ясно, что русская школа живописи сильна и здравствует. Прожив немало лет в Риме, Александр Андреевич Иванов с иронией замечал, что для того, чтобы картина, написанная русским мастером, понравилась в Италии, надо писать втрое лучше местных художников — лишь это принудит иностранцев уравнивать ее с произведениями своих живописцев.

Рим. Январь 1831 года. Резкий, пронизывающий ветер гудит в руинах древнего Колизея. В зияющие черные провалы аркад светит луна. В трепетном свете ее лучей дико громоздятся странно мерцающие седые глыбы грубого камня-травертина. Среди развалин амфитеатра на склоне мрамора — фигура юноши. Он рисует. Порыв ледящего ветра распахнул плащ, вырвал из рук альбом. Молодой человек торопливо нагнулся, поднял папку. На белом листе ватмана блеснул набросок старой арены, мощных останков грандиозного Колизея. Рядом с эскизом можно было прочесть надпись — «Гибель моего семейства». Луна озарила заплаканное лицо художника, казавшееся почти призрачным в эту немую зимнюю ночь... Так встретил свой Новый год Александр Иванов, приехавший накануне в столицу Италии. Пенсионер санкт-петербургской Академии художеств, полный самых светлых надежд, он внезапно получил известие от отца, Андрея Ивановича Иванова, что его, профессора той же Академии художеств, верою и правдою прослужившего треть века, неожиданно уволили на пенсию. Это означало, что семью постигла беда. Несправедливость обиды, нанесенной не только родителю, но и ему, только укрепила в нем желание еще больше трудиться во имя святого искусства.

Гулко звучали шаги Александра Иванова по залитым лунным сиянием улицам и площадям великого города. И вмиг молодой живописец вдруг вспомнил юность и любимое пристанище — галерею античных слепков в Академии. Запыленные, запущенные стояли статуи, гордо взирая на смельчака, дерзнувшего нарушить их покой. Порою сюда приходили прилежные ученики, чтобы скопировать голову Аполлона, иные пытались срисовать скульптурную группу Лаокоона, памятуя, что ее многократно писал «сам Карл Брюллов». Но юный Александр старался быть здесь один. Тогда, в рано наступавших северных сумерках, он ощущал тончайшую и простую гармонию пластики античных скульптур. Камни Эллады говорили. Прелесть ее мифов, красота ваяния мастеров Древней Греции были незаменимой школой для него, начинающего художника. Здесь, в тиши пустых залов, он забывал о духе казармы, казенщине, затянувшей, как паутиной, мастерские Академии. Свободный ветер с берегов Эгейского моря будто гулял по старой галерее. Александр вспомнил, как мечтал, размышляя о живописи, и в его голове складывались «ясность идеи и отчетливость во всех частях представленного действия». Он, изучая творения античности, постиг, что «понимать» и «делать» суть вещи несхожие. Надо владеть мастерством, добиться того, чтобы рука подчинялась разуму. Наконец годы упорного учения миновали. Его усердие, упорство, недюжинный талант победили все препоны. Но вдруг в зачетной картине, написанной на утвержденный советом Академии «обычный» библейский сюжет, недруги нашли чуть ли не крамольные намеки. Александру грозила строгая кара вплоть до острога, ибо ведь время в ту пору было нелегкое: в воздухе еще витали призраки казненных декабристов. Однако, к счастью для молодого живописца, донос на его картину не получил развития: видно, слишком чудовищна и бесплодна была клевета. Иванову пришлось выслушать лишь громовой разнос от самого президента Академии и... сей случай был предан забвению. Всеми. Кроме автора полотна «Иосиф, толкующий сны». Никогда Александр не забыл того несправедливого унижения, которое претерпел...

Молодой художник устало брел домой по пустынному ночному Риму в студию, нанятую им по совету друзей. Придя, он зажег свечу, постелил немудреное ложе. И долго, долго всматривался в окно на залитый голубым сиянием сказочный город. Что ждало его? Начались будни...

В 1835 году, на пороге тридцатилетия, он кончает великолепную картину, за которую вскоре ему присуждают звание члена императорской Академии художеств. Казалось, путь к громкой славе широко открыт. Но не таков был тихий и задумчивый Александр Иванов. Он не поддавался легкому угождению фортуны. Его занимали и тревожили пути искусства высокого. Художник со всей молодой силой отдается страсти прославить отчизну произведением, достойным ее великого народа, и он самоотверженно вынашивает тему грандиозной картины. Пришла пора свершения.

...Тихая улица папы Сикста. В окно студии Александра Иванова стучится ветка оливы. Утро. Художнику приносят чашку кофе и пару хлебцев. Таков завтрак аскета. «Потом пишу, — вспоминает Иванов, — на расстоянии смотрю в лестное зеркало свою картину, думаю, барабаню

сломанным муштабелем то по столу, то по своей ноге, опять пишу, что продолжается до самого полдня».

Вы читаете эти откровенные, незамысловатые строки и слышите благородный, непрестанный ритм труда мастера. В немудреной схожести будней таилась отрешенность и самодисциплина, дающая огромный запас духовной энергии, не растроченной на пустые развлечения. Весь день был безраздельно отдан труду. Иногда, вечером лишь, кафе «Эль Греко». Шум. Споры. Может быть, больше громкие, чем содержательные. Но таковы нравы римской богемы и ее русской колонии. Правда, самым молчаливым посетителем «Эль Греко» был Иванов. Он казался странным своим веселым и беззаботным друзьям. Им было невдомек, что их малоподвижный и застенчивый товарищ задумал шедевр, далеко превосходящий знаменитые полотна «Последний день Помпеи» или «Медный змий». Откуда им было знать, что он в душе таит полное понимание ничтожности академического рутинерства и чиновного услужничества двору. Иванов пишет: «Академия художеств есть вещь прошедшего столетия... Купеческие расчеты никогда не подвинут вперед художества, а в шитом, высоко стоящем воротнике тоже нельзя ничего сделать, кроме стоять вытанувшись...»

Характер Александра Андреевича был далек от страстного витийства. Весь пафос своих раздумий он изливал в письмах к близким. И ныне, читая его рассуждения, поражаешься чистоте и глубине мыслей, патриотизму и огромной художественной ответственности перед родиной, которую Иванов постоянно чувствовал: «...Мы несем всю тягость труда, чтобы в соревновании с просвещеннейшими нациями выиграть первенство... посреди чувственных собственных искушений, посреди пренебрежений от великих мира, у которых художник и крепостной их человек — почти одно и то же. Образование их, основанное грошowymi европейскими учителями, делает их поклонниками даже и посредственности европейской. Нам... нужно их перевоспитывать в том разуме, что от них, как от лиц правительственных, могут зависеть и лучшие успехи отечества; это — работа, которой не знают совсем ни немцы, ни англичане, ни французы...»

Общение с передовыми людьми своего времени помогло Александру Иванову создать произведение, которое самим художественным качеством, глубочайшей духовностью призывает людей понять необходимость свободы, раскованности, чистоты и доброты. Ныне евангельский сюжет картины бесконечно далек и даже, может быть, непонятен многим. Впрочем, Александр Иванов никак не живописец-иллюстратор религиозных тем. Прочтите, как понимал картину «Явление Христа народу» Репин: «По своей идее близка она сердцу каждого русского. Тут изображен угнетенный народ, жаждущий слова свободы, идущий дружной толпой за горячим проповедником». Далее он называет это грандиозное полотно «самой гениальной и самой народной русской картиной».

Кстати, к концу жизни, уже окончив «Явление», Александр Иванов жаловался, «что потерял веру... Это было связано со страшным одиночеством и непониманием его со стороны окружающих. Живописец, создавая свой холст, ежедневно терпел лишения, порою бедствовал. Чего стоят эти строки: «В настоящую минуту я беднее нищего, потому что нищий имеет право просить милостыню у всякого. Но просить милостыню Иванову... странно и думать». Трудно поверить, но эти слова начертаны рукою мастера, способного обрести огромные капиталы. Но Иванов терпел. И писал, писал, писал свою большую картину. Иордан сообщал мастеру из Петербурга: «На вас кричат не в пару, а в четверку: зачем не оканчиваете картину!» — и строго наставлял: «Имейте бодрость сказать: кончена». Даже добрейший друг художника Василий Андреевич Жуковский как-то в сердцах обронил такую фразу: «Куда же он пишет такую большую картину?»

А Александр Иванов работал.

Санкт-Петербург. Июнь 1858 года. Белая ночь. Сырой морской ветер гонит лиловые обрывки туч по мерцающему пепельно-розовому небу. Свинцовые волны Невы теребит зыбь. Моросит. На блестящих каменных спинах сфинксов, сторожащих вход в Академию художеств, — мокрые блики зари. Чуть золотится тяжелый купол Исаакия. У парапета — мужчина в длинном сюртуке со старомодной окладистой бородой. Ветер срывает шляпу, гонит в лицо холодные брызги дождя... Александр Андреевич Иванов только сегодня приехал на родину и, сбегав от друзей, поспешил погладить на Академию, Неву, любимый город. Два могучих атланта, поднатужась, подпирали вход в святилище искусства. На фасаде Академии читалась надпись: «Свободным художествам». Художник глядел на бегущие воды реки и вдруг подумал, как быстро пролетело время. Двадцать восемь лет в Италии. Сколько невзгод, радостей, обид, тягот перенес он. Александр Андреевич вспомнил надпись в альбоме, которую сделал еще молодым: «Предприимчивый человек должен прежде всего осудить себя на страданье, а потом уже вкусить успех...» Иванов усмехнулся, перед его глазами предстала приписка, которую он сделал позже: «Не должно, однако ж, желать, чтобы они простирались до конечного угнетения».

С утра началась столичная суeta. Привыкший к уединению живописец был смятен блеском сановных мундиров, в его глазах сверкали роскошные паркеты приемных. Его хотели видеть все. Престарелые фрейлины и светлейшие князья. Гофмаршалы и высокие титулованные особы. Он терялся от пестроты и пошлости этих неумных встреч. Бывали, конечно, и радости. Званные обеды с коллегами. Звонкие тосты, горячие поцелуи. Но и это оставляло осадок усталости и горечи. Дело с приобретением картины «Явления» не двигалось. Бюрократическая столичная машина работала неспешно.

Иванов превратился в ходатая, чуть ли не в комиссионера, что бесконечно унижало нежную и ранимую душу великого художника. Этого ли он ждал... Его окружала пестрая публика, разглагольствующая столь нештучное, нелюдимое существо. Министр двора граф Гурьев был поражен, что Иванов русский. Так он был несовременен со своей крестьянской бородой на фоне лощеных военных, сановных вельмож, действительных статских и тайных советников и той светской черни, которая всегда гнездится рядом с властью имущими.

Александра Иванова милостиво принял император. Александр II пожал руку художнику и даже соизволил расспросить его о картине. Но Иванов был наблюдателен. Придворные, окружавшие их, не стесняясь присутствием монарха и его гостя, перемигивались, пересмеивались и переговаривались шепотом между собою. Художник немедленно понял, что он составляет на этой ярмарке тщеславия всего лишь занятую игрушку на миг, не более... Мастер был смертельно обижен. Его картину после этого приема могли ругать досужие газетчики, чинить ему препятствия очередные столоначальники. Он действовал уже чисто механически. Здоровье его было расшатано. Он чувствовал себя с каждым днем все хуже и хуже...

Одна лишь встреча как-то выпадала из страшного калейдоскопа

этого скорбного месяца. Александр Иванов встретился с Николаем Чернышевским. Состоялся доверительный разговор, после которого скупой на похвалы Чернышевский отозвался об Иванове как о человеке необыкновенном, человеке будущего. Художник сумел рассказать Николаю Гавриловичу о своих новых взглядах на роль живописи и потряс его глубиной прозрений. Мы можем только догадываться об этой беседе, прочтя строки одного из писем Иванова к брату, датированного 1855 годом. «Да ведь цель-то жизни и искусства теперь другого уже требует! — писал он. — Хорошо, если можно соединить и то и другое. Да ведь это в сию минуту нельзя!» Себя Александр Андреевич с горечью называет «переходным художником», но в верности избранного им пути не сомневается ни на йоту.

...Ах, как опротивели эти приемы и пустопорожня болтовня. Ведь главное дело его жизни не решено. Хлопоты, унижения, просьбы. Картина не оценена, нет и намека на ее приобретение. Друзья советуют — надо действовать. Значит, снова гнуть спину.

Всходя на шаткий трап маленького пароходика, художник дал себе слово, что едет в Петергоф в последний раз. И снова улыбочное, розовое, источающее благолепие лицо чиновника. Вновь отказ. Его, Александра Андреевича Иванова, не могут принять. Оскал елейной усмешки.

Живописец брел по дворцовому парку. Оттуда-то издали доносились звуки оркестра и лепет серебряных струй фонтанов. Мерцало золото, в синих игольчатых бликах, античные боги бесстрастно глядели на пожилого господина. Высоко в выгоревшем от зноя небе плыли пухлые облака. Впереди Иванова по желтой, усыпанной гравием дорожке бежала его серая сгорбленная тень.

Внезапно кольнуло в сердце. Художник тяжело опустился на ажурную зеленую скамью. Гнетущая одышка стиснула грудь. Лицо его побледнело. Высокий изможденный резкими морщинами лоб покрылся холодным потом. Седые пряди волос, набухшие багровые мешки под глубоко ввалившимися глазами — все это говорило об одном: живописец смертельно устал.

Мимо Иванова, как во сне, неспешно двигалась нарядно одетая публика — дамы в широких турнюрах, штатские навалеры с ослепительными талиями, гвардейские офицеры. Их шаги, их шелка, их звонкие шпоры. Вся эта цветная карусель сливалась в пестрый поток веселых, смеющихся, щебечущих, бесконечно чужих, незнакомых людей. Художник на миг закрыл глаза. Теплая радуга солнечного дня проникла через сомкнутые веки. Поплыли тревожные оранжевые, алые круги... Александр Иванов открыл глаза и чуть не вскрикнул.

Перед ним стояла очаровательная девушка. Да, это была она. Белое легкое платье охватывало ее нежный стан. Иссиня-черные косы венчали гордую головку. Огромные грустные нарисованные глаза. Милая, чуть печальная улыбка озаряла смуглое прелестное лицо.

— Вам нездоровится, сеньор Алессандро? — заботливо прошептала девушка.

Иванов молчал. Он не верил своим глазам. Девушка-альбанка, немного повзрослевшая, участливо глядела на него. Как могла очутиться здесь, в России, Витториа Кальдони?

Художник измощенно смежил веки. А когда разомкнул их — видение исчезло. И мастер вспомнил все. И старого друга Григория Лапченко, с которым они вместе ездили в Альбано, и как они, счастливые от переполнявшей их радости бытия, беспечности и влюбленности, пили вдвоем эту итальянскую девушку, покорившую своей красотой даже Николая Васильевича Гоголя.

Гоголь. Как он нужен сейчас, немедленно. Как он далек. Невозвратно... Александр Андреевич вдруг ощутил на губах теплую соленую влагу.

Оркестр вдали все так же наигрывал вальсы, и шумели фонтаны, и шуршали шаги, но Иванов не слышал ничего...

На пароходике, идущем в Петербург, ему стало совсем худо. И когда уже вечером, у Боткиных, спешно вызвали врача, он лишь развел руками. Отозвав хозяйку, прошептал — «холера».

Через три дня, 3 июля 1858 года, Александра Иванова не стало.

Еще раз посетим зал Иванова в Третьяковке. Прислушаемся к удивительной тишине и миру, царящему в его полотнах. В наше время жестоких идейных противоречий с Западом, в дни, когда мы зрим, как порою гибнет сама природа планеты, когда круговерть иногда заставляет забыть о гармонии прекрасного, когда темные силы пытаются омрачить климат сосуществования человечества, именно сегодня необходимо иногда на миг остановиться, задуматься, глубже ощутить радость, которой пронизаны гениальные этюды Александра Иванова, зовущие людей к миру, свету, добру. Иногда за всеми его холстами будто видишь задумчивое, озаренное внутренним светом лицо художника, глядящего из далекого далека в грядущее.

Единственный предполагаемый холст, где он будто бы изобразил себя, носит название «Путешественник» и является этюдом к картине, не вошедшим в композицию. Высоко, вдаль устремлен взор усталого путника. Скромно одетый, в грубой войлочной широкополой старой шляпе, издавшей непогоду, стоит перед нами, истомленный долгой дорогой, крепко держась за посох жилистой рукой, давно не стриженный, заросший, бородатый человек. Лик его благороден. Нищенское облачение не может скрыть возвышенного строя его души. Стоит взглянуть в тонкий профиль, чтобы понять — перед нами мудрец, подвижник. Странник, не отводя глаз, пристально вглядывается в незримую нам цель. Брови его вздыты, хрящеватый заостренный нос, впалые глазницы, острые скулы рисуют нам образ аскета, истово следующего к заветной, задуманной цели. Вот он остановился в полутени оливы. Сложная игра холодных рефлексов и отраженного света солнца тончайше передана кистью. И эта приглушенность красок еще ярче заставляет звучать одухотворенный образ путешественника, его скрытое волнение.

Этюд написан, казалось бы, необычайно просто. Но эта манера восходит к фрескам великих мастеров итальянского Ренессанса. Та же строгость линий, идеальный рисунок, обобщенность формы, микеланджеловская конструктивность. Прибавив ко всему этому чудесное видение живописца-реалиста XIX века, вы отличите единственный гениальный почерк новатора — Александра Иванова, сумевшего соединить рафаэлевский рисунок с динамичным современным ощущением цвета, раскрытием сложного психологического образа портрета-этюда. Человек, изображенный на этом полотне, бесконечно добр, сердечен, но тверд. Тверд до конца. Прочтите строки: «Каково бы ни было достоинство моей кисти, я все-таки не могу согласиться, чтобы она служила такому делу, истины которого я не признаю». Таково было художническое, моральное кредо Александра Иванова. Таким, полным идеальных побуждений, прошел он свой нелегкий путь в искусстве.

Александр Иванов прекрасно ощущает необходимость этического,

духовного воспитания широкого зрителя. Это к народу обращены все его помыслы. Он грезил: «Соединить рафаэлевскую технику с идеями новой цивилизации — вот задача искусства в настоящее время». Живописец отлично понимал, что высокое духовное содержание требует воплощения в прекрасной художественной форме, иначе значительные идеи не могут быть выражены в искусстве. Иванова волновали вопросы современности, только сложности эпохи не давали возможности мастеру более открыто, не в завуалированной форме высказать убеждения в картинах. Но в письмах он не оставляет сомнения в своих приверженностях и убеждениях. Эти строки многого разъясняют о движениях души Александра Иванова зрелого периода: «Искусство, развитию которого я буду служить, будет вредно для предрассудков и преданий, — это заметят и скажут, что оно стремится преобразовывать жизнь... Оно действительно так...» И далее:

«Если бы, например, мне даже не удалось пробить или намекнуть на высокий и новый путь, стремление к нему все-таки показало, что он существует впереди, и это уже много и даже все, что может дать в настоящую минуту живописец».

Сколько немой боли скрыто в словах: «в настоящую минуту...» Невольно вспоминаются страшные гоголевские слова о том, что сейчас в России «ночь и тьма вокруг». Недаром Иван Крамской с таким обостренным чувством изучал подробно письма Александра Иванова. Он видел в них подлинное отражение истории своей родины, своего искусства. Столь знакомые ему страницы борьбы с рутиной императорской Академии художеств, кумиром которой был триумф-штамп, высочайше утвержденный ряд безликих полотен на мифологические или библейские темы. На современные сюжеты Академией был наложен строжайший запрет. Поэтому Крамской так сильно переживал страдания гениального собрата по искусству: «Это одна из самых сильных трагедий, какие только мне удавалось прочитывать. Там есть вещи высокие!»... Страшно звучат спокойные строки письма Иванова к брату, написанные за пять месяцев до смерти.

«...Ты рассуждал о моем положении по-твоему. Благодарю за собственный план, совсем другой. Картина (т. е. «Явление»). — И. Д.) не есть последняя станция, за которую надобно драться. Я за нее стоял крепко в свое время и выдерживал все бури, работал посреди их и сделал все, чего требовала школа. Но школа — только основание нашему делу живописному, язык, которым мы выражаемся. Нужно теперь учинить другую станцию нашего искусства — его могущество приспособить к требованиям и времени и настоящего положения России».

«Не есть последняя станция...» Эти строки написаны кровью. Сколько пережил художник, прежде чем прийти к такому выводу. Но Иванов чувствует в себе духовные силы и мужественно говорит о том, что «нужно теперь учинить другую станцию». За этими почти загадочными словами стоят бессонные ночи, долгие беседы с нашими выдающимися деятелями культуры, литературы, науки, публицистики, многие тома прочитанных книг. Вывод один — надо использовать могущество искусства и приспособить его к требованиям времени, или, как написал об Иванове Александр Бенуа: «Пойти тем достойным народной души путем...» Мастер еще не знает ничего о своей судьбе, он полон надежд, предчувствий. Правда, здоровье его подорвано, нервы натянуты до предела, будущее его большой картины неизвестно. Но он силен духом, как никогда. Он готов начать новую огромную работу. Вспоминаются его чудесные слова: «Мне бы всего более хотелось приблизиться к Леонардо да Винчи. Вы знаете, как он труден и медлителен... Знаю, что многие скажут: да зачем начинать огромные картины, куда их девать? Эти вопросы со временем уничтожатся. Россия еще только процветает, художники почти еще ничего не произвели. Если я и сверстники мои не будем счастливы, то следующее за нами поколение приобретет себе непременно столбовую дорожку к славе русской...» Он пишет Жуковскому в 1842 году: «...Не думайте, чтобы я сколько-нибудь раскисался, что начал... огромный труд мой. Напротив, я этим только и буду утешаться всю остальную жизнь...»

Александр Иванов, к счастью, окончил огромный труд над «Явлением», и мы с гордостью сегодня отмечаем столетием юбилей гениального русского живописца.

Ничто так не поражает в истории большого искусства, как таинственная непреходящая связь времен. Так веками переходит из рук в руки, от поколения к поколению художников невидимая эстафета прекрасного, дающая людям все новые и новые шедевры. Видится, как по лестнице Румянцевского музея (где тогда экспонировалась картина) неспешно поднимается коренастый бородатый мужчина с крутыми скулами, упрямым лбом и поразительно ясными, живыми глазами. Это Василий Иванович Суриков. По рассказам музейных старожилов, ежедневно приходил он изучать и композицию и колорит «Явления». Великий сибиряк проверял себя. Художник писал в это время «Боярыню Морозову», в которой поистине заложено ивановское начало — эпический размах, сложность психологического построения.

Влияние Александра Иванова на русскую живописную культуру неосценимо. По существу, наше искусство станковой живописи вместе с именем Александра Андреевича Иванова показало всему миру широту и философскую глубину, высокую художественность и духовность русской национальной школы. Возвышенные идеалы, прекрасная форма, ощущение великого будущего нашего искусства вдохнули новые силы в следующие поколения мастеров. Следуя заветам Александра Иванова, мечтавшего об истинном ренессансе родной культуры, русские живописцы уже в XIX веке дали мировой цивилизации таких художников, как Василий Суриков, Николай Ге, Михаил Врубель, Валентин Серов и другие.

В наш сложный век, когда живопись Запада деградирует, утратив великие этические принципы мировой культуры, и пропагандирует в своих формалистических творениях дисгармонию, уродство, зло, в эти дни особенно звучен голос благородного, чистого, доброго творчества Александра Иванова. Многонациональное искусство нашей Родины свято бережет, сохраняет и развивает замечательные традиции культуры и несет людям земли красоту, правду, мир.

Планетарность гениального творчества русского художника, его суровое подвижничество живописца-первооткрывателя, прекрасные заветы, оставленные им, подвиг самоотречения, который он совершил во имя служения родине, будут жить в веках.

У Р А Г А Н

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

«ТЕВТОНСКИЙ МЕЧ» — «ОН ВЫКОВАН ИЗ СТАЛИ РУРА»

Батальон под командованием майора Млынско-го, прорвавшись в тыл фашистских войск, обходя населенные пункты и железнодорожные станции, полями и лесными массивами двигался строго на запад, пытаясь как можно быстрее и дальше оторваться от линии фронта. Впереди и на флангах его шли боевые охранения. Во главе колонны двигалась разведрота под командованием Бондаренко. За ней рота ПТР, минометчики, пулеметная и медсанрота. Следом, метров через двести, шурша полозьями по снегу, двигался небольшой обоз. Неказистые лошади тащили груженные доверху и укрытые брезентом розвальни с боеприпасами, станковыми пулеметами, продовольствием и палатками. Замыкала растянувшуюся колонну рота автоматчиков. Командовал этой ротой молодой весельчак и аккордеонист родом из Молдавии по фамилии Гонца. За год до войны он окончил музыкальное училище и таскал аккордеон за собой — куда бы его ни забрасывала жизнь. В свободное время играл зажигательные и пронзительно-грустные молдавские мелодии. В отряде говорили, что роте Гонцы музыка помогает — она числилась первой по стрельбе. Гонца гордился этим. И когда стал вопрос об уходе в тыл врага, лейтенант решил взять инструмент с собой — может, и правда верил, что он приносит удачу. Решение Гонцы не вызвало восторга в других ротах. «Ты своей игрой только будешь демаскировать нашу дислокацию», — говорили лейтенанту. Выручил комиссар.

— А что? Недаром поется: «После боя сердце просит музыки вдвойне», — поддержал Гонцу Алиев. И аккордеон вместе с хозяином отправился в тыл врага. Теперь автоматчики роты бережно несли его в футляре по очереди. Несмотря на старания Млынско-го ускорить ход, батальон двигался медленно. Тормозил обоз. Перегруженные лошади проваливались в глубокий снег, упирались в нагнанные ветром снежные перемены. Тогда на помощь приходили люди. Они быстро лопатами разгребали сугробы, дружно поднимали сани и выталкивали их из кюветов. И лошади, почувствовав облегчение, вновь устремлялись в путь. Доносившийся до батальона грохот боя за узловую железнодорожную станцию постепенно затихал — батальон углубился в лес. Двигались по узкой просеке с вековыми ко- рабельными соснами по обе стороны. За ними пробивался молодой сосняк, поднимая к солнцу свои зеленые курчавые головы, спеша догнать в росте родителей. Лес от просеки просматривался по обе стороны на значительную глубину. На снегу виднелось множество разных следов и еще какие-то непонятные глубокие вмятины. Заметив их, Бондаренко и

сержант Михайлов на лыжах съехали с просеки, чтобы внимательно рассмотреть, чьи же это следы.

— Это кабан, чуть повыше — заяц, а это пуганый, зигзагообразный след лисы. А вот что это такое, никак не пойму? — спросил Бондаренко у сержанта. — Может, ты разберешь, ты же у нас сибиряк.

— Сибиряк-то я сибиряк, да городской, следы, правда, читать умею. Меня еще в детстве учил мой дед Кузьма Тимофеевич, охотник. Он на медведя ходил, даже живого из тайги привозил. — Михайлов съехал метров десять вниз, остановился, стал вглядываться в следы.

— Товарищ старший лейтенант, вы правильно опознали следы кабана и зайца, а что касается лисы, то вы ошиблись, они принадлежат волку, и притом голодному, который специально петлял и, укрываясь за деревьями и кустарником, выслеживал добычу. Вот он лежал за этим кустом, а как увидел зайца, так бросился к нему, видите: клочок шерсти оставил на кусте. — Михайлов снял с ветки большой кусок серой, как у овчарки, шерсти. — Вот, полюбуйтесь!

Бондаренко подъехал к нему, посмотрел на клочок.

— Твоя правда, сержант! — Михайлов тем временем проехал вниз еще метров сто, развернулся, быстро поднялся к командиру, взволнованно доложил:

— Товарищ старший лейтенант! Эти следы принадлежат человеку, внизу они четко просматриваются. Человек обут в сапоги, по всей вероятности, 43-го размера и тащит на себе какой-то груз, поэтому местами глубоко проваливается в снег.

— Ты уверен? — с сомнением посмотрел на него Бондаренко, и они вместе съехали вниз. Действительно, внизу на снегу отчетливо были видны следы человека. Отходили они от поляны вправо и вели в густой молодой ельник.

— Сколько же дней этому следу?

Михайлов нагнулся, проработал след:

— По-моему, не больше суток, а может, и того меньше, он почти свежий.

— Поехали! — скомандовал старший лейтенант, и они помчались к батальону.

— Товарищ майор! — доложил Бондаренко Млынскому. — В лесу обнаружен свежий след человека, который ведет в ельник.

— Возьмите взвод автоматчиков и быстро осмотрите ельник.

— Есть осмотреть!

Не прошло и двадцати минут, как в ельнике раздалась автоматная очередь, следом Млын-ский услышал голос Бондаренко: «Хенде хох! Бросай оружие!»

Еще минут через пятнадцать перед Млынским предстал немецкий ефрейтор без ремня на шинели. Слева и справа от него стояли и улыбались довольные Бондаренко и Михайлов. Один из них держал в руках немецкий парабеллум, другой — связку гранат.

Бондаренко протянул Млынскому личные документы немца и небольшой пакет, опечатанный пятью коричневыми сургучными печатями. К Млынскому подошел Алиев.

— Сюрприз, Иван Петрович? А я как раз хотел предложить сделать привал. От линии фронта мы уже отошли километров на пятьдесят, люди сильно устали. Да и лошадям нужно передохнуть. Вот, кстати, и немца допросим.

— Согласен. Передай начальнику штаба — пусть выставит боевое охранение, проведет разведку и уточнит, что происходит вокруг нас в радиусе десяти километров. Обоз и личный состав укрыть под деревьями, людей хо-

рошенечко накормить, а то мороз градусов 25—28, я же пока разберусь с этим немцем.

— Добро. — Комиссар направился к колонне. Млынский сошел с дороги, сел на сломанную сухую сосну и спросил по-немецки:

— Ваша фамилия?

— Альфред Шольц.

— Звание?

— Ефрейтор.

— Год рождения?

— 1916-й. Родом из Лейпцига.

— Как оказались в лесу? Что делали?

— Сегодня ночью обер-лейтенант Шумахер получил приказание командира 18-го моторизованного корпуса генерал-лейтенанта Швейцера доставить срочный пакет в штаб 121-й моторизованной дивизии. В 0 часов 35 минут мы выехали из корпуса на броневике. На дороге оказались большие снежные заносы, которые прикрыли воронки. Боясь потерпеть аварию, обер-лейтенант решил объехать этот участок полем. Но как только мы свернули с дороги, попали на минное поле. Под нашим броневиком сразу взорвалось две мины. Водитель был убит, броневик покорежен и потерял ход. Шумахер принял решение доставить приказ пешком. Мы шли всю ночь, на рассвете увидели вашу колонну. Сначала обрадовались, решив, что это свои, но потом обер-лейтенант разглядел в бинокль, крикнул: «Партизаны!» — мы бросились в лес.

— Почему вы избрали именно этот лес для укрытия?

— Обер-лейтенант говорил мне, что в трех километрах на запад, на берегу реки, в здании бывшего лесного техникума дислоцируется штаб 121-й моторизованной дивизии.

— Вы не боялись, что в лесу вы напоретесь на партизан?

— Шумахер говорил, что, конечно, риск большой, но, учитывая, что дивизия время от времени этот лес прочесывает, маловероятно, чтобы партизаны стали жить с таким соседом.

— Кто из вас стрелял?

— Я.

— В кого?

— В обер-лейтенанта Шумахера.

— Почему?

— Когда мы вошли в лес, обер-лейтенант Шумахер вынул из планшета секретный пакет, передал его мне и сказал, что в случае столкновения с группой партизан или красноармейцев я должен немедленно сжечь пакет. Когда мы увидели ваших солдат, идущих с автоматами прямо на нас, обер-лейтенант скомандовал: «Быстро жги пакет, я открываю огонь». Я замешкался. Тогда Шумахер направил автомат в мою сторону. Я его опередил. И сдался вашим солдатам.

— Куда же девался Шумахер?

— Отдал богу душу. Ефрейтор прострочил его пополам, — ответил Семен Бондаренко.

— Почему вы не выполнили приказ?

— Не знаю. Не успел. — Немец немного подумал и сказал: — А может быть, потому, что мой отец еще задолго до войны был антифашистом, симпатизировал России и неоднократно рассказывал мне о вашей стране. Он плохо отзывался о Гитлере и фашистах. А когда я уезжал на фронт, вывел меня во двор и тихо сказал: «Альфред! Я уже стар, может быть, я тебя больше не увижу, но я завещаю тебе: постарайся не стрелять в своих братьев по классу. При первой возможности сдайся им лучше в плен». Увидев ваших солдат, я понял, что сейчас решится моя судьба.

— Кем вы служили в 18-м корпусе?

— Я выполнял обязанности помощника командира взвода танкового разведбатальона.

— В разведку ходили?

— Два раза.

— О дислокации, вооружении и численности корпуса дадите показания позже. А сейчас расскажите, как охраняется штаб 121-й моторизованной дивизии.

— Не знаю. Ober-лейтенант говорил, что штаб находится от полков дивизии на расстоянии десяти—пятнадцати километров. Охраняют его рота автоматчиков и четыре-пять танков.

— Вы получили пароль для прохода в штаб?

— Пароль получил ober-лейтенант Шумахер. Я узнал его, когда мы вошли в лес. Шумахер сказал мне: «Альфред, в случае моей гибели ты должен добраться в штаб дивизии и вручить пакет. Пароль: «Тевтонский меч». Тебе должны ответить: «Он выкован из стали Рура».

— Что находится в пакете?

— Не знаю.

— Что вы хотите нам сказать особо важное? — Я все расскажу, но не знаю, что для вас главное... В северо-западной части этого массива, у самой дороги, на выходе из леса, расположен резервный армейский склад боеприпасов. А там недалеко штаб дивизии. Шумахер мне показывал и штаб дивизии и склад на карте.

— Где карта?

— Она у меня.—Бондаренко разложил перед Млынским карту. Майор поправил на переносице очки, взглянул на карту, на ней было множество разных пометок. Перевел взгляд на ефрейтора, спросил:

— Карту читать умеете?

— Умею, господин майор! — Склонившись над картой, он показал на синий кружок.— Вот это штаб дивизии. А этот зеленый треугольник—резервный армейский склад боеприпасов.

— Как охраняется склад?

— Этого я не знаю.

— Вы нас не обманываете, ефрейтор?

— Господин майор! Я говорю вам только правду, чистую правду,—волнуясь и запинаясь, ответил ефрейтор.

— Почему именно вас взял с собой Шумахер, а не кого-либо другого?

— Я хороший снайпер, умею стрелять без промаха из танка, бронетранспортера, броневика. К тому же я немного знаю русский язык.

— А язык где изучали?

— Меня готовила военная разведка—«абвер» для заброса на Урал. Но в русском произношении я не смог преодолеть немецкий

акцент, и меня из «абвера» передали в разведбатальон 18-го моторизованного корпуса. Здесь меня часто использовали в качестве переводчика при допросе русских военнопленных и перебежчиков.

— Хорошо. Мы с вами еще встретимся, а пока... Отведите его в роту Бондаренко, накормите и выдайте пачку папирос,—распорядился Млынский.

Оставшись вдвоем с Алиевым, Млынский сказал комиссару:

— Он действительно кое-что знает. Поручи Бондаренко— пусть даст ему карандаш и бумагу, а немец все, что знает, напишет по-немецки, потом переведем. А сейчас позовем начальника штаба, посоветуемся, что будем делать с нашими «новыми соседями».

Алиев отправился за начальником штаба, а к Млынскому подошел Ерофеич.

— Товарищ майор, вы бы подкрепились, день кончается, а у вас во рту маковой росинки не было, все с фрицем занимаетесь. Гляжу я на вас, очень вы доверчивый, а ведь фриц-то обмануть может, я им никому не верю.

— Что ты, Ерофеич? Врать ему невыгодно. Он за свою шкуру трясется. Но и среди немцев есть люди, насильно мобилизованные фашистами.

— Но они же в нас стреляют. Какая разница, убьет меня фашист или нефашист, хрен редьки не слаще. Сейчас у нас с ними должен быть один только счет до самой победы: кровь за кровь, смерть за смерть, и никаких гвоздей. По-моему, нечего с ними миндальничать, тратить на них время. Девять граммов свинца — и basta.

— Это по-твоему. А как вот поступить с этим ефрейтором, если он убил немецкого офицера, сам сдался и выдал нам важные секреты, подскажи мне?

Ерофеич задумался, почесал затылок, подкрутил усы:

— Как исключение, этого ефрейтора можно пока оставить живым, может, действительно он нам будет полезный. Убить никогда не поздно, правда, старинная русская пословица гласит: «Повинную голову меч не сечет». Да только он для нас станет обузой. Охраняй, корми, пой. А может, он специально заслан к нам? Я бы все же не рисковал, у нас же лагерь для военнопленных в тылу противника нет, не можем же мы держать его в батальоне.

— Да-а, задачка, — согласился Млынский.

— Вот разгромим фашизм и этим избавим от коричневой чумы все народы Европы, принесем освобождение от тирании и самому трудовому народу Германии, — вставил подошедший комиссар, присаживаясь возле Млынского.

— Как там будет — посмотрим.

— Все же я остаюсь при своем мнении, — упрямо сказал Ерофеич. — Кокнуть его, и все. Пойду соберу вам покушать.

Подошел начштаба Карпов.

— Колготной день сегодня, даже про обед забыли.

— А красноармейцы обедали? — озабоченно спросил Млынский.

— Накормили всех. И за невозможностью разводить костры даже по сто граммов выдали. Может, и нам пропустить, чтоб не застудиться?

— Нет. Сначала посоветуемся, разберемся в обстановке, примем решение. С затуманенными головами этого делать нельзя. К тому же пока мы не отошли от фронта, могут быть всякие неожиданности, а мы с вами отвечаем за людей. Прибудем на базу, обживемся, тогда и выпьем.

— Убедил, убедил, Иван Петрович, — проговорил комиссар.

Не успели они расположиться, разложить карту, как вернулся Ерофеич с вещмешком и чайником, из горлышка которого тоненькой струйкой дымился пар.

— Ерофеич, я же запретил разводить костры, — сказал Млынский.

— При чем тут костры? Я прихватил из гарнизона свой примус и канистру керосина. Теперь, пока хватит керосина, буду поить вас чаем в любой обстановке. — Ерофеич открыл вещмешок, вынул солдатские алюминиевые кружки, разлил в них кипяток. Потом финкой быстро вскрыл банки с тушенкой, поставил перед сидевшими, положил на них две пачки га-лет, сказал:

— Угощайтесь чем бог послал.

— Ерофеич! Бога же нет, — проговорил комиссар.

— Это как для кого, — усмехнулся сержант и отошел в сторону.

— Значит, так, друзья мои, — начал Млынский, — пленный ефрейтор Шольц дал ценные сведения о противнике и пакет, который он и обер-лейтенант должны были доставить в штаб 121-й моторизованной дивизии, две недели назад переброшенной из Франции. Со слов ефрейтора, штаб дивизии и армейский склад боеприпасов дислоцируются по соседству с нами. Пароль для прохода в штаб он нам выдал. У меня сложилось впечатление, что немцу можно верить. Теперь давайте посоветуемся: проведем мы наших соседей или обойдем стороной, двигаясь по своему маршруту? Дело чертовски заманчивое, но опасное.

— Если мы нападем на штаб, немцам на подмогу примчатся полки дивизии, они же рядом, и тогда от нашего батальона ничего не останется, — высказался начштаба.

Алиев подумал, поставил на снег кружку с недопитым кипятком, стал размышлять вслух:

— Идти по маршруту, не вступая в столкновение с противником, — хороший и самый легкий вариант. Но если вспомнить, что наша армия ведет решительную схватку с врагом, чтоб

отбросить его подальше от Москвы, и что боеприпасы, находящиеся у нас под боком в немецком складе, будут обрушены на головы наших войск, а прибывшая свежая дивизия введена в бой, то этот вариант, скажем, прямо, не очень верный.

— Штаб дивизии и склад может уничтожить наша авиация, — настаивал на своем Карпов.

— Для авиации дел хватает и на фронте. Пока стоит нелетная погода, отступающие фашистские войска могут вывезти боеприпасы, а штаб — сменить свою дислокацию, — возразил комиссар.

— Я тоже считаю, — вмешался Млынский, — что, имея такие данные в своих руках, пройти мимо таких важных объектов нам не годится, но и отряд подставлять под удар полнокровной свежей дивизии мы не имеем права. Задерживаться в этом лесу тоже опасно. Кроме того, следует учесть, что отступающие немецкие войска тоже могут попытаться использовать его для своей обороны или укрытия от авиации. С учетом складывающейся оперативной обстановки я предлагаю: сейчас, не теряя времени, направить туда небольшую группу во главе с Михайловым, чтобы визуальным путем разведать подходы к армейскому складу и системе охраны. Старшего лейтенанта Бондаренко, Шольца и разведчика Тумака, отлично знающего немецкий язык, с пакетом 18-го корпуса направляем в штаб 121-й моторизованной дивизии с задачей разведать обстановку в штабе. С наступлением темноты минометная, пулеметная роты, обоз и другие мелкие службы во главе с начальником штаба капитаном Карповым продолжают движение строго на запад в направлении на село Чинимуд. Разведав обстановку в бывшем леспромхозе имени Дзержинского и выставив на подступах маяки и охрану, разведрота и рота ПТР, два взвода пулеметчиков и группа подрывников под моим командованием сосредоточиваются в зарослях реки Калушки, в 500—600 метрах от штаба немецкой дивизии. Рота автоматчиков и взвод подрывников под командованием капитана Алиева подтягиваются к внешнему обводу склада. Медсанрота делится на две части: первый взвод под командованием капитана медслужбы Быстровой принадеется первой группе, второй — во главе со старшим лейтенантом медслужбы Мамедовой — группе комиссара Алиева. Ровно в 03 часа ночи начинаем операцию, назовем ее «Ураган». Задача: уничтожение армейского склада боеприпасов, штаба дивизии, захват документов. После выполнения задания обе группы отходят в направлении на запад в Капришские леса, где соединяются с группой капитана Карпова, — закончил Млынский и, обращаясь к Алиеву и Карпову, спросил: — Дополнения, замечания по изложенному плану операции есть?

— У меня нет, я согласен, только действовать придется с решительными целями, — ответил Алиев.

— Я тоже не возражаю, только опасюсь, как бы немец не заложил наших разведчиков, мы его еще не проверили на деле, а уже посылаем на такую серьезную операцию, — проговорил Карпов.

— Риск, безусловно, большой, — согласился с ним Алиев.

Млынский возразил:

— Думаю, что этот риск оправдан, ибо рассчитан на помощь наступающим войскам Красной Армии. От допроса ефрейтора у меня сложилось впечатление, что он сказал правду и не предаст, тем более, что он застрелил обер-лейтенанта. Идя в штаб, он хорошо прикрывает наших разведчиков. Если они к 03 часам не вернутся, мы все равно начнем операцию, тогда они помогут нам изнутри.

— Ну, в таком случае я тоже согласен с планом операции. Только разрешите спросить: если в леспромхозе Дзержинского окажутся немцы, как мне поступать?

— Если гарнизон небольшой — уничтожайте, а если их там много — обходите стороной и сосредоточьтесь в районе бывшей лесной школы в 20 километрах западнее Капришских лесов. — Млынский карандашом показал на карте.

Карпов сделал отметку на своей карте, положил ее в полевую сумку.

— Теперь все ясно, товарищ майор. Разрешите приступить к проработке маршрута и подготовке группы к выходу? — И, бросив

взгляд на часы, заметил: — До наступления темноты времени осталось в обрез.

— Приступайте, перед выходом еще встретимся. Гасан Алиевич, пойдем и мы сколачивать свои группы. Задачу разведгруппе сержанта Михайлова поставь сам, а я займусь разведгруппой Бондаренко.

— Добро, — ответил Алиев и зашагал к роте автоматчиков.

Млынский зашел в прижавшуюся к сосне палатку капитана Бородулина, сел на бревно, занесенное сюда вместо стульев, спросил:

— Документы прикрытия для Бондаренко готовы?

— Подлинные документы на имя офицера связи капитана Готлиба мы подготовили еще в Москве, но они теперь не подходят. Мы взяли удостоверение обер-лейтенанта Шумахера и вклеили туда фотографию Бондаренко. Вот посмотрите. Сравните, Иван Петрович, эти подлинные удостоверения с нашими. — И он разложил перед майором несколько удостоверений в коричневых кожаных корочках.

Млынский внимательно их рассмотрел, от-
ветил:

— Простым глазом отличить нельзя, все одинаковые. А теперь давайте посмотрим с помощью техники. — Он достал увеличительную линзу, наклонился, посмотрел через нее. — Отличить трудно, но немного подводит бумага на фотографии Бондаренко — нетождественная. При исследовании в лабораторных условиях подделка может быть обнаружена.

— Товарищ майор, немецкой фотобумаги у нас пока нет, постарайтесь, когда будем на базе, достать. И потом учтите: все это делалось в спешке, в полевых условиях.

— Я вас не виню, в общем-то сделано неплохо. Думаю, что до лабораторной проверки дело не дойдет, у них просто не будет времени. — Млынский взглянул на часы, откинул полотно у входа в палатку, крикнул: — Ерофеич! Старшего лейтенанта Бондаренко срочно ко мне.

— Есть! — Сержант скрылся в ельнике.

Минут через десять в палатку вошел Бондаренко.

— Садись, Семен. — Майор указал на пенек, стоявший напротив. Бондаренко сел.

— Ты уже знаешь, что в 15 километрах на запад дислоцируется штаб 121-й моторизованной дивизии. Сегодня в 03 часа ночи мы начнем операцию «Ураган» с целью его уничтожения. Для разведки подходов к штабу, системы охраны и обстановки мы решили направить тебя с перехваченным пакетом и с документами обер-лейтенанта Шумахера, а также пленного немца и Тумака. Документы прикрытия получишь у Бородулина. Пароль и отзыв для прохода в штаб вам известны. Ждем вас в кустарниках на берегу Калушки до 2 часов 59 минут. Если вы к этому времени по каким-либо причинам не прибудете, мы начинаем операцию в точно назначенное время. Тогда будете действовать по варианту номер два. Вопросы есть?

— Вопросов нет... Есть просьба, товарищ майор: если нам не удастся выбраться, позаботьтесь о Наташке. А у Тумака одна мать, она живет в Сталинабаде.

— Не сомневайся, Семен, все будет сделано. Но мы вас ждем, понятно?

Они трижды расцеловались.

С наступлением темноты на запад ушла группа Карпова. А через час после ее отхода повел своих бойцов и Млынский. Прощаясь с Алиевым, он сказал:

— Действуй по обстановке, береги людей. Учти: главные наши задачи еще впереди. В случае моей гибели ты немедленно вступаешь в должность командира и ведешь батальон на базу.

— Все понял, но ты тоже в пекло не лезь. Ты нам, дорогой Иван Петрович, очень нужен. Сам говоришь, впереди уйма дел.

— Надеюсь, все будет в порядке, я везучий, — улыбнулся Млынский и сплюнул через плечо. Они обнялись.

Алиев вызвал к себе командира роты автоматчиков лейтенанта Гонцу, приказал:

— Выставляй боевое охранение, будем и мы двигаться в сторону складов.

— Разрешите исполнять?

— Исполняйте! — ответил комиссар.

Продолжение следует.

НАДЕЖДА НА ПАМЯТЬ И ЛЮБОВЬ

О СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ
В. АСТАФЬЕВА

А. БАСМАНОВ

Когда русская словесность только начиналась, Карамзин, не подозревая, что дает ей завет навсегда, сказал: «Сочинителю надобно иметь не только знания, острый пронизательный разум, живое воображение и т. п., но еще и душу, если он хочет быть нашим другом и писать для вечности».

С тех пор прошло двести лет, но этот критерий остался главным, нет почти ни одного писателя, кто рано, поздно ли не понял его значения, и лучшее, что есть в нашей литературе, помещено как раз печатю души, следствием страдательной ее работы.

Вот и теперь, в, казалось, машинный век, мы читаем о сердце, «раненном на всю жизнь музыкой», и опять же о душе, о том, что она «жива и бессмертна до тех пор, пока есть в оставшемся мире тот, кто ее помнит и любит. Не станет меня, и мамина душа успокоится, отмучается наконец, потому что мучается она не где-то там, в небесах, мучается во мне, ибо есть я — ее продолжение, ее плоть и дух, ее незавершенная мысль, песня, смех, слезы, радость».

Эти слова из двух вещей — «Последнего поклона» и «Царь-рыбы», замыкающих книги собрания сочинений Виктора Астафьева, вышедшего недавно в издательстве «Молодая гвардия».

Книги открываются повестью «Стародуб», которую критики называли среди социальных, щемяще-нравственных астафьевских произведений обособленной, лишь этнографически простодушной: читатель от нее якобы «отошел смущенный». Думаю, однако, наоборот: читатель смутился далеко не каждый, поскольку в повести, выношенной и напечатанной еще двадцать лет назад, уже целиком выявился моральный кодекс автора, которому он потом неизменно следовал.

В «Стародубе» показана гармония между человеком и природой, с одной стороны, и разлад между ними, отторжение природой человека, как инородного тела — с другой; то есть показан совершаемый этой природой выбор. Фабула здесь не нова и даже банальна, но у Астафьева она принимает настолько поэтические, искренние формы, что становится притчей и одновременно проповедью любви и той особой великой естественности и даже «слабости», что обязательной частью составляет все милосердное, доброе на земле и, по словам старой мудрости, выражает «свежесть бытия».

Потом, через годы, образы Астафьева усложняются, рисунок их станет тоньше, но нравственная и сюжетная канва пребудет почти той же: Амос из «Стародуба» перейдет в Командора из «Царь-рыбы», Култыш же — в Акима, одного из редчайших теперь лю-

дей, поистине похожих «на землю, которую они пашут, на клочок тумана, из которого они вышли, на зверя, за которым охотятся», и оттого наделенных как бы ничем посторонним не смущенной душой, то есть почти абсолютной духовностью. Отсюда — прямые нити к толстовскому Каратаеву.

У всякого реалиста своя действительная натура, географический мир и конкретное время. Мир и время «Царь-рыбы» — сегодняшней Енисей, вернее, отрезок его верст всего в сто с прибрежным поселком Чуш где-то посередине. Обыкновенный деревенский, вечно запертый наглухо с передней двери магазин под многозначительным названием «Кедр», танцплощадка, пристань, где из динамика голосистый эстрадный «сын тундры» с утра до вечера громко убеждает чушанцев: «Ты увидишь, что напрасно называют Север крайним...», — вот топографические приметы мира, в котором обитают: Грохотало — заведующий совхозной свиноводческой фермой и браконьер во все остальное свободное время, местный шут, пропойца Дамка, два ловких добытчика, братья Утробины — Командор и Игнатич, инспектор Черемисин, наконец, рыбак, охотник Аким. Мир этот вроде бы узок, но и в нем вся жизнь — радость, трагедия, боль, смех, судьба того, о ком и о чем рассказано: реки, людей, леса, животных, птиц и рыб.

Тут опять выбор, тут сами земля и небо судят, кого миловать, кого казнить. И как в «Стародубе», выигрыш выпадает отнюдь не силе, ловкости и сноровке: нелепо погибает, поскользнувшись на камне, великолепный знаток тайги, хватистый Герцев, жуткая, как бы предreshенная беда — гибель дочери — находит, нагоняет и попадает в Командора; рыба, огромная, прекрасная и отвратительная вместе рыба, запутывает снастью в ночной воде посередине необъятной реки, наживляет на собственные крючья лучшего, быть может, из всех ловца — Игнатича.

«Царь-рыба» — символическая книга о силе человека и силе природы, об органичности их, но больше в противоборстве. Это книга современного больного вопроса о том, что жизнь существует только благодаря растениям и животным и благодаря растениям и животным существует человек, тот самый, что, хлопая в ладоши от радости обладания электричеством, бензином и плюющими огонь стволами, позволяет себе право роскоши — губить эти растения и животных ровно в десять раз (это установлено статистикой) больше, чем ему нужно. Мотив наказания витает здесь из рассказа в рассказ, наказания совестью или же природой за самый тяжелый грех — бездушие.

«Царь-рыба» — повествование единое, хоть и составленное из двенадцати отдельных рассказов,

весьма между тем не равноценных. Прекрасные «У золотой карги» и «Рыбак Грохотало» соединяются с фельетонно-плоским «Летит черное перо» о браконьерах приезжих, «городских», то есть чужаках. Очевидно, гротеск не стихия Астафьева, а ожесточение — не его писательский стимул. Ожесточение приводит перо к сочинительству, удрученному заданностью, и начертанию не образа, но схемы, и тогда рождаются очень придуманный и утонченный нигилист и подлец Гога Герцев из «Сна о белых горах» или закоренелый преступник Хыч из «Восьмого побега», кого технорук лесопилки Егор Стрельцов, встретив в тайге очередной раз бежавшего, «перевоспитывает» буквально за два часа, — и Хыч добровольно отправляется назад, в колонию, досиживать свой срок до конца.

«Восьмой побег» — из вещей, написанных еще в шестидесятые годы, те самые, что принесли читателю «Кражу» (на мой взгляд, мощную по страсти и горечи, но довольно слабую по языку и несколько монотонную повесть на великую тему сиротства, тяги к искренности и любви) и множество рассказов, среди которых «Яшка-лось» и «Индия» достойны называться классическими.

«Яшка-лось» — почти по Толстому: судьба лошади и судьба ее хозяина. Но рассказ этот был бы, наверное, просто душещипательным и просто красивым, если не давал бы еще картины времени — непомерно тяжелых лет послевоенной деревни.

Яшка-лось погибает, загнанный озверевшим бригадиром, провалившись под лед и унося с собою в мир иной последнее лошадиное впечатление: «далеко синеватый оком, леса, качающиеся по горам, голый берег с пробуждающейся травой и рассеченное облако, в которое ввинтился жаворонок». А на берегу в тот миг — будто прорвало нарыв и все лихо жизни клином свелось к погубителю — с надрывом, визгами и черными ругательствами бабы остервенело избивают похмельного ездока, и вовсе почти потерявшего рассудок.

В «Индии» тоже трагедия, пронзительная, переданная через наивную, убогую и прелестную фантазию девочки, ставшей солдатом, но пронесшей сквозь всю свою краткую, обрезанную войной голубиную жизнь мечту об Индии, возникшую когда-то в ее чистой душе лишь от красочной обертки куса мыла, откуда «смотрел на Сашу синеглазый красавец в желтой чалме и в красном плаще».

Тема войны у Астафьева — вторая после сибирской, к которой его необратимо тянет: ведь «надо, пока не поздно, написать все же «свою войну», никто ее за меня не напишет».

Войне отданы целиком две большие повести — «Звездопад» и «Пастух и пастушка», и обе они — вокруг любви. Любовь — главный здесь стержневой мотив, заполняющий все до того, что на

вопрос, о чем эти книги, скорее можно ответить «о любви», чем «о войне», и это не будет противоречить ни логике, ни этике: ведь любовь и война неразделимы. Смерть, уничтожение, страх, боль, надрывная военная работа выпадают, таков закон, молодым, тем, чей дух обычно осенен или уже пришедшей, свершившейся любовью, или ее предчувствием, ожиданием. Любовь в «Звездопаде» и в «Пастухе и пастушке», первая и, по-видимому, вообще единственная, посещает героев в самой сердцевине бесчеловечной бойни, вольно или невольно складывая традиционную «вечную» тему — сцепление, вернее, единство этой любви, жизни и смерти.

С. Залыгин в свое время отмечал новизну, необычный авторский угол зрения в «Пастухе и пастушке», то, что «пастораль на фоне жестокой войны и не только на фоне, но и в самом глубинном ее течении — это, по существу, открытие Астафьева»; мне же хотелось бы напомнить о преемственности, связи с классикой и, несмотря на непреодолимую разность описываемых событий, эпох, культур, характеров, самих, наконец, сюжетов и литературного качества, обернуться к бунинской «Митиной любви»: и там и здесь показан и передается читателю чуть не физиологический процесс слома, увядания, ссыхания некоей жизненно важной ветви от разрыва, разъединения двух пораженных чувством друг к другу людей. Именно умирание лейтенанта Костяева, как бы долгота его, формально от раны, фактически от чего-то совсем иного, что называют тоской, ощущается в «Пастухе и пастушке» как сила.

Война не оставляет Астафьева никогда. Будто бы и не выписался о ней в двух объемистых повестях, не сказал главного, сильного и единственного, что до сих пор продолжает терзать душу, он возвращается к этой гидре, «сплюсченной, окаменелой, но не утеревшей запаха гари и крови», в своей философической поэме в прозе, в песне деревне — «Оде русскому огороду». Но здесь это уже не основная тема. Основная — совсем иная, но которая, наверное, и есть истинно его: «Память моя, сотвори еще раз чудо, сними с души тревогу, тупой гнет усталости, пробудившей угрюмость и отравляющую сладость одиночества. И воскрес — слышишь? — воскрес во мне мальчика, дай успокоиться и очиститься возле него. Ну, хочешь, я, безбожник, именем господним заклинаю тебя стану, как однажды, оглушенный и ослепленный войною, молил поднять меня со дна мертвых пучин и хоть что-нибудь найти в темном и омерзевшем нутре? И вспомнил, вспомнил то, что хотели во мне убить, а вспомнив, оживил мальчика — и пустота снова наполнилась звуками, красками, запахами».

Известно: любой подлинный писатель пишет о себе, вернее, о тех нравственных движениях, переменах, что в нем происходят, а настоящая литература обязательно исповедальна. Отыскать «звук», отыскать общую твоему внутреннему состоянию интонацию, обнажить себя и подытожить, сказать правду, выразиться, наконец, сложнее сложного в искусстве и подвластно только таланту. Главные и лучшие вещи Астафьева не относительно, но впрямую автобиографичны. Они рождались не торопясь, в продолжение двадцати лет и только по вдохновению: слово к слову, рассказ к рассказу — на несколько только один тот самый. Так медленно возникал «Последний поклон».

Эта книга едва ли не наиболее совершенная и законченная. Ас-

тафьев воскресил своего мальчика и воскресил его мир, и многие читатели в этом мире узнали свой, давным-давно ушедший. В литературе это случается не часто. Он вспомнил то, что помнят почти все, но что далеко не каждый может выразить словами, ибо очень мало есть в языке слов для детских впечатлений: ужасов, обид, счастья фантазии, ожиданий, общения со взрослыми. Он вспомнил, как услышал впервые музыку, отчего сердце «как востепенулось, как подпрыгнуло, так и бьется у горла», он вспомнил бабушку, единственное всепрощающее ему существо на свете, лихого непутевого отца и светлый образ матери, который тогда уже для него, сироты, был памятью. Он вспомнил голод и холод, жуткое одиночество своих беспризорных скитаний, свое учение в ремеслу и почти круглосуточную, до измождения работу сцепщиком на железнодорожном полустанке в первые сумасшедшие месяцы войны, и соевые конфеты, подаренные ему девушкой Ксенией, оставившей ощущение «нечаянно доставшегося счастья». Он вспомнил, как увозил его эшелон на фронт, и как мужики, прощаясь, быть может, навсегда, пили самогон, и девочка с измученным и совсем не детским сереньким личиком все хваталась за ногу призывника, в суматохе не обращавшего на нее внимания, и без конца как заведенная повторяла заклинание, смысл которого, наверное, и не понимала вовсе: «Свиданья! Звините! Паси бох! Свиданья! Звините! Паси бох...»

Это книга освобождения, очищения, возвращения памяти. Это жестокая, лирическая и удивительно правдивая книга. Пронзительность ощущения своего начала, миги первых озарений и восторгов начинаешь постигать только с дальними годами, когда душа мужает и черствеет и когда память становится единственным инструментом ее обновления. И вот что важно: чем несчастливее, страдательней детство, тем слаще, священной, ярче остается оно потом в сознании, как некая ушедшая и неповторимая любовь, как единственное, что было в жизни, ибо даже и понастоящему трагическое, «что пугало в детстве, было вовсе не страшно, жизнь припасла для нас такие ужасы, такие испытания и страхи, что прошлое обратилось в добрую, красивую сказку». Оттого возвращение в детство — это возвращение к любви.

«Последний поклон» кончается тем, чем и должны кончаться воспоминания о невозвратном, — руближом, за которым открывается другая, сегодняшняя, обычная жизнь, но питаемая, однако, соками того, что было. Эти невидимые, но так необходимые человеку соки поступают к стволу его совести через какой-то особый, национальный корень — «почвы и судьбы», родни и родины: зачахнет корень — в песок уйдет любовь и остекленеет душа. Астафьев пишет об этом. Все случилось уже. Но хоть те старинные тропинки и убежали, заросли кустами, хоть утекли те реки и переменились фигуры облаков, они живут в его памяти и любви. Нынешние же достанутся потом другим. На это, собственно, и надежда.

Давнему автору «Огонька» писателю Василию Ардаматскому исполнилось 70 лет. Редакция присоединяется к многочисленным поздравлениям и пожеланиям, адресованным юбиляру, и печатает его воспоминания о начале сотрудничества с нашим журналом, когда редактором «Огонька» был Евгений Петров.

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ-РЕДАКТОР

Василий АРДАМАТСКИЙ

Первую блокадную зиму я работал в Ленинграде военным корреспондентом Московского радио. Возвращался в Москву в одном самолете с Николаем Тихоновым, летевшим по вызову «Правды».

Мы еще ждали машину, которая должна была отвезти нас в город, когда с аэродрома начали взлетать могучие бомбардировщики. Габаритные огни самолетов смешивались в небе с весенними звездами.

Проводив взглядом взлетающую машину, Тихонов сказал:

— Они сегодня дадут фрицам за Ленинград. Ты понял, как важно рассказать людям о героизме и муках Ленинграда? Это наша святая обязанность...

Спустя несколько дней мне позвонили из редакции «Огонька», пригласили зайти к редактору, которым был тогда известный советский писатель Евгений Петров, соавтор Ильи Ильфа по романам «Золотой теленок» и «Двенадцать стульев», а также по фельетонам в «Правде».

Евгений Петрович принял меня уже под вечер.

— Меня очень волнует Ленинград, трагический подвиг ленинградцев, — сказал он. — Другого такого примера в истории я не знаю. Мне кажется, что вы как журналист, бывший там, должны испытывать зов совести — рассказать об увиденном. У меня к вам предложение: попробуйте написать зарисовки ленинградских будней. Главное — факты, наблюдения, так сказать, героизм без подслащенных читателю эпитетов, пусть он выберет эпитеты сам. Сделать это надо быстро — наши люди ждут каждого слова о Ленинграде, а у библиотечки «Огонька», где книжка выйдет, тираж очень большой. Редактором вашей книжки буду я...

Какое-то время спустя я сдал рукопись...

Вот она, эта первая в моей жизни книжка, — под заглавием «Уменье видеть ночью». Это название я придумал для первого рассказа о ночном воздушном бое над Ленинградом. Рассказ Петрову понравился, он спросил, откуда все детали боя. Я ответил, что мне страшно повезло, я имел возможность разговаривать с летчиком буквально сразу после боя, в ко-

тором он сбил вражеский самолет. Еще разгоряченный схваткой, рассказывая о ней, видимо, заново, по свежей памяти переживал перипетии сражения и буквально сыпал детали, я подобрал только часть...

— Вот! Это единственный путь нашей военной журналистики — быть рядом с тем, кто воюет! — сказал Петров. — И давайте название этого рассказа вынесем на обложку. «Уменье видеть ночью»... Мне это нравится — оно зовет. Название всегда должно звать...

Необычайно дороги мне две поучительные встречи с Евгением Петровичем, когда шла работа по тексту всей книжки. Возвращаясь домой, я делал записки об этой работе в своем репортерском дневнике. Помню, как во время одного из разговоров Петров говорил о руководителях фашистской Германии и вдруг начал фантазировать на тему о пьесе про них... Он сказал, что эта пьеса должна быть совершенно нового жанра — страшная комедия...

Мой рассказ о летчике, победившем в ночном бою, заканчивался довольно длинной сентенцией секретаря партбюро части и про патриотизм, и про дисциплину, и про коварство противника, и про примерность во всем летчикоммуниста, и еще про многое. Прочитав это, Петров посмотрел на меня смеющимися глазами, сказал:

— Если все это секретарь партбюро говорил летчику после ночного боя, тот в силу усталости должен был заснуть на первой фразе. Уверен, что это неправда. Вы были при этом? Значит, это ваше творчество?

Я стал объяснять, что мне хотелось как бы подвести итог, сделать его поучительным для других.

Петров резко повел головой:

— Нет, нет и нет! Все поучительное в эмоциональном и точном описании ночного боя. А эта блябля в концовке тянет весь рассказ в холодную яму. Тут надо поискать. Предположим, что секретарь партбюро несколько суховатый человек. Но с юмором. Выслушав рапорт летчика о проведенном им трудном бое, он может сказать... Петров подвинул к себе рукопись и написал сбоку какую-то фразу, зачеркнул ее, написал другую, зачеркнул, написал третью, прочитал ее про себя и подвинул рукопись ко мне. Я прочитал фразу: «Ничего сложного, коммунист просто обязан уметь видеть ночью».

— Правильно? А? Только вот... — он снова взял рукопись... — Надо вычеркнуть слова «ничего сложного». Все-таки сложно, черт возьми, сбить самолет ночью. Верно? Кроме всего, сомкнулось название рассказа и его конец...

Такой концовка рассказа и осталась. Но в связи с этим Петров сказал еще:

— Рассказ для меня вообще таинственный жанр. У Чехова есть рассказы, в которых на пяти страничках умещается целая человеческая судьба. Казалось бы, такой рассказ должен быть написан одними золотыми и даже бриллиан-

товыми словами, а написан он словами простыми, вполне обиходными. Значит, все дело в сцеплении этих слов, когда рассказ — это рассказ и ничто иное. Но закон — ни единого лишнего слова — тут, однако, действует. Однажды мы с Ильфом написали фельетон для «Правды». Также, между прочим, жанр тяжелейший по слову. Прочитали написанное и смотрим друг на друга: что-то в фельетоне резануло ухо. Стали смотреть внимательно и находим — в остром обличительном абзаце, в котором весь стусок темы, видалось слово «который». Вот, между прочим, опасное словечко, оно сразу ломает фразу и ритм, у нас из-за этого слова фраза стала похожей на взятую из школьного сочинения: «Рудин, который...» Убрали это слово, и фраза, как пружина, напряглась, стала динамичной. Вообще лишнее слово — беда. Посмотрите-ка все свои зарисовки с этой точки зрения...

Как мог, я эту операцию проделал, но, читая книжку сейчас, вижу, как мало я тогда мог.

Еще один эпизод нашей работы над рукописью... Вычеркивая признаки моего неумения уже в другом рассказе, Е. Петров вдруг сказал:

— Я вспомнил, как вы рассказывали о женщине, умершей у вас на глазах на Литейном проспекте. Вот написан бы рассказ о последних ее мыслях и ощущениях, с которыми она уходила из жизни... Страшно подумать, какой силы получился бы этот рассказ. И мысли ее, может быть, были совсем простые: «Дойти бы до своего дома» — и тут о том, что такое для нее был этот ее Дом с большой буквы. Или: «Мужа я свезла, а кто же свезет меня?» — и тут о ее долгой счастливой жизни с мужем. И так далее — целая жизнь и минута смерти. Мир человеческой души в последние минуты жизни. А вокруг суровый и трагический ее родной город, где она прожила жизнь. — Петров зябко поежился и улыбнулся: — Федора Михайловича Достоевского бы в блокадный Ленинград. Вы не обижайтесь, вы тоже не зря там побывали. Между прочим, я недавно вспомнил Достоевского и в связи со своими литературными делами... В одной поездке на Западный фронт я видел два трупа. Возле дороги, уходящей на запад, лежал навзничь наш боец — молоденький, прямо мальчик, глаза распахнуты настезь, даже смерть не смогла их закрыть, эти глаза, так и не увидевшие еще жизни... А рядом — немец. Лежит, зарывшись лицом в грязный снег, будто ему стыдно за все свое немецкое, а руки его меж тем вцепились в нашу землю. Два мертвеца. Две жизни. Две судьбы в сошедшем с ума мире... Черт побери, уметь бы написать об этом!

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Всего одну золотую медаль завоевали советские боксеры на Олимпиаде в Москве, в то время как боксеры Кубы увезли домой шесть олимпийских медалей высшего достоинства. Трудно забыть о таком печальном факте, и он наложил свой отпечаток на весь послеолимпийский год. Многие любители бокса задавали себе одни и те же вопросы: что же случилось с нашим боксом, столь прославленным и именитым? Утратили ли мы свои позиции на мировом ринге или осечка в Москве только случайный эпизод? И частичный ответ мы получили весной нынешнего года, когда в финском городе Тампере на чемпионате Европы боксеры СССР продемонстрировали современный, стремительный, многоударный бокс и восемь раз поднимались на высшую ступень пьедестала почта.

Это был великолепный результат, но кубинцев-то на европейском первенстве не было, и это, конечно, не мог не учитывать новый тренер сборной команды СССР Артем Александрович Лавров, когда в беседе с нами оценивал выступление своих питомцев и намечал стоящие перед командой задачи. Отдавая должное успеху команды, А. А. Лавров отметил, что теперь надо хорошо подготовиться к выступлению в Канаде, где в ноябре сильнейшие боксеры будут бороться за Кубок мира. Вот когда можно будет получить окончательный ответ, смогли ли наши мастера внести необходимые коррективы в свой стиль, учесть свои просчеты, восстановили ли они способность диктовать самым агрессивным соперникам свою волю и подчинять себе ход боя. Словом, смогут ли они противопоставить и кубинцам и американцам, которые в Московской Олимпиаде не участвовали, свой стиль универсального современного бокса, который предполагает одинаково точные действия и в нападении и в защите.

Тренер нашей сборной команды в Тампере не скрывал того, что работа предстоит большая и что отобрать команду для поездки в Канаду не так-то просто, ведь наш бокс располагает большим количеством способных, сильных спортсменов.

— Ни одному из них, ни ветерану, ни новичку, не будет заказано место в сборной команде страны, — сказал А. А. Лавров. — Лишь бы боксер смог доказать, что имеет право на это место...

Мы вспомнили эти слова в Ташкенте, где только что состоялся очередной, сорок седьмой по счету чемпионат страны. На ринг поднялись далеко не все те, кто выступал на Олимпиаде и входил в сборную команду страны в Тампере, но зато те, кого можно было бы условно назвать новичками, стали в строй участников чемпионата. Где же еще можно убедительней доказать свое право на постоянное, а не «внештатное» место в сборной, как не на чемпионате страны? И ташкентский чемпионат стал действительно своеобразными смотринами наших боксерских резервов. Одиннадцать дней продолжались встречи на ринге, и самые опытные тренеры всей страны внимательно следили за выступлениями боксерской молодежи. Следили за событиями на ринге и мы: ведь

редакция «Огонька» после европейского чемпионата решила учредить Кубок самого универсального боксера всесоюзного чемпионата.

Претендентов на Кубок «Огонька» оказалось больше чем достаточно. Уже в первый день чемпионата на ринге разразилась сенсация: двукратный чемпион страны С. Хачатрян, встретившись с одним из «новичков», Б. Цыденовым, оказался на грани поражения и лишь ценой предельных усилий сумел одержать победу, а на второй день должен был повесить на гвоздь свои перчатки один из самых именитых участников первенства, чемпион Европы А. Кошкин. Молодой боксер из Узбекистана С. Василенко, который до этого не стоял ни в каких кандидатских списках и никому не был известен, мощным ударом завершил бой в свою пользу.

Тогда многие считали победу молодого боксера случайностью и чуть ли не результатом судейской ошибки, но на одиннадцатый день чемпионата должны были изменить свое мнение. Сергей Василенко дошел до финала, а затем завоевал и первенство в первом среднем весе.

Вот, казалось бы, и определился лауреат «Огонька», определился чуть ли не на старте чемпионата. Разве не доказал Сергей Василенко свое право на наш кубок? Но авторитетное жюри, в которое входили известные московские тренеры, посчитало, что молодой боксер, несмотря на свое успешное выступление на чемпионате страны, несмотря на то, что он добился права тренироваться в сборной, все же еще не отвечает понятию универсального боксера. У молодого чемпиона защитные действия значительно слабее атакующих, и в азарте атаки Василенко пропускает большое число опасных ударов. Только огромная выносливость и смелость пока спасают его от неудач, и тренерам предстоит немало поработать, чтобы уравновесить большие способности боксера, научить его гармонически сочетать сокрушительный штурм с точной обороной, не терять головы в самые напряженные моменты схватки.

Конечно же, мог с полным правом претендовать на Кубок «Огонька» еще один чемпион страны, боксер первого наилегчайшего веса, один из самых молодых участников первенства (ему 18 лет) Заир Абдунадыров. Он прекрасно провел все бои, и все же и у него пока нарушено равновесие между двумя нерасторжимыми показателями боксерского мастерства — нападением и защитой.

Гармоническое сочетание этих качеств, причем в экспрессивной современной форме: стремительное нападение с большим числом точных ударов и умение на мгновение раньше противника блокировать его атаки — проявил другой чемпион страны, Сергей Мичник. Он выступает в легком весе, в том самом весе, где наш Виктор Рыбаков не знает себе равных, и Сергей уже упорно готовит себя к встрече с этим замечательным мастером. В 21 год боксер из Иваново-Франковска, студент 5-го курса института нефти и газа, воспитанник тренера А. С. Скрыпника, Сергей Мичник провел уже 157 боев и в 143 добился победы. В составе сборной команды страны он уже пять раз выступал на международных соревнованиях. Его успех в Ташкенте бесспорен. Большинство своих боев он закончил с явным преимуществом, удивив знатоков числом точных и сильных ударов. А сам он умеет таких ударов избегать. В стремлении продемонстрировать стиль силового ударного бокса молодые участники чемпионата потерпели не мало повреждений. Было зафиксировано сорок семь рассечений. 25 боев турнира завершились досрочно ввиду невозможности продолжать бой одним из боксеров, но когда мы беседовали с Сергеем Мичником, мы были удивлены полнейшей неповрежденностью его лица. Это говорит о большом искусстве обороны молодого боксера, ну, а его атакующие качества не требуют комментариев.

Среди чемпионов страны на нынешнем первенстве много дебютантов — Заир Абдунадыров (Узбекистан), Икрам Мирбабаев (Киргизия), Василий Манукян (Армения), Манвел Мурадян (Армения), Сергей Василенко (Узбекистан). Все они приглашены для тренировки в сборную, и среди них мы видим и нашего лауреата, боксера легкого веса Сергея Мичника.

Сергей Василенко — чемпион страны в первом среднем весе.

Тренеры Узбекистана Н. Х. Хуснутдинов и Б. П. Норкин следят за боем.

СМОТРИ

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ!

Галина ГОГОТИШВИЛИ

Алое знамя, труба, буденовка с красной звездой... В почетном карауле застыли пионеры. Голос, усиленный динамиками, торжественно произносит слово памяти А. Гайдари. Вспыхивает на синем экране алая пятиконечная звезда... Очень взволнованно начинается спектакль «Мальчиш-Кибальчиш». И эту взволнованность, не впадая в патетику, пронесит через всю постановку, усиливая ее звучание в финале, режиссер В. Сударушкин, когда Кибальчиш погибает за правое дело...

Думается, такой герой, пробуждающий высокие чувства, и нужен для патристического воспитания ребятишек. Зрительный зал буквально замирает в иные моменты, а в иные долго и благодарно, взволнованно аплодирует.

Ленинградский Большой театр кукол, прибывший в Москву на гастроли, обращается к настоящей литературе. Это характерно для многих кукольных театров страны. Но если иные из них отдают предпочтение «взрослому» репертуару, пренебрегая детской сказкой, то о БТК этого не скажешь: ленинградцы любят и детскую аудиторию и взрослую.

Главный режиссер В. Сударушкин, как и все его актеры, создает впечатление необычайной легкости, праздничности на сцене. Показанные ленинградцами «Мальчиш-Кибальчиш» А. Гайдара, «До третьих петухов» В. Шукшина, «Похождение braveго солдата Швейка» Я. Гашена, «Клоп» В. Маяковского убедительно говорят о том, что ленинградские актеры не только великолепные кукольники, но смело могут работать в ТЮЗе. Они удивительно подвижны, музыкальны, пластичны, а владение телом для актеров этого театра просто необходимо, потому что в спектаклях приходится работать не только с куклами на ширме, но и на площадке сцены — без кукол, как говорят кукольники, «живым планом».

Особой глубокой режиссерской и актерской увлеченностью отмечен спектакль «До третьих петухов» В. Шукшина. Это самый яркий и, на мой взгляд, самый удачный спектакль ленинградцев для взрослых, показанный на гастролях.

Действие пьесы построено на хождении Иванушки-дурачка за тридевять земель. Иванушка ищет мудреца, который даст ему справку с печатью о том, что он не дурак; этого потребовали от него герои других различных книг, которым зазорно-де находиться в обществе дурачка. И когда герой, измучившись и хлебнув унижений, добывает — нет, даже не справку, а самую печать! — ликовать ему все равно не приходится: его собирается съесть Змей Горыныч, приревновав к своей невесте, весьма склонной к сильному полу... Правда, все кончается благополучно. Но комедийность, гротесковая суть спектакля отнюдь не исключают психологической глубины образов: актеры играют так, что за внешним их поведением прочитываются движения души.

Радуют свежесть приемов, щедрая изобретательность режиссе-

ра В. Сударушкина, юмор, наполняющий спектакль и вызывающий несмолкаемый хохот в зрительном зале... Да, тут есть на что посмотреть и над чем посмеяться! Но в то же время сложная философская мысль Шукшина отнюдь за смехом не исчезает и не теряется. Театр ведет со зрителем серьезный разговор о жизни, заставляя задуматься: так ли уж исчерпаны творческие возможности кукольного театра...

Режиссер свободно перемещает действие с площадки сцены на ширму и обратно, использует вертикальный круг, вводит танцы, песни и пантомиму. Он безбоязненно «рассекречивает» таинство вождения куклы; и, что удивительно, это ничуть не лишает спектакль очарования. Стремительное, энергичное действие кажется импровизацией, столь живо и увлеченно играют актеры. Лиричен и явно умен Иванушка (В. Корзаков и А. Цуканов). Поглощена строительными работами Баба Яга (В. Кукушкин). Очаровательный Змей Горыныч, в розовых одеждах, с тремя головами, похожими на коровьи головы из какого-нибудь мультфильма, — все смешно, все весело. Но не «случайно». Все несет мысль... И тут самое время сказать о сценостроении Д. Афанасьеве и художнике по нуклам Л. Боровенковой. В них режиссер нашел союзников, неистощимых на выдумки.

Мир спектакля выглядит не очень таинственным: сказка-то современная. Но он полон сатирических, контрастных сочетаний яркого сказочного колорита, богат красками. Два алых петуха у боковых кулис. Алые ягоды на черных ветках, образующих арку, откуда спускается маятник невидимых часов... На все это хочется смотреть и смотреть. А чего стоит телевизор на курьих ножках в апартаментах Бабы Яги! Или стены монастыря, сделанные в виде металлических гаражей, запертых на пудовые висюльки замки... На этом фоне хождение Иванушки за тридевять земель выглядит неуместно и порой совсем не смешно, а даже печально... Режиссерская мысль и здесь безупречно точна.

Интересно, хотя, пожалуй, спорно воплощена пьеса В. Маяковского «Клоп».

...Медленно гаснет свет в зрительном зале, и на сцену выходит актер. «Лицо от театра» — так именуется он в программке.

— «Клоп», феерическая комедия, — объявляет он. И доверительно предлагает зрителям: — Поговорим о дряни?

Разговор театра со зрителем на тему о «дряни» — мещанстве, пьянстве, подхалимстве, — конечно, важен. И зритель охотно настраивается на этот разговор. Спектакль поначалу разворачивает сатирические образы, не потерявшие актуальности и сегодня. Здесь тоже много выдумки; мизансце-

ны подвижны, красочны, яркой характерностью снова наделены куклы художницы Л. Боровенковой. Остроумно подобрана музыка композитором И. Цветковым; особенно неожиданно использовано «Соло флейты» из оркестровой сюиты Баха; мелодия как-то вдруг легко вошла в спектакль... Тем обиднее, что так интересно и своеобразно заявленное начало не получило дальнейшего развития. Острая тема, идейный замысел незаметно ушли, уступив место развлекательности.

В классике, в том числе советской, нет и не может быть единственного решения, которое остается верным раз и навсегда. Каждый режиссер, театр имеют право на эксперимент. Но кто определит границы поиска? Что «можно» и чего «нельзя» по отношению к драматургу? Можно ли, например, «Клопа» начинать с оживления Присыпкина, а все событие пьесы рассматривать как воспоминание Зои Березкиной?.. Может быть, это придирка?.. Ну, а если с финальной реплики Евгения Онегина (из одноименной оперы): «Позор, тоска! О, жалкий жребий мой!» — начать оперу, а все случившееся с Татьяной, с Ленским «подать» лишь как воспоминание?.. В лучшем случае зрители покинут зал...

А почему же Маяковский беззащитен?.. Тем более, что В. Сударушкин решает второе действие — картину общества будущего — как телепрограмму «Машина времени», создав ряд броских, эстрадных номеров, никак не работающих на замысел автора.

В результате спектакль потерял и внутреннее единство и художественную целостность.

Правда, в финале режиссер снова находит мысль, которая была потеряна во втором действии. В «обществе будущего» Присыпкин заключен в клетку, где видишь все приметы «изячной» жизни, дорогой сердцу «героя»: коврик с лебедями, красный абжур... Присыпкину-то здесь уютно! Довольный и умиротворенный, он олицетворяет микромир мещанства, отделенный от настоящей жизни, где он становится опасным...

Трагикомической силы исполнен легкий, изящный спектакль «Похождения braveго солдата Швейка» по Гашеку; театр привозил его в Москву семь лет назад, и я не буду говорить о нем подробно. Важно, что этот блестяще поставленный спектакль сохранился таким же свежим и живым, будто вышел на сцену только что. Не потускнели краски спектакля, не притупилась увлеченная игра актеров...

гастроли

Сергей Мичник — обладатель нубка журнала «Огонек».

«До третьих петухов». Иван—В. Корзаков.

Фото А. Зубкова

НЫ

В БРЯНСКОМ ЛЕСУ...

В. СМЕЯН,
фото Н. СИМОНЕНКО

На Брянщине — большой праздник: 38-я годовщина освобождения области и 40-летие начала партизанского движения.

...Горела земля под ногами оккупантов. Ни одного дня не жили спокойно захватчики: на брянской земле действовало 27 бригад, 139 партизанских отрядов — более 60 тысяч народных мстителей. В списке боевых дел — десятки разгромленных гарнизонов, комендатур, взорванные мосты, уничтоженные танки и самолеты, спасенные от рабства советские люди.

Невозможно рассказать о всех событиях праздника. Это украшения к торжеству города и села, сорокадневная трудовая вахта молодежи, митинги на местах партизанских стоянок, у братских могил и Вечного огня, встречи боевых друзей, спортивные соревнования, читательские конференции, уроки мужества в школах, ПТУ, на заводах и фабриках.

Мы расскажем о некоторых...

Песня-пропуск, песня-спутница

Колонна автобусов двигалась по лесной дороге. До Партизанской поляны ее вымостили бетонными плитами. Ветераны смотрели по сторонам, вспоминали тропки военных лет.

— Помнишь, дорогу к базе унавали по приметам: сломанная ветка, поваленное дерево.

— Немцы боялись сунуться сюда. Обходили лес за много километров.

Внезапно разговоры смолкли. За очередным поворотом у дороги горел большой костер. Молодые ребята, перепоясанные патронташами, с гранатами за поясом, с автоматами на груди, сидели у огня. Взвился на дыбы партизанский конь. Белозубый всадник в папахе с алой лентой поднял руку:

— Партизанский разъезд!

За деревьями замелькали всадники. Спешились. Подошли от костра ребята.

— Вот это орлы! С такими хоть сейчас в разведку! — восхитились ветераны.

Широко и свободно разлилась по лесу партизанская песня. Уже

тронулась колонна, а песня звучала, не ослабевая, доносилась из всех автобусов. Проехали еще несколько разъездов. И песня была пропуском. Пропуском в их боевое прошлое.

Ижевский гость

Сухошавый мужчина в затруднении. Г. А. Мельников приехал из Ижевска в надежде встретить кого-нибудь из своих знакомых, но никого найти не мог. Г. А. Мельников был в окружении, попал в плен, с тремя товарищами бежал к партизанам. Воевал, как все, — бил фашистов, где только мог. Потом в составе одного из полков дошел до Берлина, вернулся в Ижевск, работал слесарем, делал охотничьи ружья. Однажды встретился с Сергеем Сергеевичем Смирновым. Известный писатель горячо поддержал желание Г. А. Мельникова восстановить партийный стаж. Теперь он с гордостью говорит:

— Я в партии с сорокового года.

Герман Александрович все-таки встретил боевых своих друзей — Таню и Дашу.

Партизанское знамя

Таня — это Татьяна Васильевна Добрынина, а Даша — Дарья Петровна Пунина.

Девушки оказались в отряде «Смерть немецким оккупантам» благодаря Олимпиаде Карповой, довоенному секретарю Навлинского райкома комсомола.

Осенью 1942 года группа, возглавляемая комиссаром Иваном Воропаем, напоролась на засаду. Немецкие пулеметы ударили с двух сторон. Разрывными пулями были ранены Иван Воропай и Маруся Клецкина. Петю Оскоротенкова послали предупредить отряд об опасности. Несколько суток пролежали в болоте, ожидая помощи. Пересохшими губами комиссар просил пить. Даша цедила через платок воду; изорвав свою рубашку, перевязала раны, укрыла обескровленного комиссара своей фуфайкой. Иван, в котором едва теплилась жизнь, ободрял девушку:

— Мы с тобой, Даша, еще после войны потанцуем!

Сбылись слова комиссара. Они видятся часто: живут и работают на Брянщине.

И теперь они стоят рядом. На Партизанской поляне митинг. Дарья Петровна взволнованно говорит мне:

— В почетном строю партизанские знамена. Второе слева — нашего отряда. Сама вышивала!

Вот как это было. Партизаны Навлинского отряда готовились принимать присягу. Знамени не

было. Решили сделать сами. Сшили из детского сатинового одеяльца. Нашелся художник — Саша Шевцов. На одной стороне он нарисовал герб, на другой — звезду. А вышивали женщины.

— Нитки были только белые, из парашютных строп, — рассказывает Дарья Петровна. — А так хотелось сделать буквы золотистыми! Красили нитки акрихином, потом вымачивали в настое дубовой коры.

За сорок лет знамя поблекло, буквы выцвели. Но гордо стоят рядом с ним бывший комиссар И. С. Воропай, минер А. И. Ижукин, разведчица Т. В. Добрынина, автоматчик Г. А. Мельников.

Брянский партизан из Венгрии

Бывший начальник отдела кадров штаба объединенных партизанских бригад С. М. Макаров вспоминает:

— Однажды партизаны разгромили венгерский гарнизон. Большая группа венгров влилась в соединение. Ни разу не пожалело командование о таком пополнении. Венгры сражались храбро, делили с нами все тяготы и лишения партизанской жизни.

Один из них, доктор юридических наук, профессор Будапештского университета Ласло Неваи приглашен на праздник.

— Спасибо за уважение к скромному вкладу венгров в победу, — горячо говорил он с трибуны. — Сообща мы сумели сломать хребет зверю. Я второй раз в Брянске. Хожу и не узнаю города: широкие улицы, красивые дома, много зелени, сады, парки, хорошо одетые люди. Бережно относятся на Брянщине к памяти погибших. Это нужно прежде всего живым, как напоминание подрастающему поколению о подвиге отцов и матерей, старших братьев и сестер.

Эстафету несут молодые

Двадцать три комсомольско-молодежные бригады ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Брянского машиностроительного завода имени В. И. Ленина встали на сорокадневную вахту памяти, посвященную сорокалетию партизанского движения. Среди победителей бригады В. Руденя, Л. Трофимова, Н. Полякова, Б. Щукина.

В Клинцовском районе на вахту встало более трех тысяч комсомольцев. Лучшими оказались механизаторы В. Бабия, комбайнеры Н. Потапенко и А. Концевой.

Шумит Брянский лес... Не забыть партизанам своих далеких теперь боевых дней.

Брянск.

Возложение венков на площади Партизан.

Бывшие партизаны отряда «Смерть немецким оккупантам» у своего знамени.

**«Огонек» выступил.
что сделано?**

КРИТИКА

ПРИЗНАНА

ПРАВИЛЬНОЙ

В № 24 «Огонька» было опубликовано письмо читателя Д. С. Зубкова из Киева «Остановись, такси!» о неудовлетворительной культуре обслуживания пассажиров легковым транспортом. Редакция получила ответ начальника Киевского управления пассажирского автотранспорта Ф. М. Горая, в котором он сообщил, что жалоба эта была обсуждена в управлении, среди служащих всех таксомоторных предприятий и на собраниях водителей такси.

Водитель АТП 09104 В. Н. Вертецкий за работу на линии с чужим пропуском на имя Остапенко (так он представился автору заметки) и нетактичное поведение с пассажиром отстранен от управления таксомотором и переведен на нижеоплачиваемую работу сроком на три месяца.

В таксомоторных парках, критикуемых в заметке, было обращено особое внимание на внешний вид водителей и санитарное состояние машин.

* * *

В подборке писем «Почта «Огонька»» (№ 18) было опубликовано сообщение водителя В. П. Абрамова из села Нихаевка Белгородской области о неудовлетворительном состоянии подъездной дороги к складам районных объединений «Сельхозхимия» и «Сельхозтехника» в г. Валуйки.

Секретарь Белгородского обкома КПСС В. Ильин сообщил редакции, что факты, названные в заметке Абрамова, подтвердились. Действительно, дорога, не имеющая твердого покрытия, в периоды дождей и весенней распутицы становилась труднодоступной для проезда автотранспорта. К сожалению, из-за отсутствия капиталовложений сделать твердое покрытие пока не представляется возможным. В настоящее время проведено грейдирование дороги и приняты меры по поддержанию ее в проезжем состоянии.

Вопрос устройства подъезда к базам «Сельхозхимии» будет рассмотрен специально.

* * *

Пришло письмо из поселка Верхняя Косьва в ответ на заметку в № 24 «Огонька» «За сто километров» о неудовлетворительной работе почты. Действительно, факты, изложенные в письме А. Косогоровой, подтвердились.

Из-за болезни заведующей почтовым отделением несвоевременно доставлялись корреспонденция, газеты, задерживалась уплата пенсий некоторым пенсионерам. В связи с халатностью в работе и грубым отношением к жителям пос. Верхняя Косьва почтальон Н. П. Неживясова строго предупреждена.

* * *

В ответе на критические заметки о недостатках в обслуживании пассажиров Н. В. Бережной из совхоза Степной и Н. Седуловой из Кончатовской области (№ 24 «Огонька») из Главного управления вагонного хозяйства Министерства путей сообщения СССР сообщили, что проводник вагона № 8 поезда № 103 Алма-Ата — Свердловск с работы уволен. Руководителей служб и предприятий вагонного хозяйства обязали еще раз разъяснить начальникам пассажирских поездов, что в таких исключительных случаях, как было с Н. В. Бережной, брать с пассажира только стоимость проезда, а штраф не брать.

* * *

Вскоре после опубликования репортажа «Только в «Столешниках?»» («Огонек» № 19) в редакцию пришло письмо москвича Е. А. Бунина, который, поддержав предложения журнала, в свою очередь, сделал конкретные замечания о работе кафе и баров Дзержинского района столицы. Предложение Е. А. Бунина рассмотрено в исполкоме Дзержинского районного Совета народных депутатов. Заместитель председателя исполкома С. А. Елчин сообщает:

«В настоящее время мастерская-9 управления «Моспроект-2» ГлавАПУ г. Москвы разрабатывает проектное предложение по комплексной реконструкции, капитальному ремонту жилого фонда, объектов культурно-бытового назначения, в том числе по размещению объектов торговли и общественного питания за счет первых этажей строений, расположенных в пределах Садового кольца в Дзержинском районе.

Структура застройки в пределах Садового кольца подлежит сохранению. Сейчас ведется реставрация памятника архитектуры по ул. Сретенка, владение 27/29. В ближайшее время подлежат реставрации два строения по Рождественскому бульвару, 13, и пр.».

обрушиваются израильские бомбы и снаряды, но и в те немногие дни, когда этого не происходит. Задуманный как центр оказания первой неотложной помощи жертвам агрессоров, госпиталь сразу же превратился в общедоступную поликлинику, укомплектованную высококвалифицированными энтузиастами-врачами.

— Наша главная задача,— говорит мне Рафья Абу Жамра,— оказание помощи самым широким слоям жителей города и его окрестностей и прежде всего — неимущим, которых здесь немало. Ведь населению Южного Ливана в результате израильской агрессии нанесен огромный материальный ущерб. У крестьян разрушены дома, уничтожены посевы, сельскохозяйственная техника. У горожан пострадали мастерские, мелкие предприятия, лавочки. Рыбаки не могут выходить в море — их расстреливают израильские катера. У многих разрушены дома, и они вынуждены ютиться у родственников или знакомых, снимать углы. Частные же врачи сегодня в Ливане очень дороги, а к лекарствам вообще не подступиться. В нашем же госпитале пациенты платят только символическую сумму, а в обслуживании их входят бесплатное предоставление лекарств и даже, если нужно, неотложная госпитализация. В госпитале работают два врача с советскими дипломами, два с венгерскими, один с румынским, два французских врача-добровольца, один египтянин. Помогают два студента-старшекурсника советских медицинских вузов, приехавшие на родину на практику...

— Здравствуйтесь! — вдруг раздалось по-русски с порога. — Вы — советский журналист?

И в маленький кабинетик буквально ворвались трое молодых людей в белых халатах, посыпались русские фразы.

— А теперь вы можете говорить по-русски, — сказал мне Рафья Абу Жамра. — Вот они — наши советские врачи, о которых я вам только что рассказывал.

Мне и раньше приходилось встречаться с молодыми ливанцами и палестинцами, работающими врачами после окончания советских вузов во фронтовых госпиталях: на юге Ливана — в многострадальном городе Набатия, тоже, как и в Тире, в госпитале, созданном Народной ливанской помощью, в госпитале лагеря палестинских изгнанников Аль-Басс, находящегося на окраине Тира, в Бейруте и в горном городке Алей. И везде наших выпускников называют «советскими врачами», да и сами они говорят о себе с гордостью:

— Мы — советские!

Сегодня в подземном госпитале Тира дежурили Аднан Юсеф аль-Суки, только в этом году окончивший медицинский факультет в Москве, Хадед Фуани, приехавший на стажировку из Ростова, египтянин Асаль Фуад, выпускник Первого Московского медицинского института. Надо было видеть, с какой радостью они кинулись ко мне! А Рафья Абу Жамра смотрел на них с доброй отцовской улыбкой, и было видно, что он гордится этими молодыми людьми, как сыновьями.

Разве не об этом он мечтал, когда ливанским коммунистам приходилось работать еще в подполье, когда за одно лишь доброе слово об СССР в Ливане бросали в тюрьму, а уж о том, чтобы поехать в Страну Советов на учебу, и думать не приходилось. Книжки же Маркса, Энгельса, Ленина считались высшей крамолой, а теперь...

— В этом году мы ожидаем возвращения в Ливан еще двадцати наших парней с дипломами советских медицинских институтов, — с гордостью говорит он мне. — И все они будут работать в Народной ливанской помощи...

А «советские врачи» завладевают мною окончательно. И директор лишь добродушно улыбается, когда они уводят меня смотреть свое хозяйство, быстро и чисто говоря по-русски и перебивая друг друга.

Мне показывают все — помещение для ожидания приема и операционную, рентген-кабинет и палаты, где лежат больные, организованную по советской системе регистратуру и фармацевтический кабинет. И рассказывают: все это создано и содержится на средства, поступающие от добровольных сборов в Ливане и за рубежом. Перечисляют страны и организации, присылающие медикаменты и оборудование, не называют только... Советский Союз!

Когда же я спрашиваю, почему — все трое искренне удивляются:

— Нет, мы не забываем о том, что помощь поступает и от Советского Красного Креста. Но что тут особенного? Это же естественно! Разве может Советский Союз оставить нас в беде? Помощь от советских медицинских организаций — это уже дело само собой разумеющееся!

Стажировка Хадеда Фуани пришлось как раз на «пятнадцатидневную войну», и он провел ее всю, работая в Тире в госпитале НЛП.

— Когда я вернусь в Ростов, — говорит он, — мне предстоит специализироваться. И я решил, что стану хирургом — эта специальность одна из самых нужных сегодня в Тире, да и во всем Ливане!

В дни июльской агрессии в госпиталь НЛП поступило более 100 раненых. Но это только в один госпиталь НЛП! Жертвы сионистов поступали и в большой палестинский госпиталь на окраине Тира.

Правда, и жители Тира, и палестинские изгнанники за годы непрекращающихся израильских бомбардировок научились осторожности. В палестинских лагерях детей обучают правилам поведения во время бомбежек и обстрелов уже в детских садах, а в школах они основательно изучают гражданскую оборону и военное дело. Поэтому количество жертв в Тире и его окрестностях было сравнительно невелико. Сравнительно! Если сравнить Тир, например, с уничтоженным израильскими воздушными пиратами бейрутским кварталом Фаххани, где за полчаса под бомбами и ракетами «фантомов» погибло более 300 и было ранено и изувечено более 800 ливанцев и палестинцев.

— Передайте спасибо от всех нас, выпускников советских медицинских институтов, нашим преподавателям в СССР! — просят меня на прощание «советские врачи» подземного госпиталя НЛП в Тире.

«ПО КОМ ЗВОНIT КОЛОКОЛ»

...Католический архиепископ Тира монсеньор Жорж Хаддад собирался на богослужение по случаю очередного церковного праздника. Он так и принял меня в парадном облачении в своей резиденции в христианском квартале Тира — в квартале, больше других пострадавшем от огня израильских катеров и от право-христианских раскольников, которыми командует однофамилец архиепископа «майор-рenegат ливанской армии» (так именуют его бейрутские газеты) Саад Хаддад. В Тель-Авиве порой до истерики кричат о любви сионистов к ливанским христианам, о том, что сионисты полны решимости их «защитить». Но многочисленные человеческие жертвы в христианском квартале Тира, уничтоженные здесь жилые дома — вот истинная демонстрация «любви» сионистов к ливанским христианам.

Один из молодых шведских врачей, работающих от имени шведского Красного Креста в лагере палестинских изгнанников Рашидия, находящемся в 5—7 километрах от Тира — почти на самой линии фронта — и являющемся излюбленной целью израильских артиллеристов, рассказывал мне:

— Я объехал почти весь Южный Ливан по эту линию фронта. И я не нашел ни одной христианской церкви, не разрушенной израильскими орудиями или самолетами. Да что уж говорить о крестах на колокольных храмах, когда «фантомы» преднамеренно расстреливают даже белые санитарные машины, идущие под флагами с огромными красными крестами, с такими же крестами на бортах и на крышах!

...Мы беседуем с монсеньором Жоржем Хаддадом в его официальной приемной. Раскрытая дверь ее выходит в уютный дворик-патио, где в изящной мраморной чаше фонтана журчит прохладная вода, где вдоль стен стоят обломки древних колонн — свидетели славного прошлого города. Откуда-то в тишину дворика доносится голос далекого колокола. Все мирно, спокойно. И даже не верится, что по пути сюда мы проезжали мимо развалин жилых домов и уродливых бетонных входов в подземные убежища, мимо затопленных у входа в маленькую, почти игрушечную городскую гавань торговых суденышек, мимо постов и патрулей народной милиции, созданной НПС — ПДС. Но мы говорим не о мире, а о войне, ибо нет сегодня мира под оливами Южного Ливана.

Монсеньор Хаддад рассказывает о страданиях горожан, об их нуждах. И самой главной заботой он считает сегодня строительство подземных убежищ. Их нужно больше, намного больше.

— А проблема электроэнергии? Горючего?

Питания? Медикаментов? — спрашивает Рафья Абу Жамра, организовавший эту встречу.

Да, соглашается монсеньор Хаддад, все эти проблемы тоже стоят сегодня в Тире чрезвычайно остро, но городской народный комитет занимается их решением. Проблема же строительства подземных убежищ требует больших капиталовложений, а строительная организация, созданная Народной ливанской помощью и строящая в Тире убежища, существует на добровольные взносы и пожертвования. Помощь центральных властей пока явно недостаточна.

Я спрашиваю архиепископа, заметно прислушивающегося к призывам далекого колокола, что он считает сегодня главным в настроении горожан... Ну, в сравнении, скажем, с мартом 1978 года?

— Тогда, как вы помните, — отвечает он, — город покинуло почти все население. В этот раз почти все население осталось в Тире. Люди говорят, что лучше мы умрем в родных стенах, чем где-нибудь на обочине дороги, как бездомные собаки. Мы не покинем Тир, что бы ни произошло, говорят они и, как только наступает затишье и прекращаются обстрелы, начинают восстанавливать разрушенное. Восстановительные работы ведутся и в христианском квартале, мы восстановили школу святого Жозефа. Туда вернулись учительницы-монахини, и занятия возобновились. Конечно же, жители города потеряли многих родных и близких, мы помним и оплакиваем их...

«Не по жертвам ли израильских артиллеристов и летчиков, не по жертвам ли убийц из Тель-Авива звонят сегодня колокола в Тире?» — думалось мне, когда мы возвращались от архиепископа по узким улочкам христианского квартала к машине, оставленной нами у игрушечной гавани Тира, где рыбаки срочно приводили в порядок свои ярко раскрашенные баркасы, чтобы воспользоваться прекращением огня и выйти наконец в море.

Мы идем мимо старинных домов, стены которых были в заплатах свежего бетона, куда ударили израильские снаряды. Нам попадаются по пути работающие каменщики и стекольщики. Мы видим новенькие двери и ставни — старые уничтожены пожарами. Тир живет несмотря ни на что!

Потом мы едем мимо великолепных древних колонн, мимо мраморных остатков ансамблей жилых и общественных зданий, лишь несколько десятилетий назад открытых миру археологами и сразу же ставших гордостью человеческой цивилизации, мимо знаменитого римского ипподрома, главной улицы древнего Тира, мощенной каменными плитами и обрамленной величественными портиками, старинного кладбища — настоящего музея мраморных саркофагов, украшенных древними мастерами традиционными для акрополя рельефами.

Я видел все это. Видел и следы израильских снарядов и бомб, разрушивших те сокровища, которые не могли разрушить тысячелетия. И по этим сокровищам, принадлежащим всему человечеству и уничтожаемым тупыми сионистскими варварами, звонят сегодня колокола в Тире.

И вспоминаются слова, сказанные мне на прощание секретарем горкома ливанских коммунистов товарищем Тааном Муслимани:

— В прошлый раз израильтяне боялись штурмовать Тир и захватить его. Теперь они могут пойти на это. Тир — кость у них в горле, Тир — опора всего западного участка фронта Объединенных вооруженных сил, срывающих планы Тель-Авива по захвату южно-ливанских земель вплоть до реки Литани и осуществлению бредовой мечты идеологов сионизма о «Великом Израиле». И мы готовимся к отражению новой, очередной агрессии...

...И опять пыль дороги, на скорую руку проложенной бойцами Объединенных вооруженных сил в объезд развалин моста Касмия, дорога через кладбище к золотым апельсиновым и лимонным садам. Дорога бессмертия Тира.

Тир — Бейрут.

3. ЗОЛотова

«Дети, родные по крови, поставленные на ноги отцом и матерью, отправляют стариков родителей доживать свой век и умирать на чужих руках, на гособеспечении в домах-интернатах... Это ли не предательство? Не могу спокойно смотреть на них — здоровых, красивых, модно одетых, благополучных, когда они приходят к старикам в дни посещения. Как могло случиться, что в современной квартире нет угла для матери-старушки?..»

Галина Юрьевна К.

В редакционной почте немало писем от людей преклонного возраста. Что же, это естественно: старость — пора подведения итогов, когда за плечами жизнь, опыт, найдется что сказать молодым, чем поделиться. В сегодняшнем разговоре первое слово тем, кто под старость остался без семьи, без отчего дома, хотя и здравствуют дети, которым отдали жизнь.

Здесь нет вымышленных судеб. Все — из писем читателей или из рассказов тех, с кем пришлось встретиться в домах-интернатах. Только вот настоящие имена и фамилии указать не могу. По личной просьбе каждого.

Галина Юрьевна К., автор письма, присланного в редакцию:

— Живу в интернате уже несколько лет. Я педагог, препода-

вала в школе и, может быть, поэтому присматриваюсь к каждой судьбе. Вот, например, живет рядом Нина Николаевна Кузнецова, мать пятерых детей. Все в люди вышли, как она говорит. Но ни один из «вышедших в люди» не взял к себе восьмидесятилетнюю мать. Большие все Нина Николаевна страдает от мысли, что ее детей осуждают...

Никого не виню, даже дочку, хотя она не защитила меня, когда зять сказал, что все равно рано или поздно быть мне в интернате. Сама решила — лучше раньше. Помощницей в последние годы, после перелома ноги, плохой им была. Только хлопоты со мной: одна операция, другая. У Лидочки трое детей, забот сколько. Да еще зять выпивает. Дочка плачет по ночам. Я вmeshиваюсь, браню его. Ссориться начали. Вот и решила я сберечь семью, сюда уехала. Ради внуков.

Как бы ни было тяжело на душе, тут я в тепле, в чистоте. Врачи хорошие, повара готовят вкусно. Общественной работой занимаюсь. В швейном цехе зарабатываю немного. Накоплю — и Лидочке. Жалею ее: у меня как сыр в масле каталась, а с пьяницей, конечно,

лий Романович Ш., профессор, доктор наук, специалист в своем деле известный. В 78 лет Василий Романович не утратил работоспособности. Не успев освоиться в новой обстановке, профессор принялся дописывать научную статью. Мозг работает четко, мысль ясна. Если бы не физическая немощь... Само собой разумеется, Василий Романович надеялся встретить почтенный возраст в семейном кругу. Как же иначе? Единственный сын, способный и даже, как говорят, талантливый, пошел по стопам отца, защитил диссертацию.

Судьба распорядилась иначе. Рэма, конечно, отец оправдывает. Он мягкий, покладистый, он ученый, наконец, далекий от житейских проблем. Причина в невестке. Подросли дочери, хочется для себя пожить, а деду нужен уход.

Профессор вынужден был уступить общему бурному натиску семьи — переехать в интернат. В интернате Василию Романовичу пришлось долго и громко доказывать, что ему нужна отдельная комната, выслушивать резкости («Здесь не санаторий, не надо было ехать»), разъяснять, что в го-

Сколько слышала от них: пока были силы и здоровье, воспитывала внуков, теперь стала не нужна; сын живет в трехкомнатной квартире — полная чаша, цветной телевизор. На душе гордость за успехи сына и одновременно обида на него, на невестку, печаль-горе, что не пестовать, не обнять внука. И стоят на подоконнике у Марии Николаевны два оловянных солдатики. Не внуком подаренные, а оброненные чужим мальчишкой в интернатском дворе. Для нее они память о внуке, другой-то нет...

Слез сколько, выпланных и невыплаканных, думаю, высканных и невысказанных! Прошу адрес детей — не дают... Знают: приятной эта встреча не будет. И боятся: вдруг до работы Ивана Петровича дойдет?

Не могла я обидеть этих людей, заставить вновь пережить пережитое, а потому не стала настаивать — ради внуков. Бог с ними, с детьми... Вот бы только внуки боли слишком рано не изведали, об отце-матери худого не подумали.

И все-таки с сыном Марии Николаевны я встретилась... В подъезде, у входа в который надпись

ОДИНОЧЕСТВО

лова созрела книга, хочется успеть...

А что Рэм Васильевич? Как всегда, занят. Собрание, симпозиум, срочная командировка, международная конференция. Профессор с детства учил сына языкам: устраивали с женой день английского, день французского. Пригодились сыну знания. Занят, занят Рэм Васильевич. Профессора в интернат отвезли другие люди, далекие по линии родства, но, видимо, более близкие по сердцу.

Только теперь, в старости, и Рансе Григорьевне и Василию Романовичу стало понятно, что жизнь была напрасно принесена в жертву собственному дитяти. Безотказная родительская любовь, жертвенная, неразумная, взрастила эгоизм: все — мне. Издержки семейного нравственного воспитания остались навсегда. Вернуть бы прошлое, начать сначала...

Но какой бы горючей слезой ни исходило материнское сердце, дитя свое оно не отторгнет. Сидят аккуратненькие старушки на лавочках и перебирают непослушными пальцами пряжу — вот будущие носки для сына, шапка внуку. Здоровье позволяет, можно и поработать в швейном цехе, мастерских, в парниках. Пятьдесят процентов заработка лично тебе, а пятьдесят — доход интернату. Деньги эти бережно, до копейки — в узелок, в платок, на сберкнижку. Потом Ванечке, которого давно величают Иваном Петровичем, а он и с праздником забыл поздравить и внучка ни разу не привез. Или так беззаветно материнское сердце, или не всякий урок на пользу... А урок — страшнее не бывает: одиночество при живых детях.

«Дом образцового содержания и высокой культуры быта». Разило винным перегаром. Видимо, принята значительная доза, если он так и не смог дойти до квартиры. Милая Мария Николаевна, может быть, и лучше, что вы не знаете всей глубины нравственного падения своего любимца. И не может быть, а уж наверняка работа государства о вас гораздо весомее и, думаю, трогательнее несостоявшейся опеки сына.

Забота о стариках. Внимание к ним. Особое внимание, когда осталась в прошлом связь с рабочим коллективом, когда после разрыва с семьей пришло одиночество, то, что называется социально-бытовой неустroенностью. Заработали, завоевали, получили по Конституции старики наши право на заслуженный отдых. И если не судьба встретить преклонный возраст в кругу семьи, стало быть, условия в интернатах нужно максимально приблизить к домашнему уюту. Это понятно. На склоне лет трудно привыкать к незнакомому быту, сживаться с новыми людьми. Не прост он, новый, стариковский коллектив: психологическая совместимость нужна, как в космосе. От прежнего уклада жизни, от многих привычек приходится отказываться, от самого дорогого иногда.

Как хотелось Дине Ивановне взять с собой вещи Женечки, немудреные, но для матери бесценные, — учебники, школьные дневники, картины (он рисовал маслом), летные очки, унты (летчик капитан Евгений Вла-

Смотрю на солидных отцов семейств, мужей, а вижу в них мальчишек, школьников. Как рос ты, думаю. Каким вырос — вижу. Пришел мать навестить, а сам отвернулся, молчишь — нет слов для матери родной, скорее уйти хочется. Другой прогуляет старушку по интернатскому двору, вручит панетик целлофановый с гостинцами — и домой. Вот и исполнил сыновний долг. А сам уже седой, на пенсии, казалось бы, многое понимать должен.

Сам я здесь с матерью. Не смогла ее одну в интернат отправить. Только вместе, говорю. Держались дома, пока могла физически обеспечить ей уход. Война проклятая сказалась. Ведь, бывало, с большими суставами в сорокаградусные морозы деревья рубила... Что говорить, досталось всем.

А как было жалко ребятшек наших! Придут в класс, дрожат от холода, голодные. Матери-солдатки из последних сил, как могли, старались согреть их, оградить от беды, чтобы детские глаза горя не видели. Как же их осуждать за то, что после лихолетья хотелось радости для детей? О своем счастье не мечтали, привыкли к вдовьей участи. Теперь вижу: многие не уберегли детей. От самого главного — черствости душевной, жестокости.

Ранса Григорьевна Н. приехала в интернат по своей воле. Как она считает, по-доброму рассталась с дочерью.

— Счастью ее не хочу мешать, потому что сама счастья не видела. Мужа схоронила в начале войны, умер в госпитале от ранения

не сладко. Но я рада, что у внуков хоть какой-то отец есть. Много ли нам, старикам, надо? Приезжали бы родные почаще. Не одинока я здесь, но как за воротами детский голос услышу, сердце замирает: вдруг моя внученька приехала?

Всегда ли мы задумываемся о том, что у наших бабушек с настрадавшимися руками, в скромных старомодных платьях, у дедов, сохранивших строгую выправку, за плечами война? Нет судьбы, которой она не коснулась, нет семьи, не обездоленной ею. Сорок лет уже минуло. Новое поколение выросло. Но боль остра по-прежнему, близка. В похоронках, бережно хранимых солдатских письмах, во вдовьей участи, одинокой старости.

Может быть, из-за этих испытаний и потребности у нынешних пожилых не столь велики. Удивляемся, как они могут не только прожить на скромную пенсию, но и на последний путь отложить, дабы не обременять молодых. Не вздыхать, не охать по каждому поводу. Пережившие страшную трагедию наши деды и бабушки ратуют только за одно — не было бы новой войны.

Не только трудом жив человек. И теперь, когда физические силы на исходе, когда подорвано здоровье, хочется одного — участия и тепла. Не казенного, не того, что положено по закону. Тепла, что идет от сердца и согревает душу. Сыновней ответной любви ждут родители. Не приведи судьба испытать, как жестки сердцем собственные дети.

Недавно в один из московских домов-интернатов переехал Васи-

димирович Николаев погиб на второй год войны). Дина Ивановна бережно хранила их, разговаривала, как с живыми. В интернат долго не решалась ехать, все боялась расстаться с памятью сына... Конечно, есть инструкции, правила — все понятно. Но, может быть, в порядке исключения стоило отказаться от запрета? Легче было бы Дине Ивановне в незнакомой обстановке с дорогими сердцу реликвиями.

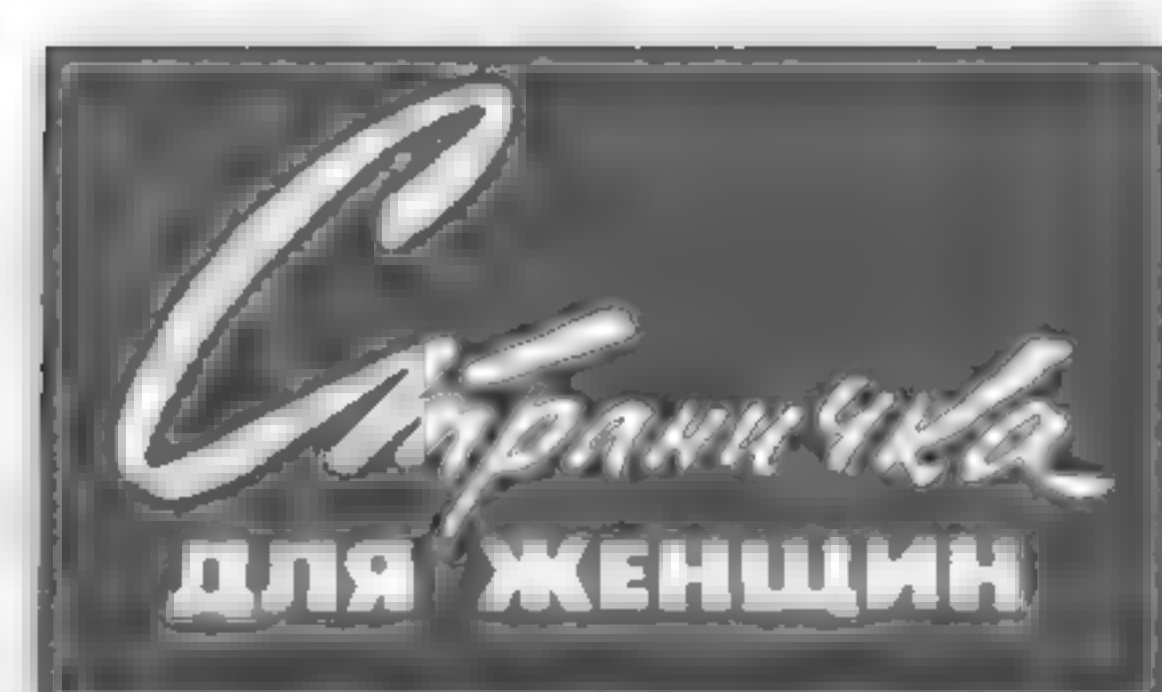
Побывав в интернатских комнатах, сразу видишь, кого посещают, кого нет. Недорогие чашки, платки, салфеточки, всякие мелочи резко выделяются на фоне удобной, но стандартной обстановки. Незатейливые эти предметы берегут, щупают, пересматривают по нескольку раз в день — подарки от дочери, невестки, а то и от внука... Ими похваляются перед остальными: вот, мол, какие у меня дети внимательные.

«Как могло случиться, что в современной квартире нет места для родителей?» — писала Галина Юрьевна К. Вполне понятно, что ей, как и большинству из нас, эта жестокость и эгоизм выросших детей кажутся чудовищными. Позже, при встрече, автор письма ответила на свой вопрос.

Многие считают, что после войны было легче воспитывать детей. Что сама жизнь, трудная, полуголодная, испытывала характер на прочность, формировала высокие нравственные качества. Почему же так жестоко расплачиваются наши матери?

Еще раз напомним, что говорили мои собеседники: «Стала жить только для Лидочки», «Скрывала от сына, что больна, а сама вагоны разгружала», «Пете отдал всю жизнь». Учительница Галина Юрьевна, перед глазами которой сотни примеров, говорила мне: «Даже то, что под силу детям, многие матери взваливали на себя, лишили их возможности трудиться. Здесь, в интернате, вижу результат: чужую боль, чужую беду сформировавшийся в таких условиях взрослый человек уже не слышит». Не потому ли, что для жизненных взглядов, моральных установок ребенка не имеет значения, чем мы его балуем: отдаем ли последний кусок хлеба или покупаем мотоцикл, исполняя его каприз? Как мы уже видели, нравственно изуродовать личность можно при любом достатке, когда четко соблюдается условие — все детям и ничего от них. Вот и получилось по пословице: кто детям потакает, тот сам плачет...

Спрашивала я великовозрастных детей в день посещения интерната: почему так редко навещаете своих стариков? Всегда находились весомые оправдания: больна жена, работа, дети маленькие. Слышала, как возмущались, требуя здесь, в интернате, лучших условий для своих родителей. Не знаю только, были ли у них бессонные ночи оттого, что совесть не дает покоя, что вина перед самым близким человеком не искуплена? Вспомнит ли Лидочка, как больная мать ей цигейковую шубку покупала, а Рэм Васильевич — папины уроки английского языка? Смогут ли они одуматься и вернуть свой святой неоплаченный долг? Успеют ли? Старость никого стороной не обойдет: будущее, которое кажется сейчас далеким, быстро становится настоящим.

НАЙТИ СВОЙ СТИЛЬ

В. МОРОЗОВА

Сколько статей было написано о культуре одежды практически ради одной простой мысли: одеваться красиво — хорошо! Но как это сделать? Многие скажут, что в первую очередь это зависит от предложений магазинов, от материальных возможностей, от степени вкуса и воспитания, от образа жизни, который человек ведет. Но из чего выбирать?

«Самобытно, своеобразно работают белорусские художники. Изделия многих наших швейных, трикотажных и обувных предприятий как-то очень выделяются своим хорошим вкусом и вместе с тем добротностью качества», — написала нам Т. Лепешкина из Молодечного.

Письмо это вызвало желание поближе познакомиться с белорусскими художниками-модельерами.

В Белорусском Доме моделей было почти безлюдно. Оказалось, что все уехали на оптово-промышленную ярмарку в минский Дворец железнодорожников.

— Ярмарки мы проводим дважды в год, — сказал нам директор Белорусского Дома моделей одежды Анатолий Петрович Гусар. — Собираются на них представители промышленности, торговли и мы, конечно. Задача наших художников — доказать целесообразность, реальную перспективу новой моды. На ярмарке они не гости, а хозяева. Каждый наш художник закреплен за определенным предприятием как полноправный член производственного коллектива. Он предлагает новые модели, следит за их внедрением и несет ответственность за их реализацию. Дело в том, что на предприятиях легкой промышленности Белоруссии нет своих художников, всеми раз-

работниками новых моделей, новых тканей, обуви, кожгалантереи занимается единая моделирующая организация — Дом моделей.

— В республике, — пояснил главный художник Дома моделей Владимир Васильевич Булгаков, — ни одно изделие легкой промышленности не выходит без визы нашего художественного совета. Его решение обязательно для всех предприятий для внедрения в промышленное производство, исходя, конечно, из технической оснащенности данной фабрики, комбината и его сырьевой базы. Такая система единого моделирования более гибкая, мобильна, хотя и накладывает на каждого художника большую ответственность, так как в конечном итоге он почти единственный автор любого изделия, поступающего на прилавки магазина. Эта система «модель — конструкция», как ее условно называют в Доме моделей, значительно сокращает срок прохождения любой новой идеи к потребителю.

— Белорусский Дом моделей был создан в 1948 году на базе небольшой лаборатории. Сейчас здесь работает более пятисот человек. Разрабатываем мы и новые виды тканей для текстильных фабрик, — рассказывает А. П. Гусар. — Затем первые образцы передаем для апробации нашим художникам, которые и решают, на что она годится, как целесообразнее ее использовать и каким конкретно швейным предприятиям ее рекомендовать. Проводим мы большую работу и с работниками швейной промышленности, торговли. Ежегодно идет, так сказать, психологическая подготовка к освоению нового, модного ассортимента. Ярмарки проводим дважды потому, что за полгода меняется конъюнктура

рынка, выявляются наиболее приемлемые образцы. Помимо обычного ассортимента, каждое из пятнадцати наших предприятий легкой промышленности имеет небольшой поток для несерийного модного ассортимента, до пятисот единиц. На этих небольших сериях промышленность вместе с нашим Домом моделей готовит потребителя к восприятию нового, перспективного. В Минске есть фирменный магазин Министерства легкой промышленности «Одежда», в котором реализуются предложения остромодного ассортимента, изготовленного у нас. Торговля вначале недоверчиво отнеслась к этой идее, но мы взяли на себя обязательство — забирать обратно нереализованный товар на любую сумму. Практика доказала нашу правоту: еще ни одно изделие не вернулось к нам из магазина. Да и продавцы не жалуются: идет лучше импорт. Эти модели попадают в продажу сразу после утверждения на художественно-техническом совете Дома, без дальнейшего согласования с вышестоящими организациями.

— Я вообще считаю, что чем больше мы доверяем художнику, чем меньше специалистов смотрят модель, тем в более чистом виде она доходит до потребителя, тем ближе она к идее, задумке художника, — вступает в разговор В. В. Булгаков. — Ведь это главная беда наша. Прекрасная модель, созданная художником, пока пройдет все советы, все калькулирующие, планирующие и прочие «медные трубы», невольно превратится в серое, маловыразительное убожество, которое порой достается потребителю. Наши промышленные модели пусть не всегда эффектные, но созданы на реальной базе. Ведь мы на 80 процентов работаем на своем сырье, знаем возможности всех швейных фабрик, которые ее изготовят.

Все это было бы невозможно, если бы наши художники не работали над созданием творческих коллекций. Сегодня эта работа необходима не только для творческого роста самого художника, без которого он просто погибнет как мастер, но и как заряд, толчок для создания нового в промышленности.

Хочется сказать об одной беде, о которой уже упоминалось в «Огоньке», — это отсутствие модных аксессуаров, фурнитуры. Моде сейчас очень помолодела. Модно хотят одеваться наши дети и молодежь, не сдаются сорокалетние и пятидесятилетние. Спортивный, спортивно-деловой

ТАЛАНТЛИВЫЙ СКВОРЕЦ

А. ХУРГИН

В одном животно-птичьем хозяйстве жил Скворец. Занимал должность по способностям — пел. А способности у него были. Петь умел просто-таки любыми голосами. Хоть соловьем, хоть галкой, и по-собачьему, и вообще как угодно. Даже пару человеческих слов выговаривал. Так что, когда очень надо было, когда кто-то там в очередном отпуске или на больничном, Скворец и за себя и за других поработать мог. И работал.

А начальниками в хозяйстве были: непосредственный у Скворца — Петух, непосредственный у Петуха — Козел, непосредственный у Козла — Баран. Ну, а Скворцу все они, понятно, были начальниками один больше другого.

Способности Скворца секретом для них не являлись. И как-то, случайно, пораскинув своими ку-

риными мозгами, Петух подумал: «А почему бы моему лично подчиненному Скворцу за меня не петь, как это бывает у других начальников: подчиненные поют, а они только общее руководство осуществляют». И вызвал Петух Скворца, и вменил ему в обязанности (неофициально, конечно) кукарекать, когда положено по времени, и чтоб об этом не особенно свистеть, чтобы не подумали про него, про Петуха, чего таного.

Скворец — птичка маленькая. Надо так надо. Кукарекать, так кукарекать. Подучился, подрепетировал, закукарекал.

А тут вскорости и Козлу подобная мысль в его козлиную голову пришла. Что бы Скворцу, раз он может кукарекать (прознал-таки), не начать за него, Козла, мекать. Начальник он или нет в конце концов? И поручил Петуху вменить в обязанности Скворца мекать. Только чтоб мекать, но про это не вклять. Как будто он сам мекает,

как положено, а не какой-то там Скворец неноменклатурный.

А Скворцу какая разница? Мекать так мекать. Попробовал — ничего, выходит похоже. Живет Скворец, за себя поет, как предписывает штатное расписание, за Петуха кукарекает, за Козла мекает и со всем этим справляется успешно.

И вот такое положение дел дошло через кого-то до самого Барана. «Что же это такое? — думает Баран. — За Козла и Петуха этот способный на все Скворец вкляивает, а я как бекал сам, так и бекаю. Что это за постановка вопроса?» Тут же позвонил Козлу и дал задание поручить Петуху вменить в обязанности Скворца бекать. И докладывать, как тот справляется. Чтoбы отчеты были в полном порядке и с опережением графика.

Стал Скворец еще и за Барана бекать. Так и работал: бекал за самого большого начальника Барана, мекал за начальника поменьше Козла, кукарекал за своего непосредственного начальника Петуха да еще и пел за себя. Хотя пение при такой нагрузке стало менее качественным.

А Баран, Козел и Петух как руководили, так и руководят: ни бе, ни ме, ни кукареку, и работа идет, и отчеты в норме.

стиль нравится всем. Тут важны не столько фасон платья, он во многом стал универсален, а важны хорошая отработка, оформление вещи. В моде сегодняшнего дня ведущую роль играют фактура ткани, пряжки, пуговицы, тесьма, кнопки, товарные фирменные знаки, пояса. Я мечтаю, чтобы был у нас магазин, где покупатель мог бы купить одновременно туфли, сумку, галстук, ремень к брюкам, головной убор, косынку, шарфик, решенные в едином ключе модного ассортимента. Ведь практически современному человеку не нужен большой гардероб.

Сегодняшнего человека волнует стиль в моде. А стиль сегодняшнего дня — это динамичность и компактность. Одежда такого рода оптимально соответствует своему назначению, условиям нашей жизни. Популярны сегодня несминаемые, не теряющие цвет и форму ткани «стирай — носи». Но нашей текстильной промышленности еще не хватает оперативности в создании новых видов продукции. А ведь ткань последние годы практически диктует моду, имеет решающее значение в создании нового ассортимента.

Взять, например, мужские пальто из традиционного драпа с меховыми воротниками. До последнего времени они были почти единственным видом верхней мужской одежды. Автотранспорт, спорт, работа ускоряют темп жизни и почти вытеснили из модного ассортимента этот вид одежды. На смену пришли куртки, полупальто, полушубки.

Но тут вопрос упирается в финансовую проблему. Затраты труда на пальто и полупальто, которое чуть покороче, практически одинаковы, а стоимость разная. План же фабрики определяется и по сумме и по количеству единиц. Вот и гонит фабрика выгодные ей пальто, а за модный ассортимент не берется. Потребитель же всего этого не знает и не проявляет никакой «сознательности», требует куртки, а пальто идут в уценку.

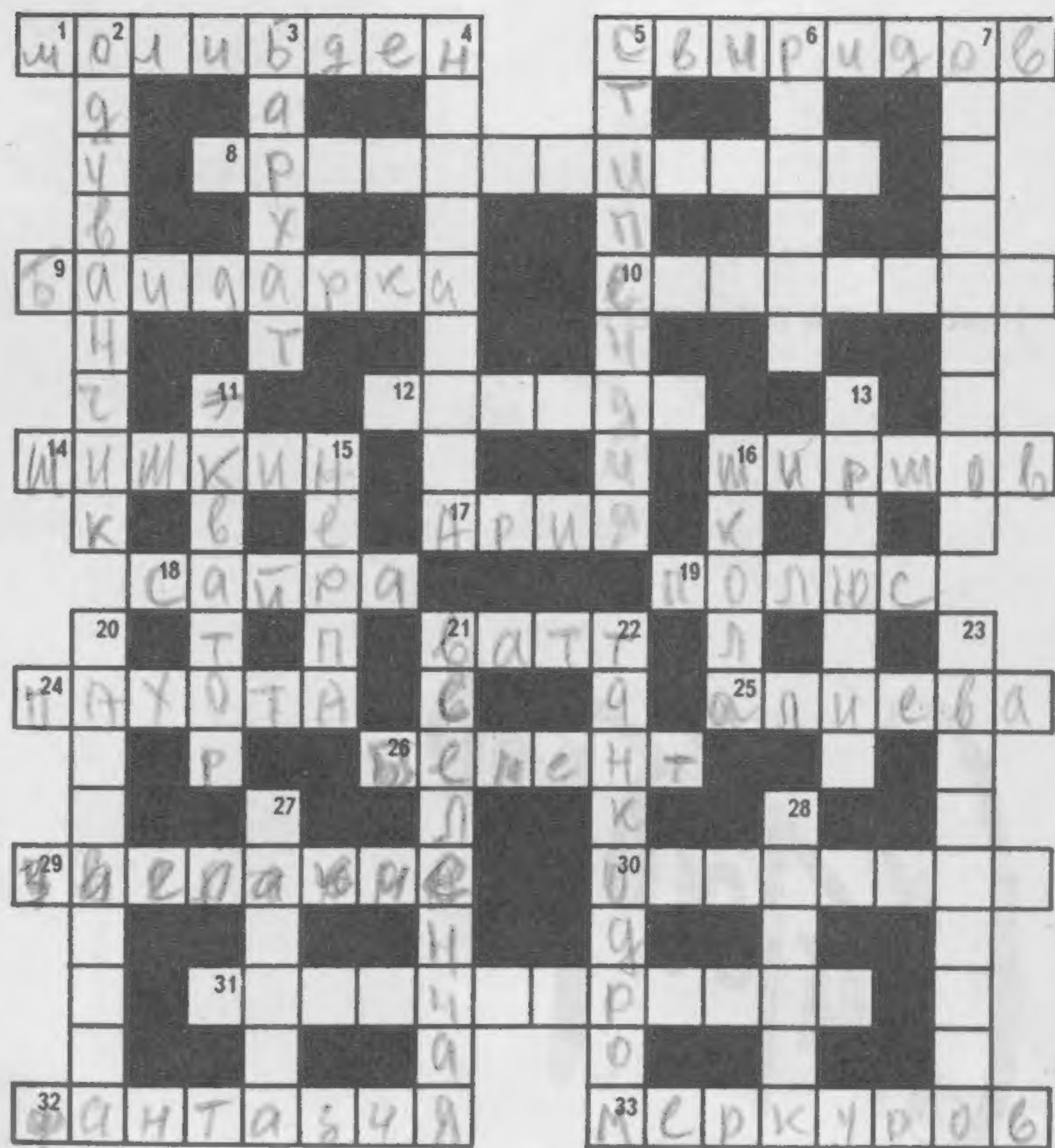
Не менее абсурдное положение с женскими пальто. Из года в год промышленность поставляет воротнички из норки одного и того же унылого фасона «шалковой». Сколько ни бились белорусские

модельеры, пытались добиться изменения формы воротника на более модную, закругленную или типа английского, пробить стену не удалось по тем же финансовым соображениям. При «шалке» наиболее рациональное использование шкурки, а в других вариантах вырезаются кусочки, что неизбежно должно удешевить стоимость воротника. Так и висят в магазинах драповые «саркофаги» с дорогими воротничками без движения, а позже идут в уценку. Вот и решайте, хозяйский это подход к делу или просто желание спокойно жить: план выполнен, и никаких неприятностей.

Правда, с большинством предприятий мы все же находим контакт, какие-то взаимно приемлемые решения. Особенно интересен в этом плане опыт Оршанской фабрики детских товаров, которая уже целиком работает по новой системе договоров с торговыми организациями. Магазины дают ей заказы только по сумме в рублях, фабрика же, исходя из этой суммы, самостоятельно решает, какой ассортимент предложить на продажу. Практически художник-модельер, стоящий во главе всего этого дела, решает, что будет носить ваш ребенок сегодня. А магазин ничем не рискует, так как фабрика опять же подписала обязательство во всех случаях забирать обратно нереализованный товар, но случаев таких пока не было.

Несомненно, работа минских художников-модельеров заслуживает самого пристального внимания, изучения, так как они на практике доказали, как велика, как значительна может быть роль художника в промышленном производстве, как важна тут единая, слаженная, координированная система моделирования. Не меньшее их достоинство в богатстве, разнообразии художественной палитры, в сохранении традиций белорусского народного творчества и сочетании их с новыми эстетическими концепциями.

Смотришь, перебираешь модели — и просто любишь чистоту, звучностью тонов, простотой и изысканностью колористических решений, лаконичностью и изяществом форм творческих моделей белорусских художников...

По горизонтали: 1. Химический элемент, металл. 5. Композитор, народный артист СССР. 8. Рассказ М. А. Шолохова. 9. Спортивная лодка. 10. Действующее лицо в опере Э. Ф. Направника «Дубровский». 12. Рассказ А. П. Чехова. 14. Художник-передвижник. 16. Гидробиолог, академик, Герой Советского Союза. 17. Вокальный номер в опере, оперетте, оратории. 18. Дальневосточная промысловая рыба. 19. Точка пересечения оси вращения Земли с ее поверхностью. 21. Единица мощности. 24. Обработка земли под посев. 25. Народная поэтесса Дагестана. 26. Строительный материал. 29. Вступительная часть произведения. 30. Оптическая система. 31. Горное озеро в Таджикистане. 32. Виртуозная пьеса на темы опер, балетов, песен. 33. Скульптор, народный художник СССР.

По вертикали: 2. Травянистое растение с желтыми соцветиями. 3. Ткань с мягким густым ворсом. 4. Столица государства Тонга. 5. Регулярное денежное пособие студентам. 6. Водоскат в Финляндии. 7. Первый русский ученый-естествоиспытатель, поэт. 11. Условная линия вокруг земного шара. 13. Советский летчик-космонавт. 15. Животное семейства тюленей. 16. Учебно-воспитательное учреждение. 20. Птица семейства ибисов. 21. Мироздание, космос. 22. Специально оборудованный участок для обучения вождению боевых гусеничных машин. 23. Город в Марийской АССР. 27. Река, впадающая в Рыбинское водохранилище. 28. Каменная куропатка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали: 1. Семенов. 4. Казачок. 7. Остап. 9. Алтын. 10. Нафталин. 11. Микроскоп. 13. Пассатижи. 14. Параллелепипед. 16. Адмиралтейство. 19. Герасимов. 21. Амфитеатр. 25. «Холостяк». 27. Балет. 28. Инари. 29. Артишок. 30. Антенна.

По вертикали: 1. Синоним. 2. Муфта. 3. Вторник. 4. Косинус. 5. Черта. 6. Куинджи. 8. Печора. 9. Атташе. 12. Полежаев. 13. Премьера. 14. Пуща. 15. Дефо. 17. Диспут. 18. Витали. 19. Горбуша. 20. Маховик. 22. Фактура. 23. «Родинка». 24. Пласт. 26. Барон.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В деревне Варденик, недалеко от озера Севан, появился необычный памятник. На глыбе красного туфа высечено родословное древо старой пастушеской семьи. (См. в номере материал «Родословное древо».)

Фото Г. Розова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Модели минских художников. (См. в номере материал «Найти свой стиль».)

Фото И. Кункова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 7.09.81. Подписано к печати 22.09.81. А 00432. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2321. Заказ № 1133.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Евг. ОЛЕЙНИК

КРЕСТЬЯНИН И ЛОПАТА

БАСНЯ

Крестьянин в огороде грядки
Вскопал, и пот со лба смахнул,
И с облегчением вздохнул:
«Теперь как будто все в порядке.
Вот потрудился от души —
И грядки вышли хороши».
А вечером его Лопата
С обидой говорила брату,
Что тут же Заступом служил:
«Едва не вытянула жил
Сегодня я, копая гряды.
И чуть не лопнула с досады.
Ах, чтоб Ивана съела ржа!
Ведь он — ни много и ни мало —
Присвоил труд мой.
Я копала!
А он меня в руках держал!»

* * *

Бывает, скажут:
Вроде и не ложь,
А правдой все ж
Не назовешь.
Иному по трудам и плата,
А он в обиде, как Лопата.

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

Сентябрь

Сыплет дождик большие
горошины,
Рвется ветер, и даль нечиста.
Закрывается тополь взъерошенный
Серебристой изнанкой листа.

Но взгляни: сквозь отверстие
облака,
Как сквозь арку из каменных плит,
В это царство тумана и морока
Первый луч, пробиваясь, летит.

Значит, даль не навек занавешена
Облаками, и, значит, не зря,
Словно девушка, вспыхнув,
орешина
Засияла в конце сентября.

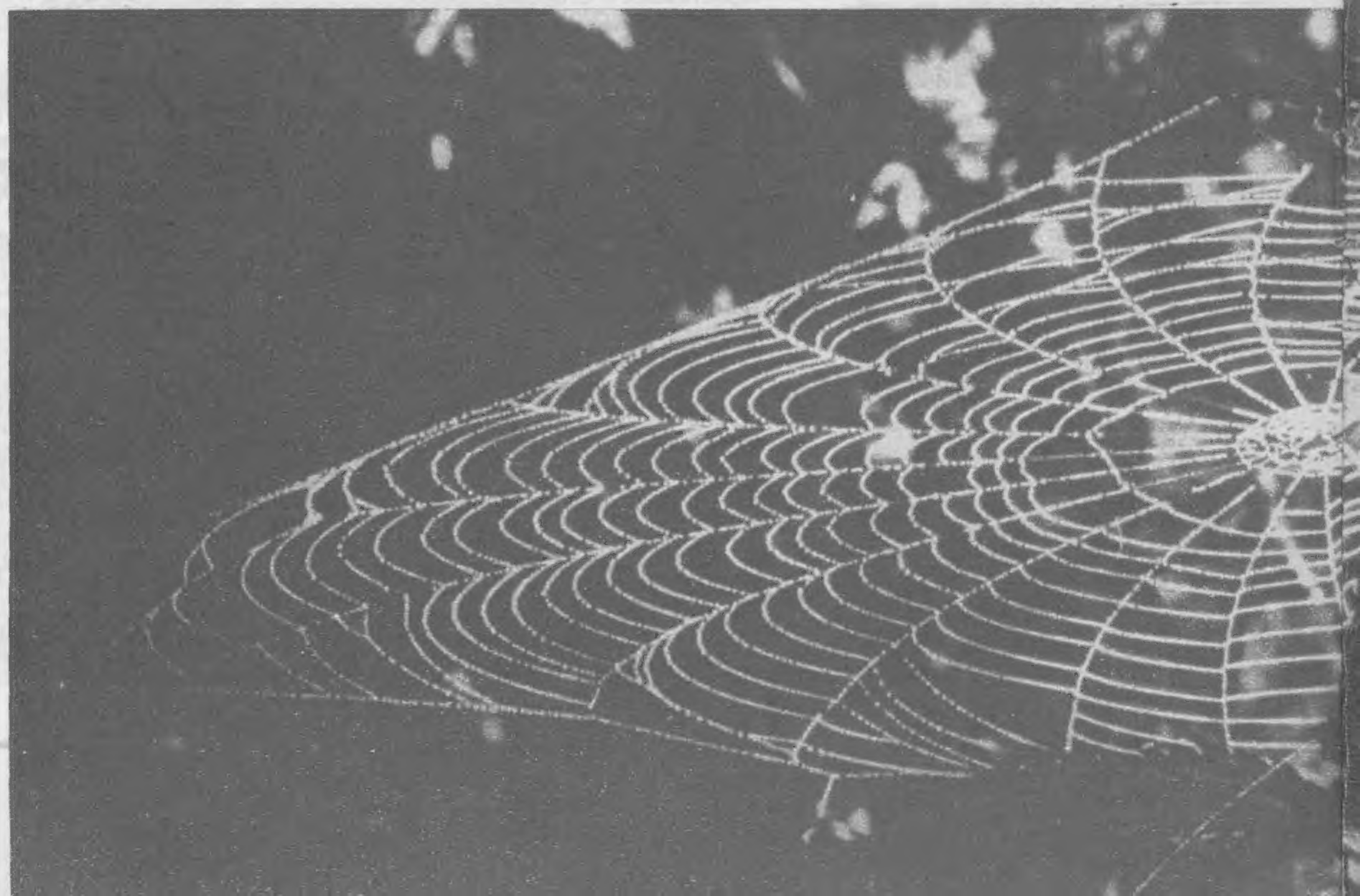
Вот теперь, живописец,
выхватывай
Кисть за кистью, и на полотне
Золотой, как огонь, и гранатовой
Нарисуй эту девушку мне.

Нарисуй, словно деревце, зыбкую
Молодую царевну в венце
С беспокойно скользящей
улыбкою
На заплаканном юном лице.

Фото Н. КАРАСЕВА.

Тула.

JSSN 0131-0097

Цена номера 35 коп.
Индекс 76652